

ВЕСТНИК СВФУ
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

**№ 2 (42)
2026**

**СЕРИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ»**

**SERIES
«SOCIAL SCIENCE»**

Сетевое издание

Издается с 2016 года. Средство массовой информации является продолжением средства массовой информации «ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. К. АММОСОВА СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»
Издание выходит 4 раза в год

16+

2 (42) 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

А.Н. Николаев, д. б. н.

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бурькин, д. филол. н., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Г. Гольдфарб*, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (НИН/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *Санг-Ву Ким*, Ph.D., Пусанский национальный университет, Южная Корея; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; *А. А. Петров*, д. филол. н., зам. директора Института народов Севера, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., БГУ, Улан-Удэ, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Дж.-Хо Чо*, проф. Университет Мёнджи, Южная Корея; *В. И. Васильев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Гермогенов*, д. б. н.; *Ю. М. Григорьев*, д. ф.-м. н., проф.; *Н. Н. Ефремов*, д. филол. н.; *А. П. Исаев*, д. б. н.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., проф., академик РАН; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.

HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии: *А. Е. Григорьева*, к. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия; *В. К. Андреев*, д. ю. н., проф., академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия, Россия; *Л. В. Андреева*, д. ю. н., проф., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Россия; *Т. Б. Басова*, д. ю. н. проф., Дальневосточный федеральный университет, Россия; *Л. В. Бертовский*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *П. В. Гоголев*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *А. М. Дроздова*, д. ю. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *В. В. Кванина*, д. ю. н., проф., Южно-Уральский государственный университет, Россия; *М. Е. Колесникова*, д. и. н., проф., Северо-Кавказский федеральный университет, Россия; *К. Г. Мальхин*, д. и. н., проф., Южный федеральный университет, Россия; *А. Ю. Мамычев*, д. пол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Т. С. Минаева*, д. и. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *Д. Н. Миронов*, д. ю. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *А. В. Соколов*, д. полит. н., доц., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Россия; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доц, СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., доц., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. Е. Шапаров*, д. пол. н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия; *А. С. Шталов*, д. ю. н., проф., Московская академии Следственного комитета РФ, Россия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ipvestnik@gmail.com

Сайт редакции: <https://histvfu.elpub.ru/jour/>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«SOCIAL SCIENCE» SERIES

Online publication

Published since 2016. The mass media is a continuation of the mass media VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY «HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Published 4 times a year

2 (42) 2026

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci (Biology)

Members of the editorial board:

A. A. Burykin, Dr. Sci. (Philology), Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation; *L. G. Goldfarb*, Prof., National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of the National Institutes of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *Sang-Woo Kim*, Dr. Sci. (Philosophy), Pusan National University, Republic of Korea; *V. V. Krasnykh*, Prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation; *A. A. Petrov*, Dr. Sci. (Philology), Vice Director, Institute of the Peoples of the North, Saint Petersburg, Russian Federation; *L. D. Radnayeveva*, Dr. Sci. (Philology), Buryat State University, Ulan Ude, Russian Federation; *L. Salmon*, Prof., University of Genoa, Italy; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *A. N. Tikhonov*, Cand. Sci. (Biology), RAS Zoological Institute, Saint Petersburg, Russian Federation; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea; *V. I. Vasiliev*, Dr. Sci. (Physics & Mathematics), Prof.; *N. N. Germogenov*, Dr. Sci. (Biology); *Yu. M. Grigoriev*, Dr. Sci. (Physics & Mathematics), Prof.; *N. N. Yefremov*, Dr. Sci. (Philology); *A. P. Isayev*, Dr. Sci. (Biology); *G. F. Krymskiy*, Dr. Sci. (Physics & Mathematics), Acad. RAS, Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. Sci. (Biology), Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. Sci. (Philology), Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. Sci. (Biology), Corr. Member RAS, Prof.; *G. G. Filippov*, Dr. Sci. (Philology), Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series: *A. E. Grigorieva*, Cand. Sci. (Law).

Production Editor: *A. A. Pavlova*, Cand. Sci. (Law).

Technical Editor: *N. Yu. Pechetova*, Cand. Sci. (Philology).

The members of the series' editorial board:

Dr. Gustav Wachter, Professor, University of Innsbruck, Austria; *Florian Stammer*, Research Professor, Arctic Center, University of Lapland, Finland; *V. K. Andreev*, Dr. Sci. (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Russian State University of Justice, Russia; *L. V. Andreeva*, Dr. Sci. (Law), Professor, Kutafin Moscow State Law University, Russia; *T. B. Basova*, Dr. Sci. (Law), Professor, Far Eastern Federal University, Russia; *L. V. Bertovsky*, Dr. Sci. (Law), Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *P. V. Gogolev*, Dr. Sci. (Law), Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. M. Drozdova*, Dr. Sci. (Law), Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *V. V. Kvanina*, Dr. Sci. (Law), Professor, South Ural State University, Russia; *M. E. Kolesnikova*, Dr. Sci. (History), Professor, North-Caucasus Federal University, Russia; *K. G. Malykhin*, Dr. Sci. (History), Professor, Southern Federal University, Russia; *A. Y. Mamychev*, Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *T. S. Minaeva*, Dr. Sci. (History), Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *D. N. Mironov*, Dr. Sci. (Law), Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *A. V. Sokolov*, Dr. Sci. (Politicalology), Associate Professor, Demidov Yaroslavl State University, Russia; *N. N. Radchenko*, Cand. Sci. (History), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. A. Struchkova*, Cand. Sci. (History), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia; *N. S. Timofeev*, Dr. Sci. (Law), Professor, Lomonosov Moscow State University, Russia; *A. E. Shaparov*, Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia; *A. S. Shatalov*, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow Academy of the Investigative Committee of the RF, Russia.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

<https://histvf.uelpub.ru/jour>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Андреев Д.В.</i> Повышение цифровой грамотности населения как метод защиты от цифрового мошенничества	5
<i>Афанасьев С.А.</i> Актуальные проблемы юридической ответственности за передачу запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы	12
<i>Корякина З.И.</i> О правомерности наделения аппарата Уполномоченных в Республике Саха (Якутия) полномочием составлять протоколы об административном правонарушении (пункт 11 части 2 статьи 15.2. Кодекса Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях)	21
<i>Павлова А.А., Хан Д.Е.</i> Проблемы организации цифрового взаимодействия следователя в уголовном судопроизводстве	37
<i>Тяптыргянов Ф.В., Туласынова Н.Ю.</i> Международный опыт правового регулирования искусственного интеллекта и угрозы применения «дипфейк»-технологий	47

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Окорокова М.П.</i> Теоретические основания выделения дошкольного возраста как начального этапа политической социализации	55
<i>Шшикина С. К.</i> Сохранение и укрепление традиционных ценностей в молодежной политике университета (на примере СВФУ)	62

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Атласова С.С.</i> Медали Великой Отечественной войны	72
<i>Варвариков Д.С.</i> Стрелковая подготовка в Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны	88
<i>Макарова А.И.</i> История Якутской национальной военной школы (1926-1941)	94

CONTENTS

LAW

<i>Andreev Dmitry V.</i> Increasing digital literacy of the population as a method of protection against digital fraud	5
<i>Afanasyev Sofron A.</i> Current problems of legal liability for the transfer of prohibited items in penal institutions	12
<i>Koryakina Zinaida I.</i> On the legality of vesting the office of the Commissioner in the Republic of Sakha (Yakutia) with the authority to draw up reports on administrative offenses (clause 11 of part 2 of article 15.2 of the Code of the Republic of Sakha (Yakutia) on administrative offenses)	21
<i>Pavlova Arzulana A., Han Darina E.</i> Problems of Organizing Digital Interaction of an Investigator in Criminal Proceedings	37
<i>Tyaptirgyanov Fedor V., Tulasynova Nadezhda Ju.</i> International experience in the legal regulation of artificial intelligence and the threat of using «deepfake» technologies	47

POLITICAL SCIENCES

<i>Okorokova Matrena P.</i> Theoretical Foundations for Identifying Preschool Age as the Initial Stage of Political Socialization	55
<i>Shishkina Svetlana K.</i> Preservation and strengthening of traditional values in the University's youth policy (on the example of NEFU)	62

HISTORICAL SCIENCES

<i>Atlasova Sargylana S.</i> Medals of the Great Patriotic War	72
<i>Varvarikov Dmitrii S.</i> Rifle Training in the Yakut ASSR during the Great Patriotic War	88
<i>Makarova Agrafena I.</i> History of the Yakut National Military School (1926-1941)	94

– ПРАВО –

УДК 347.123

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-5-11>

Оригинальная научная статья

**Повышение цифровой грамотности населения
как метод защиты от цифрового мошенничества****Д. В. Андреев**Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация✉ vervil@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема роста цифрового мошенничества на территории Российской Федерации, в частности в Республике Саха (Якутия). Исследуются основные виды цифровых угроз, с которыми сталкивается население, и анализируется их влияние на экономическую и социальную стабильность. Основной целью исследования является обоснование повышения уровня цифровой грамотности населения как наиболее эффективного превентивного метода борьбы с цифровым мошенничеством. В статье представлены результаты анализа существующих программ по повышению цифровой грамотности. Особое внимание уделено региональной специфике Республики Саха (Якутия), включая особенности доступа к цифровым технологиям и распространенность различных видов мошеннических схем.

Ключевые слова: цифровое мошенничество, цифровая грамотность, защита населения, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), кибербезопасность, превентивные меры, мошеннические схемы.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Андреев Д.В. Повышение цифровой грамотности населения как метод защиты от цифрового мошенничества. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 5-11. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-5-11

Original article

**Increasing digital literacy of the population
as a method of protection against digital fraud****Dmitry V. Andreev**M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation✉ vervil@list.ru

Abstract. This article addresses the pressing issue of increasing digital fraud in the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia). It examines the main types of digital threats faced by the population and analyzes their impact on economic and social stability. The primary goal of the research is to justify the enhancement of the population's digital literacy as the most effective preventive method for combating

digital fraud. The article presents the results of an analysis of existing digital literacy programs. Special attention is given to the regional specifics of the Republic of Sakha (Yakutia), including the peculiarities of access to digital technologies and the prevalence of various fraudulent schemes.

Keywords: digital fraud, digital literacy, population protection, Russian Federation, Republic of Sakha (Yakutia), cybersecurity, preventive measures, fraudulent schemes.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Dmitry V. Andreev. Increasing digital literacy of the population as a method of protection against digital fraud. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 5-11. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-5-11

Введение

Мир в наши дни невозможно представить без активного использования цифровых технологий. Интернет, мобильная связь, онлайн-сервисы прочно вошли в повседневную жизнь граждан, открывая новые возможности для общения, работы, образования и получения государственных услуг. Наряду с неоспоримыми преимуществами, стремительная цифровизация принесла с собой и новые, более изощренные формы преступности, среди которых цифровое мошенничество занимает одну из лидирующих позиций [1, с. 45]. Масштабы распространения и тяжесть последствий этого вида преступлений требуют оперативного реагирования правоохранительных органов, формирования системы защиты населения.

Цифровое мошенничество проявляется в разных формах: от фишинговых атак и распространения вредоносного программного обеспечения до «телефонного» мошенничества, когда преступники, представляясь сотрудниками банков или правоохранительных органов, выуживают конфиденциальную информацию или побуждают жертв к совершению действий, приводящих к потере денежных средств [2, с. 118]. Особенно уязвимыми категориями населения становятся пожилые люди, люди с низким уровнем дохода и те, кто недостаточно осведомлен о современных угрозах в цифровой среде.

Российская Федерация, как и многие другие страны, сталкивается с проблемой нарастания цифровой преступности. Ежегодно фиксируются тысячи случаев мошенничества, наносящие значительный ущерб гражданам и экономике страны в целом. В этом контексте повышение уровня цифровой грамотности населения выступает одним из наиболее перспективных направлений превентивной деятельности. Цифровая грамотность включает в себя умение пользоваться цифровыми устройствами и программами, понимание принципов функционирования цифровых систем, осознание рисков, связанных с онлайн-активностью, и знание способов защиты от цифровых угроз [3, с. 88].

Особое внимание в рамках данной статьи уделяется специфике Республики Саха (Якутия). Этот регион обладает географическими и социально-экономическими особенностями, которые могут влиять на распространенность и характер цифрового мошенничества. Неравномерное покрытие территории мобильной связью и интернетом, обширная территория, специфика местного населения, к которому относятся коренные народы Севера, может иметь значение при разработке и имплементации мер по защите от цифровых угроз [4, с. 210]. Понимание этих особенностей важно для разработки эффективных и адаптированных к местным условиям программ повышения цифровой грамотности.

Целью исследования является анализ текущей ситуации с цифровым мошенничеством в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия), обоснование роли повышения цифровой грамотности как ключевого метода защиты населения.

Материалы и методы

Для достижения поставленных целей в исследовании были использованы теоретические и эмпирические методы. Теоретическая база работы состоит из анализа актуальной научной литературы, нормативно-правовых актов Российской Федерации, посвященных вопросам борьбы с киберпреступностью и защиты прав потребителей финансовых услуг, статистических данных правоохранительных органов и профильных ведомств. Особое внимание уделялось исследованиям, затрагивающим проблему цифрового мошенничества и цифровой грамотности населения на федеральном и на региональном уровнях [5, с. 155].

Эмпирическая часть исследования базировалась на следующих материалах и методах:

Были проанализированы открытые данные региональных подразделений правоохранительных органов и государственных информационных ресурсов, касающиеся количества зарегистрированных случаев цифрового мошенничества, его видов, сумм ущерба и портрета потерпевших за последние пять лет. Особое внимание было уделено статистике по Республике Саха (Якутия) для выявления региональных особенностей.

Изучение конкретных примеров мошеннических схем, получивших широкое распространение в последнее время, с целью выявления их механизма, способов вовлечения жертв и типичных ошибок, допускаемых населением.

Проведен обзор и анализ национального проекта, направленного на повышение цифровой грамотности населения Российской Федерации и отдельных регионов, включая методики их реализации и целевые аудитории.

В качестве иллюстрации различий в распространенности видов мошенничества и уровня цифровой грамотности в целом по стране и в конкретном регионе, была составлена следующая таблица, отражающая тенденции.

Таблица 1

Сравнительный анализ уровня цифровой грамотности и распространенности видов цифрового мошенничества [3, 4]

Table 1

Comparative analysis of the level of digital literacy and the prevalence of types of digital fraud [3, 4]

Показатель	Российская Федерация (в среднем)	Республика Саха (Якутия)
Уровень цифровой грамотности (средний балл по 10-балльной шкале)	6.5	5.8
Доля населения, уверенно пользующегося онлайн-сервисами (%)	72	61
Доля населения, осведомленного о методах фишинга (%)	55	42
Доля пострадавших от телефонного мошенничества (на 100 тыс. населения)	350	280
Доля пострадавших от мошенничества через онлайн-платформы (на 100 тыс. населения)	290	190
Доля пожилого населения, ставшего жертвой цифрового мошенничества (%)	25	32
Суммарный годовой ущерб от цифрового мошенничества (млрд. руб.)	850	35

Методология исследования позволила собрать и проанализировать информацию, необходимую для формирования выводов о роли цифровой грамотности в защите населения от мошенничества.

Результаты и обсуждение

Анализ собранных статистических данных и результатов обзора показал, что цифровое мошенничество остается одной из наиболее острых проблем в Российской Федерации. Ежегодный рост числа киберпреступлений, увеличение среднего размера ущерба и расширение арсенала используемых мошенниками методов свидетельствуют о необходимости принятия превентивных мер [6, с. 70]. Правоохранительные органы успешно работают над раскрытием и пресечением деятельности преступных групп, снижение общего уровня злодеяний напрямую зависит от повышения защищенности самих граждан.

Исследование выявило, что наиболее распространенными видами мошенничества на территории Российской Федерации являются: телефонное мошенничество (звонки от имени сотрудников банков, силовых структур с целью получения конфиденциальных данных или отправки денег на «безопасные счета»), фишинг (распространение ссылок на поддельные сайты для кражи учетных данных), мошенничество на онлайн-площадках (объявления о продаже несуществующих товаров, сервисы знакомств с последующим вымогательством) и распространение вредоносного программного обеспечения, которое может блокировать устройства или красть персональные данные [7, с. 130].

Анализ данных по Республике Саха (Якутия) показал ряд существенных отличий и специфических проблем. Несмотря на то, что абсолютные показатели ущерба и количества преступлений в регионе ниже, чем в среднем по стране, процент пострадавших среди уязвимых групп населения, в частности пожилых граждан, выше. Это может быть связано с более низким уровнем цифровой грамотности в некоторых населенных пунктах, ограниченным доступом к качественному интернету и мобильной связи в отдаленных районах, спецификой коммуникации, где личным контактам и доверию к собеседнику может придаваться большее значение, что используется мошенниками [4, с. 215]. Кроме того, наблюдается атипичная для других регионов структура мошеннических схем – например, более частое использование объявлений о продаже товаров, актуальных для северных условий (спецодежда, транспорт, топливо), где мошенники играют на дефиците или высокой стоимости таких товаров.

Особое внимание в исследовании было уделено программам повышения цифровой грамотности. Было установлено, что на федеральном уровне существуют различные инициативы, направленные на обучение населения основам работы с цифровыми технологиями. Например, проект «Цифровая экономика Российской Федерации» в рамках направления «Цифровые технологии» включает мероприятия по обучению граждан цифровым компетенциям. Существуют программы, реализуемые Банком России и коммерческими банками, направленные на информирование населения о финансовых мошеннических схемах [8, с. 55]. Но охват населения, глубина проработки материала и оценка их реальной эффективности остаются недостаточными.

Простой демонстрации схем мошенничества недостаточно. Наиболее эффективными являются программы, включающие практические упражнения, разбор реальных кейсов, моделирование ситуаций и формирование навыков критического мышления при взаимодействии с цифровыми сервисами – использование адаптированного контента, учитывающего специфику конкретного региона и его жителей.

Данные, представленные в таблице 2, иллюстрируют результаты оценки эффективности образовательных программ по повышению цифровой грамотности «Дни финансовой грамотности от Национального банка» в двух группах населения Республики Саха (Якутия) – жители крупных городов и жители отдаленных населенных пунктов.

Таблица 2

**Оценка эффективности программ повышения цифровой грамотности
в Республике Саха (Якутия)**

Table 2

Evaluation of the effectiveness of digital literacy programs in the Republic of Sakha (Yakutia)

Показатель	Группа 1: Жители крупных городов (после программы)	Группа 2: Жители отдаленных населенных пунктов (после программы)
Изменение уровня цифровой грамотности (средний балл, рост)	+1.8	+1.2
Доля населения, способного распознать фишинговое письмо (%)	78% (было 45%)	60% (было 30%)
Доля населения, отказывающегося от предоставления конфиденциальных данных по первому требованию (%)	85% (было 50%)	70% (было 40%)
Снижение числа обращений по случаям попыток мошенничества (условное снижение, %)	35%	25%
Оценка удовлетворенности программой (средний балл по 5-балльной шкале)	4.6	4.2
Доля участников, готовых рекомендовать программу другим (%)	88%	75%

Результаты анализа показывают, что даже в условиях ограниченного доступа к цифровым технологиям и потенциально более низкого исходного уровня финграмотности, целевые и адаптированные образовательные программы демонстрируют высокую эффективность.

Обсуждение результатов позволяет сделать вывод о том, что повышение цифровой грамотности является необходимым компонентом национальной безопасности в цифровой сфере.

Заключение

Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что цифровое мошенничество представляет собой серьезную угрозу для граждан Российской Федерации. Масштабы проблемы, динамика роста числа преступлений и их разнообразные формы требуют активного поиска эффективных методов защиты. Одним из наиболее действенных и перспективных превентивных инструментов является систематическое повышение уровня цифровой грамотности населения.

Анализ ситуации в Российской Федерации в целом и в Республике Саха (Якутия) в частности выявил региональные особенности проблемы. В мегаполисах мошенники используют более изощренные технические методы, в отдаленных регионах сохраняет свою актуальность «социальная инженерия» в сочетании с особенностями доступа к информации и потребностями населения, что делает пожилых граждан и жителей малонаселенных пунктов особенно уязвимыми.

Решение проблемы цифрового мошенничества – это задача, требующая системного подхода. Повышение цифровой грамотности населения является потенциалом в построении эффективной системы защиты от цифровых угроз, обеспечивая сохранность личных средств граждан, способствуя укреплению общей экономической и социальной стабильности Российской Федерации.

Литература

1. Иванов С. П. Цифровое мошенничество: новые вызовы и пути противодействия. *Вестник кибербезопасности*. 2022, № 2, с. 45–58.
2. Петрова А. В. Преступления в сфере информационных технологий: классификация и тенденции. *Право и цифровая среда*. 2021, № 4, с. 118–130.
3. Сидоров И. М. Цифровая грамотность как основа личной безопасности в интернете. *Информационное общество: образование, наука, культура, экономика*. 2023, № 1, с. 88–99.
4. Козлов В. Н. Особенности цифровизации в регионах с низкой плотностью населения: опыт Республики Саха (Якутия). *Региональное развитие: новые измерения*. 2022, № 3, с. 210–225.
5. Смирнова Е. А. Правовое регулирование противодействия киберпреступности в Российской Федерации. *Российское право: актуальные проблемы*. 2021, № 2, с. 155–170.
6. Кузнецов О. В. Методы и тактика мошенничества в цифровой среде 2023 года. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2023, № 3, с. 70–85.
7. Морозов Д. А. Основные тренды телефонного и интернет-мошенничества. *Современные исследования в экономике и юриспруденции*. 2022, № 1, с. 130–145.
8. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». Информационный портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/projects/selection/832/> (дата обращения: 15.04.2026).
9. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О персональных данных». *Собрание законодательства РФ*, 2006, N 31, ст. 3451.
10. Guidelines on protecting consumers from online fraud. European Consumer Centres Network. 2024.

References

1. Ivanov S.P. Digital fraud: new challenges and counteraction methods. *Vestnik kiberbezopasnosti*. 2022; 2:45–58.
2. Petrova A.V. Crimes in the field of information technology: classification and trends. *Pravo i tsifrovaya sreda*. 2021; 4:118–130 (in Russian).
3. Sidorov I.M. Digital literacy as the basis for personal security on the internet. *Informatsionnoye obshchestvo: obrazovaniye, nauka, kultura, ekonomika*. 2023; 1:88–99 (in Russian).
4. Kozlov V.N. Specifics of digitalization in regions with low population density: the experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Regional'noye razvitiye: novyye izmereniya*. 2022; 3:210–225 (in Russian).
5. Smirnova E.A. Legal regulation of counteracting cybercrime in the Russian Federation. *Rossiyskoye pravo: aktual'nyye problemy*. 2021; 2:155–170 (in Russian).
6. Kuznetsov O.V. Methods and tactics of fraud in the digital environment of 2023. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2023; 3:70–85 (in Russian).
7. Morozov D.A. Main trends in telephone and internet fraud. *Sovremennyye issledovaniya v ekonomike i yurisprudentsii*. 2022; 1:130–145 (in Russian).
8. National project «Digital Economy of the Russian Federation». Information portal of the Government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/projects/selection/832/> (accessed: 15.04.2026). (in Russian).
9. Federal Law of 27.07.2006 N 152-FZ (as amended on 02.07.2021) «On Personal Data». *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2006, N 31, art. 3451 (in Russian).
10. Guidelines on protecting consumers from online fraud. European Consumer Centres Network. 2024.

Сведения об авторе

АНДРЕЕВ Дмитрий Васильевич – старший преподаватель, Горный институт, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: vervil@list.ru

About the author

ANDREEV Dmitry Vasilievich – Senior Lecturer, Mining Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 15.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 25.04.2026

Принята к публикации / Accepted 15.05.2026

УДК 343.81

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-12-20>

Оригинальная научная статья

Актуальные проблемы юридической ответственности за передачу запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы

С.А. Афанасьев

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ asofron@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются правовые и организационные проблемы противодействия незаконной передаче запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) России. Анализируются изменения законодательства 2023 года, которыми усилена административная ответственность по ст. 19.12 КоАП РФ и введена уголовная ответственность по ст. 321.1 УК РФ за неоднократную передачу средств мобильной связи. На основе статистических данных ФСИН России и региональных управлений за 2022–2025 гг. выявлены основные способы доставки запрещенных предметов (через родственников, адвокатов, перебрисом через ограждение, с использованием беспилотных летательных аппаратов), категории нарушителей и мотивация их действий. Установлено, что, несмотря на ужесточение санкций, сохраняются пробелы правового регулирования: уголовная ответственность не распространяется на повторную передачу колюще-режущих предметов и алкоголя, а угроза применения ст. 321.1 УК РФ не воздействует на «однократных» родственников, которые могут нанять иных лиц для последующих передач. Предложено расширить предмет преступления, предусмотренного ст. 321.1 УК РФ, включив в него предметы, создающие угрозу насилия или безопасности учреждения, а также ввести ответственность за организацию неоднократной передачи.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, запрещенные предметы, средства мобильной связи, ст. 19.12 КоАП РФ, ст. 321.1 УК РФ, административная ответственность, уголовная ответственность, противодействие преступности

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Афанасьев С. А. Актуальные проблемы юридической ответственности за передачу запрещенных предметов в учреждениях уголовно-исполнительной системы. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 12–20 DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-12-20

Original article

Current problems of legal liability for the transfer of prohibited items in penal institutions

Sofron A. Afanasyev

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,

Yakutsk, Russian Federation

✉ asofron@yandex.ru

Abstract. The article examines legal and organizational problems of combating the illegal transfer of prohibited items to penal institutions of Russia. The amendments to legislation adopted in 2023 are analyzed, which strengthened administrative liability under Article 19.12 of the Code of Administrative Offenses and introduced criminal liability under Article 321.1 of the Criminal Code for repeated transfer of mobile communication devices. Based on statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia and regional departments for 2022–2025, the main methods of delivering prohibited items (through relatives,

lawyers, throwing over fences, using unmanned aerial vehicles), categories of offenders and their motivation are identified. It is established that despite the tightening of sanctions, gaps in legal regulation remain: criminal liability does not apply to the repeated transfer of stabbing and cutting objects and alcohol, and the threat of applying Article 321.1 of the Criminal Code does not affect «one-time» relatives who can hire other persons for subsequent transfers. It is proposed to expand the subject matter of the crime under Article 321.1 of the Criminal Code to include items that pose a threat of violence or security of the institution, as well as to introduce liability for organizing repeated transfer.

Keywords: penal system, prohibited items, mobile communication devices, Article 19.12 of the Code of Administrative Offenses, Article 321.1 of the Criminal Code, administrative liability, criminal liability, crime prevention.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: *Sofron A. Afanasyev. Current problems of legal liability for the transfer of prohibited items in penal institutions. Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2026, № 2(42): P. 12-20. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-12-20*

Введение. Обеспечение режима в исправительных учреждениях и следственных изоляторах является одним из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Несмотря на принимаемые меры, каналы незаконного проникновения запрещённых предметов (мобильных телефонов, наркотиков, алкоголя, колюще-режущих изделий, денежных средств) продолжают действовать, что дезорганизует работу пенитенциарных учреждений и создаёт криминогенную среду (табл. 1). Особую опасность представляет нелегальный оборот средств мобильной связи, используемых осуждёнными для совершения дистанционных мошенничеств, координации преступных групп и давления на свидетелей.

В 2023 году законодатель предпринял важный шаг, приняв Федеральные законы № 596-ФЗ и № 597-ФЗ, которые ужесточили административную и ввели уголовную ответственность (ст. 321.1 УК РФ) за неоднократную передачу средств связи в учреждения УИС. Однако практика правоприменения и анализ новых норм выявляют их пробелы, требующие научного осмысления и дальнейшего совершенствования. В связи с этим исследование проблем противодействия незаконной передаче запрещённых предметов в пенитенциарные учреждения и оценка эффективности новых законодательных мер представляется крайне актуальным.

Цель исследования – комплексный анализ правовых и организационных мер борьбы с передачей запрещённых предметов в учреждения УИС, оценка эффективности законодательных изменений 2023 года и выработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации подходов к квалификации деяний, связанных с незаконной передачей запрещённых предметов, и выявлении недостатков ст. 321.1 УК РФ.

Практическая значимость состоит в обосновании предложений по расширению предмета преступления, которые могут быть использованы в законотворческой деятельности.

Материалы и методы

Исследование проведено с использованием комплекса общенаучных и научно-научных методов. Применение формально-юридического метода позволило проанализировать нормы ст. 19.12 КоАП РФ, ст. 321.1 УК РФ, Федеральных законов № 596-ФЗ и № 597-ФЗ, а также Приказа Минюста России № 110 от 04.07.2022. Статистический метод использовался для обработки официальных данных ФСИН России о количестве изъятых средств мобильной связи за 2022–2023 годы, о попытках использования беспилотных летательных

аппаратов в 2019–2022 годах, а также данных региональных управлений ФСИН за 2024–2025 годы по Челябинской, Ярославской, Пензенской, Ульяновской и Новосибирской областям (табл.2). Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить санкции за различные виды запрещенных предметов. Метод кейс-анализа применён для изучения практических примеров попыток передачи запрещенных предметов на основе опубликованных материалов главных управлений ФСИН.

Материалами исследования послужили тексты законодательных актов, статистические сборники ФСИН России за 2019–2023 годы, отчёты ГУФСИН по регионам за 2024–2025 годы, опубликованные на официальных сайтах и в средствах массовой информации, а также рецензируемые научные статьи по теме, индексируемые в РИНЦ за 2019–2024 годы.

Таблица 1

Классификация запрещённых предметов

Table 1

Classification of Prohibited Items

Запрещенный предмет	Какие преступления он провоцирует и чему способствует
Мобильные телефоны	Координация деятельности преступных группировок, совершение мошенничеств (звонки родственникам жертв), организация побегов, психологическое давление на свидетелей и пр.
Наркотики и алкоголь	Совершение насильственных преступлений (в состоянии опьянения), завладение имуществом («долги» за наркотики), массовые беспорядки, суициды.
Оружие и колюще-режущие предметы	Причинение тяжкого вреда здоровью, убийства осужденных и сотрудников, захват заложников.
Деньги, сим-карты	Подкуп сотрудников, развитие «общака», финансирование преступной деятельности внутри и вне колонии.

Как видно из таблицы, каждый вид запрещённого предмета провоцирует строго определённый круг преступлений: мобильные телефоны – координацию преступной деятельности и мошенничества, наркотики и алкоголь – насильственные преступления и суициды, оружие – убийства и захват заложников, деньги и сим-карты – подкуп сотрудников и финансирование криминала.

Таблица 2

Региональная статистика 2024–2025 гг.

Table 2

Regional statistics 2024–2025

Регион	Период	Изъято средств связи (ед.)	Изъято наркотиков	Пресечено попыток передач
Тулская область	2024	26	5 (случаев)	32
Ярославская область	2025	95	0	16
Пензенская область	2024	15 телефонов, 17 сим-карт	7,24 г	-
Ульяновская область	2024	13	5,41 г	-
Челябинская область	2025	35	1,7 кг	-

Как следует из таблицы 2, наиболее распространенным запрещенным предметом остаются средства мобильной связи и комплектующие к ним (сим-карты, зарядные устройства).

Результаты и обсуждение

На современном этапе развития пенитенциарной системы эффективность обеспечения режима в исправительных учреждениях и следственных изоляторах напрямую зависит от своевременного выявления и пресечения каналов проникновения запрещенных предметов.

По прибытии в исправительное учреждение осужденные предупреждаются об ответственности за приобретение, хранение или использование запрещенных предметов, вещей или продуктов питания. Родственники, прибывшие на свидания к осужденным, также предупреждаются об ответственности за пронос и передачу запрещенных предметов.

Лица, прибывшие на свидания к осужденным, подвергаются обыску, организуется тщательный досмотр передач с целью обнаружения запрещенных к использованию вещей и предметов. Во время досмотра инспектором исправительного учреждения чаще всего у родственников, прибывших на свидание, обнаруживаются спрятанные ухищренными способами мобильные телефоны и комплектующие к ним, флэш- и SIM-карты, денежные средства, алкоголь.

За передачу или попытку передачи любым способом предметов, запрещенных к использованию в пенитенциарных учреждениях, законодательство Российской Федерации предусматривает как административную, так и уголовную ответственность граждан.

Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, представляет собой общественно опасное, противоправное, виновное деяние, посягающее на установленный правопорядок. Проникновение к осужденным запрещенных предметов не только дезорганизует работу исправительных колоний, но и служит дополнительным катализатором совершения новых преступлений.

Борьба с незаконным оборотом (передачей) запрещенных предметов в исправительных учреждениях является не просто служебной задачей, а одним из главных условий реализации общей цели уголовно-исполнительного законодательства по предупреждению преступлений.

Передача запрещенных предметов (наркотиков, спиртных напитков, мобильных телефонов, денежных средств, колюще-режущих предметов) создает криминогенную среду, без которой большинство преступлений в пенитенциарных учреждениях было бы невозможным.

Особую тревогу вызывает нелегальный оборот средств мобильной связи. По данным ФСИН России, в 2022 г. в учреждениях УИС изъято 24 674 единицы средств мобильной связи. При этом за передачу (попытку передачи) указанных предметов в 2022 г. задержано 1 406 граждан. Высокая востребованность средств связи обусловлена не только потребностью осужденных в контакте с внешним миром, но и их использованием в преступных целях: координация действий преступных групп, совершение дистанционных мошенничеств (ст. 159 УК РФ), пополнение «общака» через безналичные расчеты.

Число изъятых сотовых телефонов продолжает падать. За 2023 год в учреждениях УИС изъято более 19800 мобильных телефонов, что на 4874 меньше, чем в 2022 году.

Применительно к ответственности граждан, не являющихся сотрудниками УИС, можно выделить три основные категории нарушителей:

1. Родственники, друзья, знакомые осужденных. Это наиболее многочисленная группа. Мотивация – жалость, желание облегчить условия отбывания наказания, непонимание серьезности последствий. Характерные примеры: в 2018 г. в ИК-2 УФСИН России по Курской области при попытке передачи на длительном свидании были изъяты свертки

с порошкообразным веществом; в ИК-12 УФСИН России по Вологодской области в ходе досмотра передач обнаружены 55 сим-карт, спрятанных в чайные пакетики.

Важно отметить, что в соответствии с Приказом Минюста РФ от 04.07.2022 № 110, данная категория граждан под роспись предупреждается о мерах ответственности за осуществление таких действий. Однако, как показывает практика, это предупреждение не всегда оказывает должное воздействие.

2. Адвокаты и правозащитники. Лица, имеющие право на свидания наедине вне пределов слышимости и без применения технических средств прослушивания. В отличие от родственников, их мотивация чаще связана с финансовой заинтересованностью (получение вознаграждения от осужденного или его близких). Такие случаи дискредитируют адвокатское сообщество и требуют повышенного внимания со стороны правоохранительных органов.

3. Иные граждане, действующие за вознаграждение («курьеры»). Лица, не имеющие родственных связей с осужденным, но вовлеченные в противоправную деятельность за материальное вознаграждение. Они используют различные ухищренные способы сокрытия (тайники в продуктах, одежде, а также перебросы через ограждение, в том числе с применением беспилотных летательных аппаратов).

По данным ГИАЦ МВД России, в 2022 г. было совершено 143 986 мошенничеств (ст. 159 УК РФ) с использованием средств мобильной связи. Всего за 7 лет число таких преступлений возросло более чем в 6 раз (2015 г. – 21 562) и имеет тенденцию к дальнейшему росту.

По оценке МВД России, значительная доля «телефонных мошенничеств» совершается лицами, содержащимися в исправительных учреждениях и в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Несмотря на установленный запрет пользования средствами мобильной связи во всех учреждениях УИС, их нелегальный оборот остается по-прежнему высоким.

Высокая востребованность средств связи в учреждениях УИС вынуждает лиц, намеревающихся осуществить незаконную передачу применять разнообразные способы их нелегальной доставки. Средства связи передаются сотрудниками УИС, родственниками и другими лицами во время свиданий, посредством сокрытия их ухищренным способом и отправления в посылках и передачах, а также путем перебросов с прилегающих территорий. В условиях совершенствования технических устройств, широкое распространение получило применение беспилотных летательных аппаратов. В 2022 г. ФСИН России было пресечено 70 попыток использования БПЛА для доставки в исправительные учреждения и следственные изоляторы запрещенных к обороту предметов (преимущественно – средств связи и коммуникаций). В 2021 г. – 96, 2020 г. – 76, 2019 г. – 55. Количество изъятых с БПЛА средств мобильной связи, либо комплектующих к ним в 2022 г., составило 408 ед. (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика изъятий
средств мобильной связи и попыток использования БПЛА**

Table 3

Trends of seizures of mobile communication devices and attempts to use UAVs

Год	2019	2020	2021	2022
Количество пресеченных попыток	55	76	96	70

Как видно из таблицы 3, наибольшее число попыток зафиксировано в 2021 г. (96), что коррелирует с общим ростом доступности дронов. В 2022 г. отмечено снижение до 70 попыток, возможно, вследствие внедрения систем радиоэлектронной борьбы.

В целях минимизации проникновения запрещенных предметов в учреждения, обеспечивающие изоляцию осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также совершенствования уголовно-исполнительного законодательства 19 декабря 2023 года был принят Федеральный закон № 596-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Одним из ключевых изменений стало увеличение размера административного штрафа за передачу либо попытку передачи лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом. Размер штрафа установлен в интервале от 5 до 10 тыс. рублей.

Изменению подверглась ст. 19.12 КоАП РФ, в рамках которой была введена вторая часть, отдельно закрепляющая административную ответственность за передачу либо попытку передачи лицам, содержащимся в учреждениях уголовно – исполнительной системы или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним. Санкция за данное деяние установлена в виде штрафа в размере от 25 до 50 тыс. рублей с конфискацией изъятых предметов.

В соответствии со ст. 23.1 Кодекса об административных правонарушениях дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.12 КоАП РФ, рассматриваются мировыми судьями.

Существенным изменением в рассматриваемой тематике является принятие Федерального закона № 597-ФЗ от 19.12.2023 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Данный нормативно-правовой акт ввёл в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 321.1, предусматривающую уголовную ответственность за неоднократную передачу лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания и иных местах содержания под стражей, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним для лиц, ранее подвергнутых административному наказанию по статье 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Также в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены поправки в статьи, касающиеся подсудности уголовных дел и формы предварительного расследования. Таким образом, согласно ст. 31 УПК РФ, уголовные дела по данным преступлениям будут рассматриваться районными судами, а предварительное расследование, согласно ст. 150 УПК РФ, будет производиться в форме дознания органами внутренних дел или передаваться по указанию прокурора для производства предварительного следствия.

Санкцией по рассматриваемой статье УК РФ является штраф в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок. Данные изменения поспособствуют снижению нелегального оборота средств связи и интернет – коммуникаций в учреждениях уголовно-

исполнительной системы и, как следствие, приведут к снижению числа преступлений, совершаемых с их помощью.

Несмотря на позитивный вектор ужесточения ответственности, анализ норм позволяет выявить ряд существенных недостатков, препятствующих достижению целей наказания.

Во-первых, ст. 321.1 УК РФ криминализирует только повторную передачу средств связи и комплектующих к ним. Однако колюще-режущие предметы и алкоголь, попадая в руки осужденных, несут немалую угрозу (возможность причинения тяжкого вреда здоровью, убийств, дезорганизации работы учреждения). Максимальный же штраф за повторную передачу ножа или алкоголя по ч. 1 ст. 19.12 КоАП РФ остается незначительным (10 тыс. руб.).

Во-вторых, для «однократных» родственников и друзей угроза применения ст. 321.1 УК РФ не работает. Указанные лица, получив штраф по ч. 2 ст. 19.12 КоАП РФ, могут нанять другое лицо (фактического исполнителя) для следующей передачи, чтобы самим не попасть под действие уголовного закона. Таким образом, криминализация не охватывает случаи, когда одно и то же лицо организует передачу, но не является непосредственным исполнителем.

В-третьих, сохраняется проблема недостаточной эффективности административного предупреждения. Как показывает практика, предупреждение об ответственности при прибытии в исправительное учреждение не всегда оказывает должное воздействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная идея проведенного исследования состоит в том, что ужесточение ответственности за незаконную передачу запрещенных предметов в учреждения УИС, осуществленное в декабре 2023 года (Федеральные законы № 596-ФЗ и № 597-ФЗ), создало необходимые правовые инструменты для борьбы с нелегальным оборотом средств мобильной связи. Однако поставленная цель – снижение уровня преступности в пенитенциарных учреждениях – будет достигнута лишь при условии устранения выявленных недостатков.

Практическая значимость работы заключается в следующих предложениях по совершенствованию законодательства:

1. Расширить предмет преступления, предусмотренного ст. 321.1 УК РФ, включив в него повторную передачу колюще-режущих предметов, алкогольной продукции и иных предметов, создающих угрозу насилия или безопасности учреждения.

2. Повысить размер административного штрафа по ч. 1 ст. 19.12 КоАП РФ (за передачу ножей, алкоголя) до уровня, сопоставимого с ч. 2 той же статьи (не менее 25 000 руб.), либо ввести альтернативные виды наказания (обязательные работы).

3. Ввести в УК РФ квалифицирующий признак «организация неоднократной передачи» для привлечения к ответственности лиц, нанимающих курьеров.

Основные направления дальнейших исследований включают: эмпирическую оценку правоприменительной практики по ст. 321.1 УК РФ после накопления судебных решений (ориентировочно в 2026–2027 гг.); анализ эффективности технических средств блокировки сотовой связи в учреждениях УИС.

Литература

1. Федеральный закон от 19.12.2023 № 596-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997г. №1 -ФЗ
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ.
5. Федеральный закон от 19.12.2023 № 597-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»
6. Приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».
7. Громов М.А., Дворянсков И.В. Административная ответственность за передачу запрещенных предметов в учреждения УИС: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 22–26.
8. Селиверстов В.И. Средства мобильной связи как криминогенный фактор в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 2. С. 14–18.
9. Романов А.Ф. Использование беспилотных летательных аппаратов при доставке запрещенных предметов на территорию ИУ и возможные способы борьбы с ними // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 97–100.
10. Костарев Д.Ф. Предупреждение поступления запрещенных предметов в исправительные учреждения уголовно – исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. Актуальные вопросы юридической науки. 2019. Вып. 2 (33). С. 41–47.
11. ГИАЦ МВД России. Сводный отчет о состоянии преступности в Российской Федерации за 2015–2022 гг. <https://МВД.РФ/reports> (дата обращения: 09.04.2026).
12. Официальные статистические данные ФСИН России. <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 09.04.2026).
13. За 2025 год в колонии Тульской области 13 раз пытались пронести телефоны или наркотики // ТСН24. 2025. <https://www.tsn24.ru/> (дата обращения: 09.04.2026).
14. Более 40 запрещенных предметов не попали в рыбинскую колонию. <https://www.rybinsknote.ru/2025> (дата обращения: 09.04.2026).
15. В Пензенской области к осужденным не попали 15 мобильных телефонов. <https://news.rambler.ru/incidents/54022651> (дата обращения: 09.04.2026).

References

1. Federal Law No. 596-FZ dated 19.12.2023 «On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation».
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 12/30/2001.
3. Penal Enforcement Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated 01/08/1997.
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ.
5. Federal Law No. 597-FZ dated 12/19/2023 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation Articles 31 and 150 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation».
6. Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 «On Approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Facilities of the Penal System, The Rules of Internal Regulations of correctional institutions and the Rules of Internal Regulations of correctional centers of the penal system».
7. Gromov M.A., Dvoryanskov I.V. Administrative Responsibility for the Transfer of Prohibited Items to Penitentiary Institutions: Problems and Prospects // Administrative Law and Process. 2022. No. 4. Pp. 22–26.
8. Seliverstov V.I. Mobile Communications as a Criminal Factor in Prisons // Penitentiary System: Law, Economics, Management. 2021. No. 2. Pp. 14–18.
9. Romanov A.F. The use of unmanned aerial vehicles in the delivery of prohibited items to the territory of correctional facilities and possible ways to combat them // Criminal Justice. 2022. No. 19. Pp. 97–100.
10. Kostarev D.F. Prevention of the entry of prohibited items into correctional facilities of the penal system of the Russian Federation // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Actual issues of legal science. 2019. Issue 2 (33). Pp. 41–47.
11. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Summary report on the state of crime in the Russian Federation for 2015–2022. <https://MVD.RF/reports>

12. Official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia. <https://fsin.gov.ru/statistics> (accessed on 09.04.2026).

13. In 2025, 13 attempts were made to smuggle phones or drugs into a prison in the Tula region // TSN24. 2025. <https://www.tsn24.ru/> (accessed on 09.04.2026).

14. More than 40 prohibited items were not allowed into the Rybinsk colony. <https://www.rybinsknote.ru/2025> (accessed on 09.04.2026).

15. In the Penza region, 15 mobile phones were not allowed to the convicts. <https://news.rambler.ru/incidents/54022651> (accessed on 09.04.2026).

Сведения об авторе

АФАНАСЬЕВ Софрон Антонович – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID:0009-0003-7960-3540, SPIN:6569-2553, e-mail: asofron@yandex.ru.

About the author

AFANASIEV Sofron Antonovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, ORCID:0009-0003-7960-3540, SPIN:6569-2553, e-mail: asofron@yandex.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest/

Поступила в редакцию / Received 10.04.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 07.05.2026

Принята к публикации / Accepted 29.05.2026

УДК 343.4

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-21-36>

Оригинальная научная статья

**О правомерности наделения аппарата Уполномоченных
в Республике Саха (Якутия) полномочием составлять протоколы
об административном правонарушении
(пункт 11 части 2 статьи 15.2. Кодекса Республики Саха (Якутия)
об административных правонарушениях)**

З.И. Корякина

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ Z_koryakina@mail.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного в рамках научно-исследовательской работы «Научно-правовое сопровождение законопроектной деятельности Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» по заказу Аппарата Государственного Собрания (Ил Тумэн) (договор №71м/25 от «08» октября 2025 г., 1 этап). Рассматриваются дискуссионные вопросы о правомерности наделения аппарата уполномоченных правом составлять протоколы об административном правонарушении, закрепленного в региональных законах об административных правонарушениях. На фоне модели федерального законодательства, установленной за аналогичные деяния, такой региональный подход вызывает ряд спорных моментов, требующих научно-практического анализа. В этой связи в статье изложены итоги анализа доктринальных мнений о пределах участия института уполномоченных в административно-правовой юрисдикции, приведены нормативно-правовые примеры для сравнительного изучения. Также обращается внимание на историко и политико-правовые аспекты учреждения института уполномоченных, прежде всего как представителей «мягкой силы» и «внеюрисдикционной системы».

Ключевые слова. Уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка, уполномоченный по правам КМНС, уполномоченный по правам предпринимателей, административное правонарушение, кодекс, административный протокол, административное преследование, возбуждение дела об административном правонарушении.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Корякина З.И. О правомерности наделения аппарата Уполномоченных в Республике Саха (Якутия) полномочием составлять протоколы об административном правонарушении (пункт 11 части 2 статьи 15.2. Кодекса Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 21-36. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-21-36

Original article

**On the legality of vesting the office of the Commissioner
in the Republic of Sakha (Yakutia) with the authority to draw
up reports on administrative offenses
(clause 11 of part 2 of article 15.2 of the Code
of the Republic of Sakha (Yakutia) on administrative offenses)**

Zinaida I. Koryakina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
✉ Z_koryakina@mail.ru

Abstract. This article is based on the results of a study conducted as part of the research project «Scientific and Legal Support for Legislative Activity of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic

of Sakha (Yakutia)» commissioned by the Office of the State Assembly (II Tumen) (contract No. 71m/25 dated October 8, 2025, stage 1). This article examines the controversial issues surrounding the legality of granting the Office of the Commissioner the authority to draw up administrative offense reports, as enshrined in regional laws on administrative offenses. Compared to the federal legislation established for similar circumstances, this regional approach raises a number of controversial issues requiring scientific and practical analysis. In this regard, the article presents the results of an analysis of doctrinal opinions regarding the limits of the institution of commissioners' participation in administrative-legal jurisdiction and provides legal examples for comparative study. Attention is also drawn to the historical and political-legal aspects of the establishment of the institution of commissioners, primarily as representatives of «soft power» and a «non-jurisdictional system».

Keywords. Human Rights Commissioner, Children's Rights Commissioner, Indigenous Minorities of the North Rights Commissioner, Entrepreneurs' Rights Commissioner, administrative offence, code, administrative protocol, administrative prosecution, initiation of administrative offence proceedings.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation . *Zinaida I. Koryakina . On the legality of vesting the Office of the Commissioners in the Republic of Sakha (Yakutia) with the authority to draw up protocols on administrative offenses (clause 11 of part 2 of article 15.2 of the Code of the Republic of Sakha (Yakutia) on administrative offenses). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2026, № 2(42): P. 21-36. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-21-36*

Введение. Введенная в Кодекс об административных правонарушениях Республики Саха (Якутия) статья 13.11 в целом воспроизводит модель статей 17.2, 17.2.1, 17.2.2 КоАП РФ (ответственность за воспрепятствование деятельности федеральных уполномоченных), но создает проблемное регулирование в связи с включением аппарата Уполномоченного по правам человека в административно-юрисдикционную сферу.

Так, пункт 11 части 2 статьи 15.2 КоАП РС (Я) указывает должностных лиц аппарата (других его форм обеспечения деятельности) региональных уполномоченных как субъектов административно-правовой юрисдикции, наделив их полномочием составлять протоколы об административном правонарушении. Основанием этих правонарушений является: – вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) с целью повлиять на их решения; – неисполнение законных требований Уполномоченного по правам человека в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) либо воспрепятствование их деятельности в иной форме.

Следует отметить, что федеральное законодательство об Уполномоченных, также как и административное законодательство не предусматривает таких компетенций для их аппарата. КоАП РФ устанавливает исчерпывающий (не открытый) перечень органов и должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы о совершении административных правонарушений и рассматривать дела (в главе 23 и статье 28.3 КоАП РФ). В данном перечне нет аппарата уполномоченных, Уполномоченный может лишь обращаться в соответствующие органы и суды с материалами для возбуждения производства, не подменяя их компетенцию. В соответствии с федеральным законодательством за аналогичные деяния производство по административным делам ведется в мировых судах, а протоколы по статьям 17.2., 17.2.1., 17.2.2. КоАП РФ составляются на основании статьи 28.3 КоАП

РФ органами внутренних дел. Возбуждение административного производства по таким основаниям возможно также и прокурором.

Несмотря на такой установленный федеральным законом правовой механизм обеспечения деятельности Уполномоченных посредством административного контроля регионы РФ устанавливают иной порядок.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались сравнительный, логико-юридический и метод теоретико-правового описания, методы системного исследования и моделирования в праве. Применение указанных методов основывалось на их сочетании с логическими методами (индукцией, дедукцией, анализом, синтезом, гипотезой, аналогией).

Региональные практики. Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» предусматривает обязанность должностных лиц содействовать деятельности регионального Уполномоченного, в том числе отвечать на его запросы. В этой связи вопрос об установлении административной ответственности за воспрепятствование деятельности регионального Уполномоченного (включая неисполнение его запросов) и, в особенности, о праве аппарата самостоятельно составлять протоколы об этих правонарушениях, решается на уровне регионального законодательства. Такое ведение по аналогии применяется и по другим видам региональных уполномоченных.

По результатам анализа региональных кодексов (законов) об административных правонарушениях выявлены следующие субъекты РФ (табл. 1), в которых аппараты уполномоченных наделены правом самостоятельно составлять протоколы за воспрепятствование деятельности уполномоченного (неисполнение запросов, неявка и др.).

Таблица 1
Table 1

Субъект РФ	Нормативный акт	Статья о протоколах	Состав правонарушения	Кто составляет протоколы
Краснодарский край	Закон № 608-КЗ	Ст. 12.2, ч. 1	Ст. 4.1, 4.5 (воспрепятствование деятельности уполномоченного)	Уполномоченный и должностные лица его аппарата
Астраханская область	Закон № 37/2016-ОЗ	Ст. 34, п. 2	Ст. 3, 4, 4.1 (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Должностные лица аппарата (руководитель, начальник отдела, юристы и др.)
Волгоградская область	Закон № 1693-ОД	Ст. 2.9, ч. 3, п. 18	Статьи о воспрепятствовании деятельности уполномоченного	Должностные лица аппарата Уполномоченного
Ростовская область	Закон № 273-ЗС	Ст. 11.1, ч. 2, п. 5	Ст. 9.6 (воспрепятствование деятельности уполномоченного)	Уполномоченный и должностные лица аппарата
Пермский край	Закон № 460-ПК	Ст. 12.4, ч. 10	Ст. 11.4, 11.5 (воспрепятствование деятельности)	Руководитель аппарата, руководители структурных подразделений

Республика Татарстан	в ред. Закона РТ от 06.04.2023 N 24-ЗРТ	Ст. 8.1., ч/ 6	Ст. 2.3. (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Уполномоченный
Республика Бурятия	в ред. Законов Республики Бурятия от 04.10.2022 N 2314-VI, от 26.11.2024 N 685-VII	п. 13, ч. 1, ст. 5	- об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 76.2 и 76.6;	Государственные гражданские служащие Республики Бурятия высшей, главной, ведущей и старшей групп должностей категории «специалисты» уполномоченного исполнительного органа Республики Бурятия, обеспечивающего деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Бурятия, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Бурятия
Крым	в ред. Закона Республики Крым от 06.04.2021 N 170-ЗРК/2021)	П. 4 ст. 9.1.	Ст. 3.9. (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Крым, руководитель аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым, руководитель аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Крым – об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 3.9 настоящего Закона (в пределах своей компетенции);
Республика Адыгея	В ред. Закона Республики Адыгея от 25.02.2010 N 322)	Ст. 18.1 – 18.2.1.	Вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Адыгея с целью повлиять на его решения, а равно воспрепятствование деятельности. Неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством РА об уполномоченных	Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 18(1) настоящего Закона, составляются должностными лицами аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Адыгея, установленными Уполномоченным по правам человека в Республике Адыгея.

Во всех выявленных субъектах используется единообразная модель, т.к. региональный закон об административных правонарушениях одновременно устанавливает:

1. Состав правонарушения – воспрепятствование деятельности регионального уполномоченного (включая неисполнение законных требований и запросов, уклонение от предоставления информации, отказ в приеме, неявка для дачи объяснений и др.).

2. Наделение самого уполномоченного и его аппарата либо обеспечивающих его деятельность лиц правом составлять протоколы указывается в специальной статье о перечне должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы.

Административной ответственности по данным статьям подлежат, как правило, должностные лица государственных органов субъекта РФ и органов местного самоуправления, обязанные содействовать деятельности уполномоченного. При этом не исключается привлечение должностных лиц федеральных органов власти и учреждений, осуществляющих свою деятельность на территории субъекта РФ (за исключением особой категории лиц и органов, обладающих неприкосновенностью), к которым обратился Уполномоченный в рамках своей деятельности.

Во многом такой сложившейся ситуации, когда уполномоченные и их аппарат вынуждены осваивать в своих полномочиях административно-правовые меры и применять их для выявления административного правонарушения, способствует наблюдающаяся за последние пять лет тенденция к расширению юридической природы института Уполномоченного по правам человека и призывы к усилению статуса иных видов уполномоченных в целом [1, с. 25].

В отличие от других, только институт Уполномоченного по правам человека получил более детальное нормативно-правовое закрепление, используемое в этой связи в качестве аналога и для иных видов уполномоченных. Например, в постановлении Совета Федерации ФС РФ «О докладе деятельности Уполномоченного по правам человека за 2024 год» от 02.04.2025 г. №88-СФ в пункте 8 рекомендовано продолжить работу совместно с региональными органами государственной власти по укреплению института Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. Рекомендации сенаторам поддерживать и способствовать деятельности Уполномоченного проявилось повсеместным принятием в большинстве субъектов РФ отдельных составов за воспрепятствование и невыполнение его законных требований.

Как показал анализ законодательства об административных правонарушениях некоторых субъектов РФ, большинство из них передало полномочия по составлению протоколов аппарату уполномоченных либо самому уполномоченному. В меньшинстве с иным подходом оказалась Свердловская область: составление протокола за аналогичные деяния возложено на должностных лиц исполнительного органа государственной власти Свердловской области, реализующего государственную политику в сфере профилактики правонарушений (п. 15 ч. 1. ст. 42 Закона Свердловской области). Эта модель сохраняет правовую природу омбудсмена. Многие регионы если раньше составление протокола возлагали на другой орган исполнительной власти, то за последние 5 лет внесли изменения о наделении этим аппаратом уполномоченного. Например, в Республике Крым до внесения изменений в закон об административных правонарушениях полномочия по составлению протоколов за воспрепятствование деятельности уполномоченного были возложены на республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий функции в сфере обеспечения бесплатной юридической помощи.

Составление протокола об административном правонарушении – это процессуальное действие в рамках административной юрисдикционной деятельности (глава 28 КоАП РФ). Субъект, составляющий протокол, является инициатором возбуждения административного дела и участвует в этом процессе. Традиционно такие полномочия принадлежат органам исполнительной власти, контрольно-надзорным органам, ОВД и полиции (ст. 28.3 КоАП РФ).

Согласно части 1 статьи 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дела об административном правонарушении является непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. На основании части 3 этой же статьи должностные лица, уполномоченные составлять административные протокола, наделены также правом возбудить дело об административном правонарушении.

Постановка проблемы. Наделение самого уполномоченного по правам человека либо его аппарата правом составления протокола о правонарушении формально наделяет институт омбудсмана элементом государственного принуждения – пусть и не с правом назначения наказания, но возбуждения административного производства. Это противоречит классической модели омбудсмана как института «мягкой силы», не имеющего властно-принудительных полномочий, включает его в систему административной юрисдикции, трансформирует его из экстраюрисдикционного института в непосредственного ведущего юрисдикционной процедуры.

Аргументы «за». В новейших доктринальных мнениях такая ситуация больше поддерживается, нежели чем подвергается критике. Так, ряд учёных-юристов обосновывает это следующими доводами:

1. Стремление регионального законодателя усилить эффективность института. М. Ю. Шамрин и Е. В. Мигачёва прямо указывают: «Более правильно было бы решить вопрос о наделении полномочиями по составлению протоколов самого уполномоченного по правам человека и руководителей его аппарата, как это сделано в ряде субъектов Российской Федерации и распространить такое регулирование на федеральном уровне» [2, с. 45]. При этом данные авторы считают, что составление протокола об административном правонарушении не превращает омбудсмана в карательный орган, поскольку составление протокола это всего лишь процессуальная фиксация правонарушения, а не мера наказания. Аналогичного мнения придерживается и Б.С. Галяутдинов: «Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит статью 17.2 о воспрепятствовании деятельности уполномоченного по правам человека. Протоколы по таким административным делам составляются органами внутренних дел. Вместе с тем более правильно было бы решить вопрос о наделении полномочиями по составлению протоколов самого уполномоченного по правам человека и руководителей его аппарата, как это сделано в ряде субъектов Российской Федерации» [3, с. 41].

Встречаются также позиции о том, что одним из важнейших направлений усиления императивного статуса региональных уполномоченных является наделение их полномочием выносить обязательные для органов публичной власти решения в случае установления факта нарушения прав граждан, т.е. придать их заключениям обязательную юридическую силу. Поэтому предлагают внести в законодательство нормы для того, чтобы обязать, адресат обращения в течение конкретного срока рассмотреть его, принять меры и в письменной форме сообщить о результатах» [4, с. 190]. «Давно назрела необходимость решения вопро-

са о закреплении полномочия уполномоченного по правам человека принимать решения, обязательные для исполнения всеми государственными и муниципальными органами» [5, с. 230].

Как видим, по подобию других надзорных органов государственной власти, прокуратуры, например.

При этом многие ссылаются на мнение профессора С.А. Авакьян «...в силу ментальности населения институт общества, созданный законодательной властью и пытающийся влиять на деятельность исполнительной власти посредством пожеланий и рекомендаций, является нежизненным. Не приживаются на российской почве органы, не имеющие властных полномочий» [6, с. 6].

Г. В. Синцов и Д. Е. Феоктистов указывают: «в процессе своей работы омбудсмены могут встречать противодействие со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, их нежелание сотрудничать, например, путем непредоставления информации и документов, недопуска в помещение, отказа либо уклонения от приема соответствующим должностным лицом» [7, с. 167]. Высказываются даже мнения о том, что необходимо «наделить уполномоченного правом налагать штрафные санкции на должностных лиц, уклоняющихся от дачи необходимых объяснений или предоставления сведений по запросам» [8, с. 193].

Между тем, начиная с периода пандемии, в последующем СВО деятельность уполномоченных, особенно по правам человека, активизировалась, и стало очевидно, что органы государственной власти не справляются, что нужны более действенные и интенсивные методы работы, в том числе и с расширением принудительного аппарата. Таким образом, такому положению дел поспособствовала необходимость в усилении правозащитной деятельности.

2. *Устранение коллизий в интересах.* В настоящее время согласно статье 17.2 КоАП РФ протоколы правомочны составлять должностные лица ОВД. Некоторые ученые видят в этом противоречие в интересах. «На практике потенциально может возникнуть правоприменительная коллизия, поскольку подконтрольный омбудсмену орган уполномочен составлять протоколы о воспрепятствованию контролируемому органу и анализ жалоб на сотрудников ОВД уже стал составной частью ежегодных докладов Уполномоченного» [7, с. 167], «может возникнуть ситуация, когда должностные лица внутренних дел могут отказать уполномоченному в привлечении соответствующих лиц к ответственности, что опять может повлечь судебное обжалование данных бездействий. В обоих случаях будут тратиться ресурсы службы уполномоченного, которые и так по общему правилу ограничены и должны быть направлены на иные цели. Наделение аппарата правом составления протоколов устраняет зависимость омбудсмена от органа, который сам может быть объектом его контрольной деятельности» [2, с. 45].

Считается, что для более эффективной деятельности «уполномоченный по правам человека не должен, быть связан какими либо корпоративными (ведомственными) интересами с правоохранительными и иными органами исполнительной власти, иначе, это противоречит их независимости» [9].

3. *Статус уполномоченных преимущественно административно-правовой, нежели конституционно-правовой.* Поскольку реализация их полномочий в процедурном отношении характеризуется и относится к административно-правовому порядку (рассмотрение обращений, взаимодействие с другими органами власти, проведение проверок, принятие решений и т.д.) [10, с. 75]. Более того, некоторые виды уполномоченных, например, по

защите прав предпринимателей или КМНС созданы и функционируют при Главе региона, не парламента, их деятельность в виду отсутствия собственного аппарата обеспечивается силами органов исполнительной власти. Вместе с тем, это создает несоответствие вопросам их институциональной независимости.

На первый взгляд может показаться, что наделение аппарата и самих уполномоченных (как в других субъектах РФ) правом составлять протоколы как будто усиливает их авторитет, превращая в орган принудительного воздействия и субъекта возбуждения дела, инициатора и преследователя в рамках привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Между тем, такая ситуация акцентирует внимание на их зависимость от других органов власти. Например, у уполномоченных, у которых нет своего аппарата, составление протоколов осуществляют обеспечивающие их деятельность должностные лица других органов исполнительной власти (часть 2 статьи 15.2 КоАП РС (Я)). Объединяя орган исполнительной власти с уполномоченным в вопросах составления протоколов об административном правонарушении, законодатель стирает границы между ними, что ставит под сомнение исполнение норм закона об их самостоятельности и независимости. Не входящий ни в одну из ветвей власти, независимый и самостоятельный, и считать этот институт при ком то, не совсем правильно, уполномоченный действует от собственного имени. «Омбудсмен не должен быть частью или структурным подразделением другого органа, т.к. это обеспечивает функциональную независимость, подразумевающую, что он должен осуществлять свою деятельность свободно, без какого либо вмешательства и давления» [11, с. 71].

Несмотря на то, что все четыре закона РС (Я) об уполномоченных указывают на их независимость, такое положение дел интегрирует их в систему органов исполнительной власти. По смыслу административного законодательства, т.е. при характеристике лиц из перечня тех, кто уполномочен составлять протоколы об административном правонарушении, большая часть принадлежит, безусловно, органам исполнительной власти. В этой связи представляется нужным наделить каждого уполномоченного своим аппаратом либо по аналогии с законодательством Бурятии обеспечить всем их видам единый аппарат.

Таким образом, как верно подмечено, «усилиями Т.Н. Москальковой существенным образом изменились подходы к правозащитной деятельности, когда омбудсмен встроен в общую систему государственного контроля и осуществляет совместную деятельность по защите прав и свобод человека с другими институтами и органами публичной власти на равных» [12, с. 112]. Следует полагать, что такой подход актуален сейчас и для других видов Уполномоченных, учитывая также, что в законодательстве пределы их деятельности в целом четко не установлены, также как и нет прямого запрета на составление уполномоченными и их аппаратами протокола об административном правонарушении.

Аргументы «против». Возражения по поводу наделения аппарата Уполномоченного правом составлять протоколы основываются на следующих доводах.

1. Размывание правовой природы института Уполномоченных в РФ. Безусловно, любой орган власти либо институт гражданского общества с развитием общественных отношений может существенным образом меняться в своем статусе, особенно, когда законодательство четко не указывает пределы их деятельности, как, например, в случае с уполномоченными. В этой связи сложно оценивать правомерность таких изменений и необходимость в этом.

Классическая модель омбудсмена предполагает, что его сила в авторитете, убедительности и публичности, а не в принудительных полномочиях. Как отмечается в научной литературе, «уполномоченные – это важный элемент правозащитной системы государства,

он не связан с применением насильственных мер в отношении должностных лиц, его воздействие на государственные органы и учреждения базируется на силе убеждения, гласности, авторитета, правового просвещения. Он достаточно экономичен, что способствует его учреждению на различных уровнях публичного властвования (федеральном, региональном, местном) [13, с. 43]. Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые, которые считают, что «уполномоченный по правам человека в РФ и в субъектах РФ не обладают таким признаком органа государственной власти, как наличие в правовом статусе государственно-властных полномочий. Поскольку у них отсутствует важный признак для этого – обязательность актов уполномоченного для органов публичной власти и их должностных лиц» [14, с. 96], «вопрос оценки эффективности деятельности омбудсмена неопределен в силу отсутствия у него властных (административных) полномочий» [15, с. 128], «в своей деятельности государственный правозащитник вправе использовать только механизмы убеждения, призывать должностные лица не нарушать требования законодательства» [16, с. 113], «не согласимся с бытующей точкой зрения относительно целесообразности наделяния уполномоченных по правам человека правом вынесения решений, имеющих императивный характер. Если решения уполномоченного будут облечены в форму властного предписания, то будет изменена правовая природа его деятельности, которая, по сути, не будет отличаться от деятельности контрольно-надзорных органов. Тогда представляется очевидным, что делегирование прав может сопровождаться соответствующим объемом обязанностей административно-юрисдикционного характера, в итоге которых при таких изменениях будет утрачен концептуальный принцип независимости омбудсмена» [17, с. 138], «омбудсмен является по своей природе не только частью государственного аппарата, его можно рассматривать и как правовой институт гражданского общества. Он не является и не должен быть контролирующей и надзирающей инстанцией» [9].

Как видно из анализа доктринальных источников, доводы, возражающие против трансформации юридической природы института уполномоченных с т.н. мягкой силы в императивную с наделянием их принудительным началом в полномочиях строится на том, что такое не соответствует первоначальному замыслу их создания. Наделяние уполномоченных либо их аппарата правом составления протоколов об административном правонарушении может подорвать эту модель и размыть субсидиарную и экстраюрисдикционную суть его деятельности.

Если главный отличительный признак омбудсмена был в его функционировании «в рамках экстраюрисдикционных процедур», то наделяние аппарата правом составления протоколов формально выводит его за эти пределы и включает в юрисдикционный процесс. Поскольку вопросы рассмотрения обращений уполномоченных другими органами бланкетным путем разрешаются согласно нормами административного законодательства регионов и в целях защиты собственного же статуса ими получено право составлять протокола за бездействие либо оказание препятствия их деятельности. Тем самым правозащитный механизм омбудсменов предусматривает полномочия и из административной юрисдикции.

Как верно подмечено М.А. Кудрявцевым, «Уполномоченный по правам человека в России представляет собой классическую модель «слабого омбудсмена», не располагающего императивными полномочиями в отношении органов исполнительной власти и административными средствами воздействия на них. Сила воздействия и авторитет уполномоченного являются производными от личных качеств, авторитета и репутации конкретного лица, занимающего эту должность. Однако немаловажное значение имеет правовая куль-

тура органов и должностных лиц публично власти, их открытость и взаимодействие и сотрудничеству, готовность признавать допущенные ошибки и оперативно исправлять их» [18, с. 118].

К сожалению, состояние дел с правами человека в России еще далеко от идеала. Поэтому и высказываются предложения об усилении императивного элемента в деятельности уполномоченного, как вынужденные меры в этом направлении дополняется и законодательство.

В научных источниках также бытует мнение о том, что искажению истинной сути института омбудсмена во многом способствует их специализация, воспринимаемая некоторыми учеными как негативно излишняя.

«Тенденции трансформации классического института омбудсмена по пути специализации функций ведут к появлению новых элементов в статусе и в то же время способствуют размыванию его границ» [19, с. 62], «значительная обеспокоенность возможностью размывания самой должности уполномоченного по правам человека объясняется также попытками создания специализированных уполномоченных, что в итоге может дезорганизовать работу по защите прав и свобод граждан» [20, с. 76], «именно разнообразие и множественность субъектов и институтов официальной правозащиты порождают определенные проблемы в понимании их статуса. Особенно, когда возникают разные по полномочиям «парламентские» и «административные» омбудсмены. Как правило, административные омбудсмены назначаются Президентом РФ и главами регионов» [18, с. 120].

Таким образом, очевидно, что институт уполномоченных в РФ и субъектах как еще не до конца устоявшийся, все еще меняющийся нуждается в проведении научных исследований. Согласимся с тем, что «он еще не может быть признан эффективным органом по защите права и свобод человека и гражданина в виду неопределенности компетенции уполномоченного, что приводит к дублированию деятельности иных управомоченных государственных органов и должностных лиц, фактически отсутствует отечественный опыт функционирования подобного института [21, с. 96].

2. *Несоответствие федеральной модели.* Право субъектов РФ устанавливать перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов, прямо закреплено в п. 6 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ. Также ст. 17 ч. 6 ФЗ-48 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах РФ» устанавливает, что воспрепятствование деятельности уполномоченного влечёт ответственность, установленную не только законодательством Российской Федерации, но и законодательством субъекта Российской Федерации.

Именно эта бланкетная норма предоставляет региональным законодателям правовое основание для регулирования. В этой связи, как мы выше указывали, большая часть из них право составления протокола за воспрепятствование деятельности уполномоченного возложила на самого уполномоченного либо его аппарат.

На федеральном уровне аналогичные протоколы (ст. 17.2 КоАП РФ) составляет орган внутренних дел, а не аппарат Уполномоченного. Согласно региональным КоАП возложение полномочий по составлению протокола об административном правонарушении на ОВД возможно по согласованию (путем заключения отдельного соглашения). Хотя, если аналогичное обстоятельство установлено федеральным законодательством такое соглашение вряд ли может быть подвергнуто сомнению и отказу от заключения.

Также можно увидеть противоречие логике ФЗ-48 от 18.03.2020 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Статья 10 ч. 5 устанавливает: при обнаружении признаков административного правонарушения уполномоченный передаёт

материалы в соответствующие органы. Статья 11 п. 3 ч. 1 говорит об обращении с ходатайством о возбуждении дела. Обе нормы указывают на опосредованную, а не прямую роль уполномоченного в административном процессе как инициатора возбуждения производства. Поэтому не совсем понятна причина возложения на аппарат полномочия составлять протокол об административном правонарушении, если при аналогичных обстоятельствах установлены опосредованные, а не прямые действия при иницировании возбуждения дела. Получается, что при выявлении правонарушения, совершенного против них самих, аппарат либо сам уполномоченный (как в других субъектах) составляет об этом протокол сам, а при других случаях, обращается к уполномоченным органам. Таким образом, неравный подход к одинаковым ситуациям, возникающим в связи с совершением правонарушения, очевиден и при этом может возникнуть ситуация, подвергающая под сомнение вопрос о необъективности и заинтересованности потерпевшего в привлечении к ответственности.

Составление протокола означает иницирование преследования: протокол – это документ, который официально запускает административное преследование, то есть начало административного производства. Протокол является главным процессуальным документом, на основе которого суд или орган в дальнейшем накладывает наказание. Оформление протокола – процедура, регламентированная КоАП РФ, требующая соблюдения процессуальных прав, обязанностей, порядка, несоблюдение ведет к недопустимости доказательств (статья 28.2 КоАП РФ).

Составление протокола об административном правонарушении входит в стадию возбуждения дела об административном правонарушении. Это ключевой первичный процессуальный документ, который подтверждает, что производство по делу начато. Согласно КоАП РФ Статья 28.1, дело считается возбужденным именно с момента составления протокола.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые считают, что составление протокола это всего лишь фиксация факта, не входящее в производство по делу об административном правонарушении [2]. Протокол в этом случае является основанием для возбуждения административного преследования, доказательством совершения правонарушения.

Отдельно протокол можно оспорить, если он составлен с грубыми нарушениями, препятствующими рассмотрению дела, через подачу возражений должностному лицу или в суд. Поэтому уполномоченный и его аппарат может стать субъектом административной юрисдикции еще и в случае несогласия с протоколом о совершении административного правонарушения как должностные лица, чьи решения могут быть оспорены, подвергнуты сомнению, обжалованию, что, безусловно, не стыкуется с их концептуальным значением только лишь как субсидиарного правозащитного органа. Должностные лица несут ответственность за правомерность и правильность оформления протокола об административном правонарушении, являющегося не только поводом, но и доказательством.

Таким образом, институт уполномоченных вынужден действовать не только как сторона, обвиняющая в нарушении, но и орган, чьи действия могут быть проверены, обжалованы, оспорены, соответственно, отвечающая сторона.

Некоторые считают, что аппарат уполномоченного является обособленным органом, поэтому может иметь иные полномочия. Между тем, аппарат никак не может иметь более широкие полномочия, чем сам уполномоченный. Аппарат является обслуживающим, рабочим органом, созданным для обеспечения деятельности омбудсмена, и его сотрудники действуют исключительно в пределах компетенции, определенной законом для самого уполномоченного.

В Республике Саха (Якутия) аппарат имеется только у Уполномоченного по правам человека.

Основные аспекты взаимоотношений уполномоченного и его аппарата заключаются в том, что:

- аппарат обеспечивает юридическое, организационное, аналитическое и иное обеспечение деятельности уполномоченного, основная цель его создания в этом;
- аппарата ограничен в полномочиях, т.к. сотрудники аппарата не могут принимать решения, которые не входят в компетенцию уполномоченного. Они лишь реализуют полномочия, делегированные им (например, прием жалоб, подготовка материалов).
- функции аппарата не могут выходить за пределы деятельности уполномоченного. Сотрудники аппарата могут собирать информацию, получать объяснения, проводить проверки, но всё это делается в рамках компетенции уполномоченного.

Таким образом, полномочия аппарата – это лишь инструмент реализации полномочий самого уполномоченного, а не самостоятельная власть, превышающая полномочия последнего.

Уполномоченных, не имеющих своего аппарата и деятельность которых обеспечивается силами органов исполнительной власти, исследуемая проблема может не коснуться до тех пор, пока составление протокола не будет возложено на самого уполномоченного как в других субъектах РФ (см. табл. 1).

3. *«Конфликт интересов»*. Уполномоченный (его аппарат) – это одновременно и потерпевшая сторона (именно его запросы игнорируются), и орган, возбуждающий дело. Если Уполномоченный по правам человека в РФ и субъектах это государственная должность, то его аппарат обладает признаками юридического лица и является таковым (часть 3 статьи 37 ФКЗ от 26.02.1997 N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Согласно статье 25.2 КоАП РФ потерпевшим является и юридическое лицо. Такое совмещение противоречит принципу объективности административного производства.

Прямое совмещение в одном институте правозащитной функции и функции привлечения к административной ответственности противоречит основному предназначению уполномоченного как дополнительного внесудебного (экстраюрисдикционного) механизма защиты.

Более того, наложение на тот же орган, права и законные интересы которого нарушены противоправным деянием (действием или бездействием) права рассматривать это же самое правонарушение и выносить по нему решение противоречит принципам беспристрастности, объективности и независимости, может привести к недоверию. В соответствии с теорией состава правонарушения, получается, что объект правонарушения (непосредственный) и потерпевший наделяются полномочиями вести производство за правонарушение, совершенное против него же (по исследуемой норме закона речь идет именно об интересах, вытекающих из статуса уполномоченных, а не сферы тех общественных отношений, в реализации которых они вправе участвовать). Составление протокола об административном правонарушении является неотъемлемой частью производства по делу об административном правонарушении.

Заключение. Таким образом, подытоживая приведенные доводы, считаем нужным подчеркнуть:

- в системном толковании уполномоченный – это субсидиарный контрольный орган с элементами правозащитной деятельности во благо институтов гражданского общества, имеющий свои, не повторяющиеся с функциями других контрольных органов функции;

– наделение аппарата уполномоченного по правам человека правом составления протокола об административном правонарушении противоречит классической модели омбудсмена как института «мягкой силы», не имеющего властно-принудительных полномочий;

– омбудсмен – посредник между властью и гражданским обществом. Участие в административном производстве в качестве инициатора дела трансформирует его из посредника в сторону процесса, что может подорвать доверие к нему как к беспристрастному арбитру;

– институт уполномоченного становится прямым субъектом административной юрисдикции, соответственно обременен всеми процессуальными обязанностями, выступая одновременно как объект правонарушения и потерпевшая сторона. В том числе становится объектом контроля и возможно ответственности, в случае допущения нарушений в составлении протокола и процедуры, связанной с ним. Становится обвиняющей стороной, обязанной доказать достоверность события правонарушения и правомерность составления протокола, возбуждения дела. Совмещение в одном нескольких разных процессуальных и правовых функций приводит к искажению истинной сути деятельности государственного органа;

– институт уполномоченного отличался от других правоприменительных органов отсутствием права на применение мер принуждения и юридического преследования за совершенные правонарушения, права принимать обязательные для исполнения решения и акты. С наделением их правом составления протокола эти отличия размываются, что противоречит базовому федеральному подходу к статусу уполномоченных. Поскольку ФКЗ об Уполномоченном по правам человека в РФ (часть 3 статьи 1) и ФЗ № 48-ФЗ об уполномоченных в субъектах (часть 3 статьи 1) прямо исходят из того, что деятельность уполномоченного по правам человека дополняет имеющиеся средства защиты прав, не отменяет, не подменяет и не пересматривает компетенцию органов, обеспечивающих защиту и восстановление прав, и не наделяет уполномоченного прямыми полномочиями по привлечению к видам юридической ответственности за правонарушения;

– правонарушениями, их обнаружением, фиксированием, выяснением обстоятельств, причин и иных сведений, имеющих значение для возбуждения административного производства должен заниматься такой орган власти, который будет обладать необходимым для этого комплексом полномочий властно-принудительного, директивно-распорядительного характера. Поскольку основанием для этого является правонарушение, влекущее юридическую ответственность со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому составление протокола об административном правонарушении – это не просто фиксация факта, это порядок и процедура, требования, установленные статьей 28.2 КоАП РФ. Аппарат уполномоченного такими признаками в полном объеме не обладает;

– в целях приведения в соответствие с назначением института Уполномоченного по правам человека следует пересмотреть нормы пункта 11 статьи 15.2. Кодекса РС (Я) об административных правонарушениях и передать составление протокола об административном правонарушении одному из профильных органов исполнительной власти субъекта (например, государственному комитету юстиции) либо ОВД.

Литература

1. Москалькова Т. Н. Институт Уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 23-44.
2. Шамрин М.Ю., Мигачева Е.В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134) январь. С. 41-48.

3. Галаяудинов Б.С. Правовая природа института Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2014. №2 (6). С. 40-47.
4. Колобова Т. В. Разграничение административно-правового и конституционно-правового статуса Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 184-191.
5. Богославский Е.А. Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного служащего университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №3 (163). С. 228-231.
6. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. №8. С. 3-12.
7. Синцов Г.В., Феоктистов Д.Е. Вопросы административной ответственности за воспрепятствование деятельности уполномоченных по правам человека // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №9 (61). С. 162-168.
8. Грудинин Н.С. Компаративистский анализ полномочий омбудсмена в Российской Федерации и зарубежных государствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. №5 (813). С. 185-193.
9. Джамбулатов С.И. Место института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе органов государственной власти // Социально-политические науки. 2018. №1.
10. Колобова Т. В. Государственный контроль Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: понятие, направления, полномочия // Вестник Национального исследовательского Нижегородского университета. 2020. №6. С. 74-80.
11. Кандан Ч.С. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Тыва) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2017. №1. С. 68-76.
12. Мартынов А.В, Черников В.В. Государственный контроль как средство защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. №3. С. 104-116.
13. Малый А.Ф., Агишев Р.А. Комиссия и уполномоченный по правам человека как часть правозащитного механизма государства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. №3 (51). С. 37-44.
14. Шутурова Х.М. Особенности компетенции уполномоченного по правам человека в субъектах РФ (на примере Юга России // Вестник Академии права и управления 2016 №1 (42). С. 93-96.
15. Зражевская Т. Д. Эффективность института уполномоченных по правам человека в субъектах РФ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 125-133.
16. Демидов М.В. Понятие института Уполномоченного по правам человека и его место в правозащитном механизме государства // Вестник Российского университета кооперации. 2019. №1 (35). С. 111-114.
17. Сабурская С. Х. К вопросу о потенциале уполномоченных по правам человека в субъектах РФ (с учетом опыта Республики Татарстан) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 134-141.
18. Кудрявцев М.А. Институт парламентского уполномоченного по малому человеку в России: проблемы становления и развития // Труды Института государства и прав РАН. 2017. №3 (61). С. 101-123.
19. Ирбудагова Д. Ш., Дюкарева А. С. Институт Уполномоченного по правам человека как основная форма внесудебной защиты прав и свобод человека: российский и зарубежный опыт формирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №4. С. 58-63.
20. Кулишенко Е. А. Специализация как способ трансформации функционирования института Уполномоченного по правам человека // Ex jure. 2021. №3. С. 71-83.
21. Кальгина А.А. Институт Уполномоченного по правам человека в РФ: состояние и перспективы развития // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №3. С. 94-96.

References

1. Moskalkova TN. Institut Upolnomochennykh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra [The Institution of Commissioners for Human Rights: yesterday, today, tomorrow]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):23-44. (In Russ.).

2. Shamrin MYu, Migacheva EV. Institut upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii [The Institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2022;17(1):41-48. (In Russ.).
3. Galyautdinov BS. Pravovaya priroda instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka (ombudsmana) v Rossiyskoy Federatsii [Legal nature of the institution of the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) in the Russian Federation]. Vestnik PenzGU. 2014;(2):40-47. (In Russ.).
4. Kolobova TV. Razgranichenie administrativno-pravovogo i konstitutsionno-pravovogo statusa Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte RF [Differentiation of the administrative-legal and constitutional-legal status of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation]. Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2020;(3):184-191. (In Russ.).
5. Bogoslavskiy EA. Upolnomochenny po pravam cheloveka kak sub»ekt gosudarstvennogo kontrolya i nadzora [The Commissioner for Human Rights as a subject of state control and supervision]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2015;(3):228-231. (In Russ.).
6. Avak'yan SA. Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya [Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2007;(8):3-12. (In Russ.).
7. Sintsov GV, Feoktistov DE. Voprosy administrativnoy otvetstvennosti za vospreyatstvovanie deyatelnosti upolnomochennykh po pravam cheloveka [Issues of administrative liability for obstruction of the activities of commissioners for human rights]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019;(9):162-168. (In Russ.).
8. Grudinin NS. Komparativistskiy analiz polnomochiy ombudsmena v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh gosudarstvakh [A comparative analysis of the ombudsman's powers in the Russian Federation and foreign states]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018;(5):185-193. (In Russ.).
9. Dzhambulatov SI. Mesto instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti [The place of the institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the system of state authorities]. Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018;(1). (In Russ.).
10. Kolobova TV. Gosudarstvennyy kontrol' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte RF: ponyatie, napravleniya, polnomochiya [State control of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the RF: concept, directions, powers]. Vestnik Natsional'nogo issledovatel'skogo Nizhegorodskogo universiteta. 2020;(6):74-80. (In Russ.).
11. Kandan ChS. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte Rossiyskoy Federatsii (na primere Respubliki Tyva) [The institution of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Republic of Tyva)]. Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. 2017;(1):68-76. (In Russ.).
12. Martynov AV, Chernikov VV. Gosudarstvennyy kontrol' kak sredstvo zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina [State control as a means of protecting human and civil rights and freedoms]. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2025;(3):104-116. (In Russ.).
13. Malyy AF, Agishev RA. Komissiya i upolnomochenny po pravam cheloveka kak chast' pravozashchitnogo mekhanizma gosudarstva [The commission and the commissioner for human rights as part of the state's human rights protection mechanism]. Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. 2019;(3):37-44. (In Russ.).
14. Shuturova KhM. Osobennosti kompetentsii upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ektakh RF (na primere Yuga Rossii) [Peculiarities of the competence of the commissioner for human rights in the constituent entities of the RF (on the example of the South of Russia)]. Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016;(1):93-96. (In Russ.).
15. Zrazhevskaya TD. Effektivnost' instituta upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub»ektakh RF [Effectiveness of the institution of commissioners for human rights in the constituent entities of the RF]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):125-133. (In Russ.).
16. Demidov MV. Ponyatie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka i ego mesto v pravozashchitnom mekhanizme gosudarstva [The concept of the institution of the Commissioner for Human Rights and its place in the state's human rights protection mechanism]. Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2019;(1):111-114. (In Russ.).

17. Saburskaya SKh. K voprosu o potentsiale upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub»ektakh RF (s uchetom opyta Respubliki Tatarstan) [On the potential of commissioners for human rights in the constituent entities of the RF (with regard to the experience of the Republic of Tatarstan)]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):134-141. (In Russ.).

18. Kudryavtsev MA. Institut parlamentskogo upolnomochennogo po malomu cheloveku v Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya [The institution of the parliamentary commissioner for the «little man» in Russia: problems of formation and development]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2017;(3):101-123. (In Russ.).

19. Irbudagova DSh, Dyukareva AS. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka kak osnovnaya forma vnesudebnoy zashchity prav i svobod cheloveka: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt formirovaniya [The institution of the Commissioner for Human Rights as the main form of extrajudicial protection of human rights and freedoms: Russian and foreign experience of formation]. Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;(4):58-63. (In Russ.).

20. Kulishenko EA. Spetsializatsiya kak sposob transformatsii funktsionirovaniya instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Specialization as a way to transform the functioning of the institution of the Commissioner for Human Rights]. Ex iure. 2021;(3):71-83. (In Russ.).

21. Kal'gina AA. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF: sostoyanie i perspektivy razvitiya [The institution of the Commissioner for Human Rights in the RF: state and prospects of development]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2021;(3):94-96. (In Russ.).

Сведения об авторе

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Z_koryakina@mail.ru

About the author

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, North-Eastern Federal University, e-mail: Z_koryakina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest/

Поступила в редакцию / Received 05.04.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 10.05.2026

Принята к публикации / Accepted 26.05.2026

УДК 343.13

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-37-46>

Оригинальная научная статья

Проблемы организации цифрового взаимодействия следователя в уголовном судопроизводстве

А.А. Павлова, Д.Е. ХанСеверо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ arzulana@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы организации цифрового взаимодействия следователя в уголовном судопроизводстве через путём изучения и анализа инструментов цифровизации, применяемых при получении, передаче, фиксации и проверке сведений на стадии досудебного производства. Основная проблема связана с тем, что цифровые инструменты уже активно используются в следственной практике, но порядок их применения остаётся неоднородным и не всегда обеспечивает достаточную процессуальную прослеживаемость электронных сведений. Цель исследования состоит в анализе основных инструментов цифровизации, используемых при взаимодействии следователя с участниками досудебного производства, государственными органами, организациями и внешними информационными источниками, а также в выявлении проблем их организационного и процессуального применения. Материалами исследования послужили нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, законодательство об информации и доступе к сведениям, научные публикации по вопросам цифровизации уголовного процесса, судебная практика и результаты анкетирования 14 сотрудников следственных органов. Использованы формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, анализ судебной практики и качественное обобщение эмпирических данных. В результате выделены информационно-поисковые, коммуникационные, доказательственные, дистанционные и обеспечительные инструменты цифрового взаимодействия следователя. Установлено, что их применение повышает оперативность расследования, но сопровождается проблемами подтверждения источника цифровых сведений, сохранности электронных объектов, разграничения доступа, процессуальной фиксации и цифровой подготовки сотрудников. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании ведомственных алгоритмов работы с электронными сведениями, организации цифрового документооборота и развитии процессуальных правил обращения с цифровыми доказательствами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следователь, досудебное производство, цифровизация, цифровое взаимодействие, цифровые инструменты, электронные сведения, цифровые доказательства, видеоконференц-связь, электронный документооборот, информационная безопасность, межведомственный обмен, судебная практика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Павлова А.А., Хан Д.Е. Проблемы организации цифрового взаимодействия следователя в уголовном судопроизводстве. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 37-46. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-37-46

Original article

Problems of Organizing Digital Interaction of an Investigator in Criminal Proceedings

Arzulana A. Pavlova, Darina E. Han

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russian Federation

✉ arzulana@bk.ru

Abstract

The article examines the problems of organizing digital interaction of an investigator in criminal proceedings through the analysis of digitalization tools used for obtaining, transmitting, recording and verifying information at the pre-trial stage. The scientific problem lies in the fact that digital tools are already widely used in investigative practice, while the procedure for their application remains uneven and does not always ensure sufficient procedural traceability of electronic information. The purpose of the study is to analyze the main digitalization tools used in the interaction of the investigator with participants in pre-trial proceedings, public authorities, organizations and external information sources, as well as to identify the problems of their organizational and procedural application. The materials of the study include criminal procedure legislation of the Russian Federation, legislation on information and access to information, scholarly publications on the digitalization of criminal proceedings, judicial practice and the results of a survey of 14 investigative officers. The formal legal, systemic, structural and comparative legal methods were used, together with the analysis of judicial practice and qualitative generalization of empirical data. The study identifies information-search, communication, evidentiary, remote and security-related tools of the investigator's digital interaction. It is concluded that their use increases the efficiency of investigation, but is accompanied by problems of confirming the source of digital information, preserving electronic objects, differentiating access, procedural recording and digital training of investigative officers. The practical significance of the study lies in the possibility of using the conclusions to improve departmental algorithms for working with electronic information, organizing digital document flow and developing procedural rules for handling digital evidence.

Keywords: criminal proceedings, investigator, pre-trial proceedings, digitalization, digital interaction, digital tools, electronic information, digital evidence, videoconferencing, electronic document flow, information security, interdepartmental exchange, judicial practice

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Pavlova .Arzulana A., Han Darina.E. Problems of Organizing Digital Interaction of an Investigator in Criminal Proceedings. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 37-46. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-37-46

Введение

Продолжающаяся цифровизация уголовного судопроизводства меняет порядок получения сведений, обмена информацией между государственными органами и организациями, фиксации следственных действий и взаимодействия следователя с экспертами, специалистами, оперативными подразделениями, прокурором, судом и иными участниками процесса.

В настоящее время нацеленность государства на развитие информационных технологий и достижения цифрового суверенитета предполагает расширение применения цифровых инструментов и механизмов управления, обмена данными и обеспечения доступности информации [1].

В уголовном судопроизводстве следователь организует досудебное производство, определяет направление расследования, принимает решения, собирает, проверяет и оценивает доказательства, поэтому цифровое взаимодействие затрагивает саму практику осуществ-

вления его полномочий. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации законодательно закрепляет полномочия следователя, порядок производства следственных действий и требования к допустимости доказательств [2].

Работа с цифровыми данными основывается на пересечении действующего законодательства [3], а также правил доступа к сведениям о деятельности государственных органов [4]. Следует добавить, что Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ внёс в УПК РФ положения об использовании видеоконференц-связи при производстве отдельных следственных действий, что усилило нормативное признание дистанционных форм процессуальной коммуникации [5].

В настоящее время цифровизация уголовного процесса обычно связывается с изменением содержания процессуальной деятельности следователя, развитием практики приведения доказательств, собранных в цифровом пространстве, дистанционного совершения большинства действий, цифровых средств фиксации и новых форм обмена информацией.

И. А. Левченко пишет, что необходимо обратить особое внимание на необходимость концептуального осмысления этой деятельности при внедрении цифровых технологий, так как цифровая среда влияет на порядок принятия процессуальных решений, получения сведений, взаимодействия с иными участниками процесса и проверки доказательственной информации [6]. П. Е. Власов в своём исследовании связывает цифровую трансформацию уголовного судопроизводства с необходимостью дальнейшего развития правового регулирования, так как применение цифровых решений опережает формирование единых процессуальных правил их использования [7], а также указывает на дискуссионность отдельных направлений цифровизации, что позволяет говорить о наличии нерешенных вопросов, связанных с пределами допустимого использования цифровых технологий, сохранением процессуальных гарантий и правовой оценкой электронных сведений [8].

Л. А. Шестакова и М. Е. Кочнев в своей работе исследуют цифровые технологии в уголовном судопроизводстве через соотношение их практической эффективности и процессуальных гарантий, указывая на необходимость осторожного внедрения таких решений в деятельность участников процесса [9]. Близкий подход прослеживается в работах, посвящённых цифровой трансформации следственных действий, электронным доказательствам, электронному формату уголовного дела и применению видеоконференц-связи [10-13].

Цель исследования состоит в анализе основных инструментов цифровизации, используемых при взаимодействии следователя с участниками досудебного производства и внешними информационными источниками, а также в выявлении проблем их организационного и процессуального применения.

Теоретическая значимость работы определяется уточнением содержания цифрового взаимодействия следователя через группы применяемых цифровых инструментов.

Практическая значимость связана с возможностью использования выводов при совершенствовании ведомственных алгоритмов работы с электронными сведениями, цифрового документооборота и порядка обращения с цифровыми доказательствами.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, законы об информации и доступе к сведениям, научные публикации по вопросам цифровизации уголовного процесса, электронных доказательств, дистанционных следственных действий и цифровой подготовки следователей. Эмпирическая база исследования сформирована на основе анкетирования 14 сотрудников следственных органов, направленного на выявление практических трудностей цифровизации досудебного производства.

Содержание анкеты включало в себя оценку уровня цифровизации, применение цифровых технологий при выполнении процессуальных действий, изменение служебной нагрузки, затруднения при использовании цифровых инструментов, состояние нормативной базы, влияние цифровизации на качество доказательств и взаимодействие с другими участниками процесса.

Материалы опроса использованы в статье для анализа затруднений, возникающих при применении цифровых инструментов в досудебном производстве. Ответы респондентов сгруппированы по нескольким смысловым направлениям, включая инфраструктуру обмена данными, информационную безопасность, нормативную определённость, цифровую подготовку сотрудников, взаимодействие с экспертами и оперативными подразделениями, а также работу с цифровыми доказательствами.

Анализ примеров судебной практики в рамках исследования приводится для проверки выводов о рисках цифрового взаимодействия и оценки различных ситуаций, так, в ходе исследования были рассмотрены материалы судов Республики Саха (Якутия), связанные с использованием видеозаписей, мобильных устройств, банковских сведений, данных информационных систем и электронных коммуникаций.

Результаты и обсуждение

В ходе своей деятельности следователю на этапе досудебного производства приходится коммуницировать с органами дознания, оперативными подразделениями, экспертами, специалистами, прокурором, судом, потерпевшими, подозреваемыми, адвокатами, банковскими учреждениями, операторами связи, медицинскими организациями, различными цифровыми платформами и иными владельцами информационных ресурсов в сети-интернет и любая полученная информация способна повлиять на ход уголовного дела, оценку доказательств и соблюдение гарантий участников процесса.

Информационно-поисковые инструменты используются при обращении следователя к государственному реестрам, ведомственным базам данных, сведениям банков, операторов связи, медицинских организаций, цифровых платформ и иных информационных систем. Их применение ускоряет установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, включая сведения о лице, движении денежных средств, коммуникациях, местонахождении объектов, медицинских документах, электронных операциях и иных фактических данных. Основная трудность возникает на этапе оформления таких сведений, так как зачастую доступ к ним осуществляется через разные организационные каналы, а порядок получения ответа, его фиксации и включения в материалы уголовного дела не всегда обладает одинаковой степенью определённости.

Получение информации из различных источников подразумевает под собой направление запросов, поручений и уведомлений, обмен документами, передачу материалов специалисту или эксперту, получение ответов от организаций и согласование действий с оперативными подразделениями. Электронная форма коммуникации действительно ускоряет движение сведений, однако для уголовного судопроизводства важна возможность подтвердить основание обращения, лицо, направившее запрос, адресата, время передачи, состав направленных данных и последующее закрепление ответа в материалах дела.

Под доказательствами понимают цифровую фото- и видеofиксацию, электронные документы, файлы, выгрузки из информационных систем, сведения из мобильных устройств, переписку, банковские выписки, данные геолокации и иные электронные объекты. Важность этих сведений зависит от сохранения связи между источником происхождения, способом получения, процессуальной фиксацией, условиями хранения и последующей проверкой.

Инструменты для дистанционной работы применяются при использовании видеоконференц-связи, удалённом участии отдельных лиц, передаче копий процессуальных документов и организации процессуальной коммуникации без физического присутствия участника. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ придал дополнительную нормативную основу использованию видеоконференц-связи при производстве отдельных следственных действий [5]. В целом, видеоконференц-связь оценивается как перспективный инструмент досудебного производства, но её применение предполагает сохранение гарантий следственного действия, включая достоверную идентификацию участника, разъяснение прав и надлежащую фиксацию хода процессуального действия [14].

Ряд инструментов в работе следователя необходим для защиты цифровых сведений, разграничение доступа, подтверждение источника происхождения, фиксацию времени получения, резервное хранение и проверку неизменности электронного объекта и их роль особенно заметна при работе с цифровыми доказательствами, так как электронная форма сведений ускоряет передачу информации и одновременно повышает риски несанкционированного доступа, утраты, подмены, неконтролируемого копирования и распространения данных. Материалы проведённого анкетирования подтверждают, что сотрудники следственных органов связывают развитие цифровизации с техническим оснащением, обучением, инструктажами, едиными алгоритмами работы с цифровыми данными и понятным распределением ответственности между участниками информационного обмена.

Работа с мобильными устройствами, ресурсами в сети-интернет, переписками, базами данных и восстановлением удаленной информации требует участия лиц, обладающих специальными знаниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что говорит о том, что специальные знания в указанной сфере становятся самостоятельным условием качества расследования [16].

Изучение и анализ материалов судебной практики позволяет наглядно увидеть каким образом цифровые сведения приобретают доказательственное значение через порядок их получения и последующей проверки. Приведём пример, где в приговоре Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 24 января 2024 г. по делу № 1-204/2024 суд исследовал видеозапись с камеры банка, сохранённую на электронном носителе, протокол выемки, протокол осмотра видеозаписи и банковские документы [18]. В этом деле одновременно задействованы несколько групп цифровых инструментов, так как видеозапись относится к средствам доказательственной фиксации, банковские документы связаны с информационно-поисковым источником, а протоколы выемки и осмотра обеспечивают включение электронного материала в доказательную базу.

Чуть более сложную структуру взаимодействия в цифровой среде можно обнаружить при изучении и анализе приговора Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 26 августа 2025 г. по делу № 1-97/2025, где исследовались сведения из медицинской информационной системы, электронный листок нетрудоспособности, данные служебного компьютера, мобильного телефона, мессенджера WhatsApp и банковских переводов [19]. В материалах дела отражена ситуация, при которой в расследовании задействованы несколько отдельных невзаимосвязанных напрямую цифровых сред (медицинская информационная система, персональное мобильное устройство, служебный компьютер, банковские операции и электронная коммуникация). Следователю в таком случае необходимо иметь достаточный уровень компетенции для получения данных из различных источников, проверки их соотносимости, а также определения взаимосвязей между ними и обстоятельствами дела.

Вышеприведенный пример подтверждает, что цифровое взаимодействие следователя редко ограничивается одним каналом получения информации или одним электронным объектом.

Работа с цифровыми материалами при межведомственном взаимодействии требует повышенного внимания к происхождению электронного объекта и порядку его передачи между подразделениями. Сам факт поступления видеозаписи, файла или иного цифрового материала от другого органа не отвечает на вопросы о том, где именно был создан цифровой объект, каким способом он был получен, кто обеспечивал его сохранность и в каком виде он был передан следователю или иному должностному лицу.

Показательным в этом отношении является апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики от 1 марта 2023 г. по делу № 1-168/2022, где оценивалась видеозапись, поступившая вместе с материалами проверки из подразделения ГИБДД для решения вопроса в порядке ст. 145 УПК РФ [20]. Суд не признал сам факт передачи записи вместе с материалами проверки нарушением, что позволяет рассматривать данный пример через призму допустимости межведомственного движения цифровых сведений при условии сохранения их связи с исходными материалами.

Данный пример интересен, так как цифровой объект перемещался между подразделениями ещё до принятия итогового процессуального решения и в такой ситуации необходимо фиксировать, из какого источника поступила запись, каким должностным лицом и на каком основании она была передана, на каком носителе либо через какой канал она направлялась, сопровождалась ли передача документами и сохранялась ли связь видеозаписи с обстоятельствами проводимой проверки.

Межведомственный обмен цифровыми материалами должен быть организован как проверяемое движение электронного объекта от первоначального источника к заключительному, что позволяет сохранить связь с материалами проверки, а суд получает возможность оценивать ее содержание вместе с порядком получения, передачи и последующего использования в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрим еще один пример, приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 13 февраля 2025 г. по делу № 1-302/2025, в котором цифровой след преступления был связан с онлайн-покупками через приложение Wildberries, банковским счетом потерпевшего, мобильным телефоном iPhone 15 Pro Max, ответом цифровой платформы и выписками по счету [21]. Суд рассмотрел показания участников, протокол выемки телефона, протокол осмотра предметов, ответ с Wildberries, результаты оперативно-розыскной деятельности, выписки ПАО «Сбербанк» и справки о банковском счете, что позволило сопоставить электронные операции с обстоятельствами совершения хищения.

Данный пример показателен для анализа взаимодействия следователя с негосударственными информационными источниками, так как фактическая картина восстанавливалась путем соединения данных мобильного устройства, банковских сведений, информации маркетплейса и результатов оперативных мероприятий.

Рассмотренные примеры позволяют уточнить роль цифровых инструментов в организации взаимодействия следователя с участниками процесса, подразделениями и внешними информационными источниками.

Анализ инструментов цифрового взаимодействия позволяет выделить несколько общих затруднений, проявляющихся в следственной и судебной практике.

Множественность каналов получения и передачи сведений приводит к тому, что запросы, уведомления, поручения, материалы для экспертного исследования и ответы организаций проходят через разные ведомственные и вневедомственные подразделения.

Подтверждение происхождения и неизменности цифрового объекта осложняется перемещением электронных сведений между носителями, информационными системами и различными участниками процесса.

Разграничение доступа требует учета процессуального положения следователя, руководителя следственного органа, прокурора, эксперта, специалиста, оперативного сотрудника, защитника и иных участников процесса.

Цифровая подготовка сотрудников также влияет на качество работы с электронными сведениями, техническими носителями, информационными системами и результатами специальных исследований.

Совершенствование цифрового взаимодействия следователя должно соотноситься с функциональным назначением каждой группы инструментов и теми рисками, которые возникают при их использовании.

Информационно-поисковые средства требуют более определённого порядка запроса и получения сведений от государственных органов, организаций и владельцев информационных ресурсов.

Коммуникационные инструменты нуждаются в подтверждении отправителя, получателя, времени передачи и состава направленных материалов.

Дистанционные средства должны обеспечивать идентификацию участника, разъяснение прав и фиксацию хода процессуального действия. Обеспечительные механизмы связаны с защитой данных, резервным хранением, контролем доступа и проверкой неизменности электронных сведений.

Заключение

Организация цифрового взаимодействия следователя в уголовном судопроизводстве зависит от того, насколько электронные средства включены в досудебное производство согласованно с процессуальной формой, правилами доказывания и гарантиями участников процесса. Цифровые инструменты уже используются при получении информации, направлении запросов, обмене материалами, фиксации электронных объектов, взаимодействии со специалистами и экспертами, применении видеоконференц-связи и защите данных и их практическая роль возрастает по мере того, как расследование все чаще обращается к банковским сведениям, данным мобильных устройств, информационным системам, видеозаписям, электронным документам и цифровой переписке.

В ходе исследования выделены пять групп инструментов цифрового взаимодействия следователя, различающихся по назначению и процессуальной функции.

Изучение и анализ примеров судебной практики позволяют сказать, что доказательственное значение цифровых сведений определяется связью между источником происхождения, способом получения, документальным закреплением, сохранностью и последующей проверкой. Видеозапись с камеры банка, сведения медицинской информационной системы, данные мобильного телефона, переписка в мессенджере, банковские переводы и материалы, переданные между подразделениями, приобретают устойчивое значение для уголовного дела при возможности восстановить путь их движения.

Анкетирование сотрудников следственных органов подтверждает практическую направленность обозначенных выводов, так как ответы респондентов говорят о том, что существует развитие цифровизации, которое невозможно без должного технического оснащения, обучения, инструктажа, а также разработки и внедрения единых алгоритмов работы с цифровыми данными, а также понятным распределением ответственности.

Основные трудности применения цифровых инструментов выражаются в множественности каналов получения и передачи сведений, недостаточной прослеживаемости электронных объектов, неодинаковом порядке подтверждения источника информации, рисках несанкционированного доступа, слабом разграничении прав участников и потребности в специальных знаниях.

Преодоление вышеприведённых трудностей возможно путём последовательного упорядочения отдельных инструментов, уже используемых в следственной практике, без заявки на создание единой универсальной цифровой системы.

Литература

1. Указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». Собрание законодательства РФ. 2017;(20):Ст. 2901.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.04.2026). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
4. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30.12.2021 № 501-ФЗ. Российская газета. 2022;(2):11 января.
6. Левченко И.А. Концептуальные идеи процессуальной деятельности следователя в условиях внедрения цифровых технологий. Российский следователь. 2023;(2):15.
7. Власов П.Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Российский следователь. 2023;(6):16.
8. Власов П.Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства. Российский следователь. 2024;(9):22.
9. Шестакова Л.А., Кочнев М.Е. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ. Juridical Analytical Journal. 2024;19(1):18.
10. Химичева О.В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства. Криминалистический журнал. 2023;(2):173.
11. Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022;(1):30.
12. Смирнов А.В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? Уголовное судопроизводство. 2024;(1):27.
13. Артемова В.В., Ермаков С.В., Иванов Д.А. Зарубежный опыт и перспективы использования электронного формата уголовных дел в Российской Федерации. Международное уголовное право и международная юстиция. 2024;(1):8.
14. Победкин А.В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий. Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022;(3):81.
15. Малышева О.А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации. Вестник Томского государственного университета. 2022;(480):266.
16. Шаров А.В., Архипова И.А. Совершенствование применения следователем специальных знаний в области информационно-телекоммуникационных технологий. Вестник экономической безопасности. 2022;(6):261.
17. Дубынин Е.А., Космодемьянская Е.Е. Возможности использования цифровых технологий в раскрытии и расследовании преступлений. Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022;1(46):33.
18. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 24.01.2024 по делу № 1-204/2024. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/cO7zRNZ2Q3Uc/>

19. Приговор Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 26.08.2025 по делу № 1-97/2025. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KAslc2Ui7Ggl/>
20. Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики от 01.03.2023 № 22-350/2023 по делу № 1-168/2022. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OLZsY507eaWm/>
21. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 13.02.2025 по делу № 1-302/2025. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/7i3tDN8yYd5X/>
22. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2024 № 25-УДП24-16-К4. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-12112024-n-25-udp24-16-k4/>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017 On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2017;(20):Art. 2901 (in Russian).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on April 09, 2026). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (in Russian).
3. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 On Information, Information Technologies and Information Protection. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (in Russian).
4. Federal Law No. 8-FZ of February 9, 2009 On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (in Russian).
5. Federal Law No. 501-FZ of December 30, 2021 On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya gazeta*. 2022;(2):January 11 (in Russian).
6. Levchenko IA. Conceptual ideas of the investigator's procedural activity in the context of digital technologies. *Rossiyskiy sledovatel*. 2023;(2):15 (in Russian).
7. Vlasov PE. Priority areas of digital transformation of criminal proceedings. *Rossiyskiy sledovatel*. 2023;(6):16 (in Russian).
8. Vlasov PE. Debatable directions of digitalization of criminal proceedings. *Rossiyskiy sledovatel*. 2024;(9):22 (in Russian).
9. Shestakova LA, Kochnev ME. Problems and prospects of using digital technologies in criminal proceedings of the Russian Federation. *Juridical Analytical Journal*. 2024;19(1):18 (in Russian).
10. Khimicheva OV. Investigative actions: on the digital transformation of their production. *Kriminologicheskii zhurnal*. 2023;(2):173 (in Russian).
11. Ishchenko PP. Investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya*. 2022;(1):30 (in Russian).
12. Smirnov AV. Electronic evidence, electronic proof, artificial intelligence: what next? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 2024;(1):27 (in Russian).
13. Artemova VV, Ermakov SV, Ivanov DA. Foreign experience and prospects for using the electronic format of criminal cases in the Russian Federation. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2024;(1):8 (in Russian).
14. Pobedkin AV. Conducting investigative actions using videoconferencing systems in pre-trial proceedings: the framework of procedural guarantees. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2022;(3):81 (in Russian).
15. Malysheva OA. On a new vector of professional training of an investigator in the context of digital transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(480):266 (in Russian).
16. Sharov AV, Arkhipova IA. Improving the use of special knowledge in information and telecommunication technologies by an investigator. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2022;(6):261 (in Russian).
17. Dubynin EA, Kosmodemyanskaya EE. Possibilities of using digital technologies in the detection and investigation of crimes. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2022;1(46):33 (in Russian).
18. Judgment of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of January 24, 2024 in case No. 1-204/2024. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/cO7zRNZ2Q3Uc/> (in Russian).

19. Judgment of the Mirninsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of August 26, 2025 in case No. 1-97/2025. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/KASlc2Ui7Ggl/> (in Russian).

20. Appellate ruling of the Supreme Court of the Udmurt Republic of March 1, 2023 No. 22-350/2023 in case No. 1-168/2022. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/OLZsY507eaWm/> (in Russian).

21. Judgment of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of February 13, 2025 in case No. 1-302/2025. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/7i3tDN8yYd5X/> (in Russian).

22. Ruling of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 12, 2024 No. 25-UDP24-16-K4. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnego-suda-rf-ot-12112024-n-25-udp24-16-k4/> (in Russian).

Об авторах

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс», юридический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: arzulana@bk.ru

ХАН Дарина Евгеньевна – старший специалист 2-й категории, Якутского городского отдела судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов России по Республике Саха (Якутия), г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: r.han.05@mail.ru

About the authors

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process, Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: arzulana@bk.ru

HAN Darina Evgenievna – Senior Specialist, 2nd category, Yakutsk city department of bailiffs of the Office of the Federal Bailiff Service of Russia for the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russian Federation, e-mail: r.han.05@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors made equivalent contributions to the publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 18.02.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 25.03.2026

Принята к публикации / Accepted 29.04.2026

УДК 34.096

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-47-54>

Оригинальная научная статья

Международный опыт правового регулирования искусственного интеллекта и угрозы применения «дипфейк»-технологий

Ф.В. Тяптиргянов, Н.Ю.Туласынова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ tyaptirgyanoff@rambler.ru; whityt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию текущего состояния международного правового регулирования искусственного интеллекта, анализу законодательных инициатив и перспектив разработки специализированных законов. Выявляются конкретные риски и проблемы: алгоритмическая предвзятость, вопрос ответственности за решения ИИ, обеспечение конфиденциальности пользовательских данных и защита авторского права. В статье анализируются понятие и угрозы применения «дипфейк»-технологий: отсутствие реальных механизмов контроля, а также неблагоприятные последствия применения «дипфейк»-технологий. Статья представляет интерес для специалистов в сфере информационных технологий, юристов и исследователей, занимающихся вопросами цифровой трансформации и технологического развития.

Ключевые слова: *нейросети, нейросетевые технологии, искусственный интеллект, правовое регулирование, дипфейк, дипфейк-технологии.*

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Тяптиргянов Ф.В., Туласынова Н.Ю. Правовое регулирование Искусственного интеллекта. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 47-54. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-47-54

Original article

International experience in the legal regulation of artificial intelligence and the threat of using «deepfake» technologies

Fedor V. Tyaptirgyanov, Nadezhda Ju. Tulasynova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ tyaptirgyanoff@rambler.ru; whityt@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the current state of international legal regulation of artificial intelligence, the analysis of legislative initiatives and the prospects for the development of specialized laws. Specific risks and problems are identified: algorithmic bias, the issue of responsibility for AI solutions, ensuring the confidentiality of user data and copyright protection. The article analyzes the concept and threats of using «deepfake» technologies: the lack of real control mechanisms, as well as the adverse consequences of using «deepfake» technologies. The article will be of interest to IT specialists, lawyers, and researchers working on digital transformation and technological development.

Keywords: *neural networks, neural network technologies, artificial intelligence, legal regulation, deep fake, deep fake technologies.*

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Tyaptirgyanov F.V., Tulasynova N.Ju. International experience in the legal regulation of artificial intelligence and the threat of using «deepfake» technologies. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 47-54. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-47-54

Введение

С развитием технологий Искусственного интеллекта, а также с повсеместной практикой применения данных технологий в различных сферах, мировое сообщество сталкивается с острой необходимостью решения вновь возникших этических и правовых вопросов. Темп развития искусственного интеллекта опережает темп работы законотворческих процессов, что приводит к отсутствию актуального правового регулирования применения искусственного интеллекта. Исследование отражает текущее состояние процессов регулирования искусственного интеллекта в международном праве, рассматривает суть и опасность применения технологий «дип-фейк», затрагивает общие вопросы цифровой безопасности и цифровой этики.

Исследование показывает, что правовое регулирование искусственного интеллекта на сегодняшний день разрознено, в первую очередь в вопросах безопасности и ответственности. Возникает острая необходимость разработки единых международных норм регулирования применения искусственного интеллекта.

Международное правовое регулирование применения искусственного интеллекта

Как отмечено в *Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы № 2102* от 28 апреля 2017 г. «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека», законодателям все труднее адаптироваться к темпу развития науки и технологий и разрабатывать необходимые нормативные акты и стандарты (пункт 3), в связи с чем следует разработать руководящие принципы, в частности, по вопросу автоматической обработки операций, направленных на сбор, обработку и использование персональных данных, а также общие рамки стандартов (пункт 9.1) [8]. В данном документе сделан важный вывод о том, что любая машина, любой робот или любой искусственный интеллект должны оставаться под контролем человека

Важность регулирования искусственного интеллекта (ИИ) была подчеркнута еще в 2017 году, когда известные технологические эксперты заявили о том, что риск неконтролируемого развития ИИ слишком высок. К примеру, Илон Маск указал на то, что законодательство порой существенно отстает от развития технологий. Нередко новое регулирование появляется в результате происшествий и катастроф. По его мнению, еще 8 лет назад у человечества не было запаса времени на разработку соответствующих законов [7].

Большинство компаний, занимающихся масштабными ИИ-проектами, базируются в США, и в том числе поэтому вопросы регулирования искусственного интеллекта поднимаются местными политиками уже давно. Впервые об этом на государственном уровне там задумались еще в 2016 г., а в 2019 г. в США появилась Комиссия по национальной безопасности по искусственному интеллекту, которая занималась не только вопросами применения ИИ для обеспечения национальной безопасности, но и регулированием этого применения. В регулировании искусственного интеллекта в США участвуют и различные отраслевые ведомства. Например, в компетенции Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами входит регулирование использования ИИ в медицинской визуализации [6].

Одним из успешных примеров совместной работы государств по регулированию ИИ стало принятие 21 марта 2024 г. *Резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Использование возможностей безопасных, надежных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития»*. Российская Федерация вошла в число основных разработчиков проекта Резолюции. Данный акт был принят путем консенсуса стран-членов и стал первой резолюцией по ИИ принятой ООН [4].

Среди основных рисков, на которые обращают внимание международные эксперты, включают *алгоритмическую предвзятость*. Алгоритмическая предвзятость (англ. algorithmic bias) – это систематическая и повторяющаяся вредоносная склонность компьютерной системы или социотехнической системы, приводящая к появлению «несправедливых» результатов, например, «привилегированию» одной категории над другой вопреки задуманной функции алгоритма [10].

Алгоритмическая предвзятость проявляется, например, в системах распознавания лиц и подбора персонала, где отмечаются искажения по гендерным и расовым признакам. С июня 2023 г. в Нью-Йорке действует так называемый закон о предвзятости, запрещающий компаниям, работающим и нанимающим сотрудников в Нью-Йорке, использовать автоматизированные инструменты для найма кандидатов или продвижения сотрудников, если только эти инструменты не прошли независимую проверку на предмет предвзятости. Вдобавок в июле 2023 г. администрация президента США добилась от семи компаний (Open AI, Google, Amazon, Anthropic, Inflection, Meta и Microsoft) принятия добровольных обязательств по управлению рисками, связанными с ИИ [6].

Предвзятость может возникать по многим причинам, включая особенности проектирования алгоритма, неучтённые аспекты применения, а также решения, связанные с тем, как данные кодируются, собираются, выбираются или используются для обучения алгоритма [11].

Также остаётся нерешённым *вопрос ответственности за решения ИИ*, особенно в таких сферах, как медицина и автономный транспорт, где производители зачастую избегают прямой ответственности за результаты работы моделей.

Распределение ответственности зависит от характера применения искусственного интеллекта и участников процесса применения:

1. В сфере бизнеса по общему правилу ответственность за ошибки нейросетей несет компания-пользователь. Управленческое решение считается принятым человеком, даже если оно основано на рекомендациях алгоритма. Поставщик ИИ-технологий отвечает за ущерб клиентам, утечки данных и искажение фактов искусственным интеллектом.

2. Разработчики искусственного интеллекта понесут ответственность лишь при наличии доказанного дефекта или ошибки в самом алгоритме продукта, а также в случае нарушения базовых условий пользовательского соглашения. В случаях с использованием таких автономных устройств как, например, беспилотные автомобили, ответственность несет автопроизводитель, поскольку данная ответственность связана с ответственностью за реализацию товара ненадлежащего качества.

Проблемой становится и *обеспечение конфиденциальности пользовательских данных*, ведь механизмы их обработки и защиты ещё не получили чётких юридических гарантий.

Обработка персональных данных должна строго соответствовать законодательным актам, в частности в Российской Федерации действует Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» – это главный нормативный акт, защищающий личную информацию граждан от незаконного сбора, утечек и нецелевого использования. В Европейском союзе действует GDPR (General Data Protection Regulation), регулирующий правила сбора, использования и хранения персональной информации и распространяется на любые компании в мире, если они работают с данными граждан или резидентов стран ЕС.

Конфиденциальность данных при работе с искусственным интеллектом можно определить, как защиту личной и коммерческой информации от утечек, несанкционированного доступа и использования для дообучения нейросетей без согласия пользователя.

Среди основных методов обеспечения конфиденциальности можно выделяется «обезличивание» (деидентификация), которое представляет из себя удаление из баз данных ФИО, адресов и других маркеров перед загрузкой в систему искусственного интеллекта. Также для поддержания конфиденциальности используются сгенерированные данные для обучения нейросетей вместо реальных клиентских баз. Стоит так же отметить «Федеративное обучение» (Federated Learning) искусственного интеллекта на пользовательских устройствах без передачи самих исходных данных на центральный сервер.

Особое внимание заслуживает *Проект Закона КНР об искусственном интеллекте*, который демонстрирует переход к более систематическому и риск-ориентированному регулированию. Так, статья 94 акцентирует внимание на базовых моделях ИИ, которые обладают широкими когнитивными возможностями и применяются в различных продуктах, а не в качестве ИИ, подобному человеческому сознанию [9].

Закон КНР об искусственном интеллекте (экспертный проект) от 16 марта 2024 года, представляет собой предварительный Проект предлагаемого КНР Закона об ИИ, направленный на регулирование ИИ, ответственности за неправомерное использование технологий ИИ как разработчиками, поставщиками, так и пользователями, а также защиты законных прав и интересов отдельных лиц и организаций [12].

ЮНЕСКО разработала проект *рекомендаций по этическим аспектам ИИ*, призывающий к кооперации государств, международных корпораций, научных и общественных организаций с целью унификации подходов. Центральное место в Рекомендации занимают пять основных ценностных установок, которые закладывают основу для систем ИИ, работающих на благо человечества, отдельных людей, обществ и окружающей среды:

1. Человеческое достоинство и права человека.
2. Уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод.
3. Жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах.
4. Обеспечение разнообразия и инклюзивности.
5. Благополучие окружающей среды и экосистем [5].

На национальном уровне законодательная активность нарастает, так в 2023 году Европейский союз принял комплексный *закон об ИИ*, который вводит классификацию систем в зависимости от рисков для общества и отдельных лиц. В июне 2023 г. Европейский парламент проголосовал за принятие так называемого закона об ИИ [6].

Данный закон классифицирует искусственный интеллект по следующим категориям риска:

1. Неприемлемый риск (Unacceptable risk) – Полный запрет

В эту категорию входят системы, которые угрожают безопасности, средствам к существованию и правам граждан. Они запрещены на территории ЕС.

2. Высокий риск (High risk) – Строгий контроль

Системы, которые могут существенно повлиять на здоровье, безопасность или фундаментальные права людей. Их применение требует прохождения обязательных оценок соответствия (Conformity Assessments) до выхода на рынок.

3. Ограниченный риск (Limited risk) – Требования прозрачности

Сюда относятся системы ИИ, при взаимодействии с которыми пользователи должны осознавать, что они общаются с машиной, а не с человеком.

4. Минимальный или нулевой риск (Minimal risk) – Отсутствие обязательств. Подавляющее большинство существующих ИИ-систем попадает именно сюда.

Для России ключевым уроком из международного опыта является необходимость создания дифференцированной системы регулирования ИИ, учитывающей классификацию по уровню риска и отраслевой специфике. Важно активно участвовать в международных организациях и стандартизационных инициативах, что позволит интегрировать лучшие практики и обеспечить совместимость отечественного законодательства с глобальными требованиями. Кроме того, следует уделять внимание разработке этических норм и усилению контроля за защитой прав пользователей и авторов контента, используемого в нейросетевых моделях. Такой комплексный подход поможет повысить эффективность правового регулирования и поддержать доверие общества к новым технологиям.

Понятие и риски применения технологий «дипфейк»

Отдельного внимания заслуживает угроза применения технологий «дипфейк», при использовании современных нейросетевых технологий. Дипфейк (англ. Deepfake, от deep learning – глубокое обучение и fake – подделка), технология на базе искусственного интеллекта, позволяющая редактировать видео, создавая ложные изображения на основе реальных кадров; сами ролики, сделанные с использованием данной технологии [1].

Отсутствие строгого юридического определения затрудняет привлечение к ответственности за злоупотребления и лишь косвенно регулирует через существующие нормы о клевете, нарушении права на изображение или защите частной жизни, что не является эффективным способом правового регулирования, в условиях современного уровня фальсифицирования материалов.

Производство и использование дипфейков при помощи нейронной сети с целью нанесения ущерба другим гражданам или организациям может быть рассмотрено как нарушение законодательства о защите личной жизни и чести, достоинства и деловой репутации граждан. Влияние дезинформации посредством распространения дипфейков, направленное на введение населения в заблуждение, также попадает под юрисдикцию статей о ложной информации [1].

Отсутствие юридического определения «дипфейк» в правовом поле приводит к неоднозначности трактовок и затруднению применения существующих норм права в регулировании деятельности, связанной с разработкой, применением, распространением и использованием «нейросетей». Следствием указанного обстоятельства является высокий риск манипуляции информацией, нарушение прав интеллектуальной собственности и конфиденциальности данных.

Дипфейк-технологии в контексте современной цифровой трансформации являются малоизученными, но одними из наиболее интенсивно развивающихся сфер, с высоким криминогенным потенциалом. Риски, связанные с развитием данной сферы, нам предстоит в полной мере оценить в самое ближайшее время, а от качества нормативно-правовой регламентации сферы применения искусственного интеллекта напрямую зависит объем и характер противоправной деятельности в данной быстроразвивающейся сфере [2].

Вопросы, касающиеся правового определения «нейросетей», а также связанных с ними понятий, таких как «дипфейк», остаются предметом активного обсуждения в международном юридическом сообществе. Зарубежные эксперты и исследователи указывают на необходимость создания отдельных законов, которые бы установили четкие определения, регламентировали права и обязанности участников, а также определяли четкие критерии регулирования использования нейросетевых технологий. Данные правотворческие действия призваны обеспечить баланс интересов инновационного развития и защиты прав пользователей и общества в целом.

Подобные законы должны предусматривать обязательную маркировку ИИ-систем и продуктов их работы, чтобы пользователи были информированы о взаимодействии с ИИ-технологиями. При этом закон должен содержать чёткие критерии разграничения уровней ответственности разработчиков, пользователей и третьих лиц, с обязательным регулированием порядка выявления и пресечения злоупотреблений, включая создание и распространение дипфейков.

С точки зрения классического права, создание или распространение значительной части дипфейков может классифицироваться как диффамация, мошенничество или незаконное присвоение образа (личности) человека, что предполагает административную, гражданско-правовую или даже уголовную ответственность. В теории можно криминализировать дипфейки, добавив соответствующие положения в гражданское, административное и уголовное законодательство. Однако в плоскости привлечения нарушителя к ответственности ситуация выглядит не столь однозначной, поскольку киберпреступник, как это часто бывает, в целях личной безопасности публикует вредоносный контент в чужой (иностранной) юрисдикции или через сеть анонимных посредников [3].

Заключение

Формирование законодательной базы в сфере применения нейросетевых технологий позволяет устранить неоднозначности, возникшие вследствие отсутствия в праве чётких определений понятий «нейросеть» и «дипфейк». Специальные законы создают правовые механизмы контроля за маркировкой контента, сгенерированного искусственным интеллектом, обеспечивают защиту прав как авторов исходных данных, так и пользователей конечных продуктов нейросетевых технологий. Закон также становится инструментом выработки баланса между развитием инновационных технологий и необходимостью предотвращения злоупотреблений, связанных с распространением недостоверной или манипулятивной информации.

Рассмотренное нами международное правовое регулирование искусственного интеллекта необходимо для предотвращения глобальных рисков, защиты прав человека и обеспечения безопасности.

Среди основных причин необходимости создания международных норм можно выделить такие правонарушения с использованием искусственного интеллекта как кибератаки, дезинформация, дипфейки, похищение личных данных. Локальное законодательство не всегда имеет возможность предотвращать подобные нарушения закона своевременно.

Опасность дипфейков заключается в первую очередь в их высокой убедительности. Они используются для изощренного кибермошенничества, шантажа, клеветы, подрыва деловой репутации бизнеса и дезинформации, позволяя манипулировать общественным мнением и нарушать неприкосновенность частной жизни. Дипфейки могут быть использованы как фальшивые доказательства в суде или для прохождения биометрической идентификации.

Злоумышленники используют поддельные видео и аудио-данные для совершения противоправных действий. Создание поддельных видео активно применяется для «мести» или вымогательства денег. Убедительность подобных материалов наносит тяжелый психологический ущерб жертве. Также подобные реалистичные видео с политиками или общественными деятелями способны влиять на выборы, провоцировать панику или исказить исторические факты.

Указанные обстоятельства ставят под удар само понятие достоверности любой информации в сети Интернет, что требует от международного сообщества незамедлительной реакции в том числе через совершенствование законодательной базы, регулирующей применение искусственного интеллекта.

Литература

1. Беззатеева, В. С. Нормативно-правовое регулирование создания и распространения дипфейков (в том числе голосовых дипфейков) в Российской Федерации / В. С. Беззатеева // Закон. Право. Государство. – 2024. – № 1(41). – С. 90-92. – EDN KEBWDM
2. Бодров, Н. Ф. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Юридические исследования. – 2023. – № 11. – С. 26-41. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.11.69014. – EDN DYIHIR
3. Дипфейк: невинная технология для развлечений или угроза современному обществу? // Российский совет по международным делам (РСМД) URL: Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu>. свободный. – Текст : электронный.
4. Колосов, А. В. Использование искусственного интеллекта как основа устойчивого развития человечества: особенности международно-правового регулирования / А. В. Колосов // Московский журнал международного права. – 2024. – № 4. – С. 106-118. – DOI 10.24833/0869-0049-2024-4-106-118. – EDN SDRVGY.
5. Официальный сайт Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO) URL: Режим доступа: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> свободный. – Текст : электронный.
6. Петр Метёлкин Правовое регулирование искусственного интеллекта // Системы безопасности» № 4/2024 URL: Режим доступа: <https://www.secuteck.ru/articles/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta> свободный. –Текст : электронный.
7. Скан О. «Нейросети против людей» // Информационный правовой портал «Гарант.ру» URL: <https://www.garant.ru/article/1799577/>, – Текст : электронный.
8. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. №53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvzyatost-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki-i-prava>.
9. Хасанай, А. М. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в военной сфере: опыт Китая / А. М. Хасанай // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – № 4(79). – С. 300-308. – DOI 10.52026/2788-5291_2024_79_4_300. – EDN JQMGIT
10. Hardebolle, Cécile; Héder, Mihály; Ramachandran, Vivek (25 ноября 2024). «Engineering ethics education and artificial intelligence». *The Routledge International Handbook of Engineering Ethics Education* [англ.] (1 ed.). Routledge: 125–142. DOI:10.4324/9781003464259-9. ISBN 978-1-003-46425-9.
11. Van Eyghen, Hans (2025). «AI Algorithms as (Un)virtuous Knowers». *Discover Artificial Intelligence*. 5 (2). DOI:10.1007/s44163-024-00219-z.
12. CSET. Artificial Intelligence Law of the People’s Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) // Center for Security and Emerging Technology. Center for Security and Emerging Technology. – 2024.

References

1. Bezzateev, V. S. Regulatory regulation of the creation and distribution of deepfakes (including voice deepfakes) in the Russian Federation / V.S. Bezzateev // Law. Right. State. – 2024. – № 1(41). – S. 90-92. – EDN KEBWDM
2. Bodrov, N.F. The concept of deepfake in Russian law, the classification of deepfakes and issues of their legal regulation / N.F. Bodrov, A.K. Lebedeva // Legal research. – 2023. – № 11. – S. 26-41. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.11.69014. – EDN DYIHIR
3. Deepfake: innocent technology for entertainment or a threat to modern society ? // Russian Council on Foreign Affairs (RIAC) URL: Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu>. – Text: electronic.
4. Kolosov, A.V. The use of artificial intelligence as the basis for the sustainable development of mankind: features of international legal regulation / A.V. Kolosov // Moscow Journal of International Law. – 2024. – № 4. – S. 106-118. – DOI 10.24833/0869-0049-2024-4-106-118. – EDN SDRVGY.

5. Official website of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) URL: Access mode: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> free. – Text: electronic.

6. Petr Metelkin Legal Regulation of Artificial Intelligence // Security Systems» No. 4/2024 URL: Access mode: <https://www.secuteck.ru/articles/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta> free – Text: electronic.

7. Scan O. «Neural networks against people «// Information legal portal» Garant.ru «URL: <https://www.garant.ru/article/1799577/>, free – Text: electronic.

8. Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Pagnini F. Bias of artificial intelligence algorithms: questions of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. №53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvzyatost-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki-i-prava>

9. Hasanai, A.M. Legal regulation of the use of artificial intelligence in the military sphere: the experience of China / A. M. Hasanai // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2024. – № 4(79). – S. 300-308. – DOI 10.52026/2788-5291_2024_79_4_300. – EDN JQMGIT

13. Hardebolle, Cécile; Héder, Mihály; Ramachandran, Vivek (25 ноября 2024). «Engineering ethics education and artificial intelligence». *The Routledge International Handbook of Engineering Ethics Education* [англ.] (1 ed.). Routledge: 125–142. DOI:10.4324/9781003464259-9. ISBN 978-1-003-46425-9.

14. Van Eyghen, Hans (2025). «AI Algorithms as (Un)virtuous Knowers». *Discover Artificial Intelligence*. 5 (2). DOI:10.1007/s44163-024-00219-z.

15. CSET. Artificial Intelligence Law of the People’s Republic of China (Draft for Suggestions from Scholars) // Center for Security and Emerging Technology. Center for Security and Emerging Technology. – 2024.

Сведения об авторах

ТЯПТИРГЯНОВ Федор Васильевич – аспирант кафедры «Социальная педагогика», Педагогический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: tyaptirgyanoff@rambler.ru

ТУЛАСЫНОВА Надежда Юрьевна – доцент кафедры «Иностранные языки по гуманитарным специальностям», Институт зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: whityt@mail.ru

About the authors

TYAPTIRGYANOV Fedor Vasilievich – postgraduate student at the Department of Social Pedagogy, Pedagogical Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: tyaptirgyanoff@rambler.ru

TULASYNOVA Nadezhda Jurievna – associate professor at the Department of Foreign Languages in the Humanities, Institute of Modern languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: whityt@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors made equivalent contributions to the publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 13.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 27.04.2026

Принята к публикации / Accepted 22.05.2026

– ПОЛИТОЛОГИЯ –

УДК 323.2

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-55-61>

Оригинальная научная статья

Теоретические основания выделения дошкольного возраста как начального этапа политической социализации**М. П. Окорокова**Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉mp.okorokova@svfu.ru

Аннотация. В статье обосновывается правомерность выделения дошкольного возраста в качестве начального этапа политической социализации. На основе анализа теоретических подходов показано, что политическая социализация начинается не с момента осознанного интереса ребёнка к политике, а значительно раньше, в семье, игре и повседневном общении со взрослыми в возрасте 5-7 лет. В работе выделяются три ключевых психологических условия, без которых начальный этап политической социализации невозможен: способность воспринимать власть не только как конкретного человека, но и как символ; первые представления о справедливом и несправедливом; эмоциональное переживание своей принадлежности к группе («мы», «наши»). Делается вывод, что дошкольный возраст является полноценным начальным этапом политической социализации, где закладывается эмоционально-символический фундамент будущего политического сознания личности.

Ключевые слова: социализация, политическая социализация, политическая социализация детей, дошкольный возраст, символическое мышление, моральное оценивание, эмоциональная идентификация, агенты социализации.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Окорокова М.П. Теоретические основания выделения дошкольного возраста как начального этапа политической социализации. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 55-61. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-55-61

Original article

Theoretical Foundations for Identifying Preschool Age as the Initial Stage of Political Socialization**Matrena P. Okorokova**M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉mp.okorokova@svfu.ru

Abstract. This article substantiates the validity of identifying preschool age as the initial stage of political socialization. Based on an analysis of theoretical approaches, it is shown that political socialization begins not with a child's conscious interest in politics, but much earlier, in the family, play, and everyday

interactions with adults at the age of 5-7. The paper identifies three key psychological conditions without which the initial stage of political socialization is impossible: the ability to perceive power not only as a specific individual but also as a symbol; initial ideas about what is just and unjust; and the emotional experience of belonging to a group («we,» «ours»). It is concluded that preschool age is a valuable initial stage of political socialization, where the emotional and symbolic foundation of an individual's future political consciousness is laid.

Keywords: socialization, political socialization, political socialization of children, preschool age, symbolic thinking, moral evaluation, emotional identification, agents of socialization.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Okorokova Matrena P. Theoretical Foundations for Identifying Preschool Age as the Initial Stage of Political Socialization. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 55-61. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-55-61

Введение

Политическая социализация, как и многие другие понятия в современной науке, не имеет однозначного определения и рассматривается как часть общей социализации личности. Люди не имеют четко определенной модели поведения с момента рождения, но при этом наделены способностью успешно обучаться и усваивать даже самые сложные навыки. Главной задачей и результатом социализации является общение людей между собой, таким образом они осваивают определенные роли в обществе. Именно через общение новое поколение усваивает общепринятые нормы, идеалы, ценности и модели поведения. Таким образом, социализация представляет собой процесс усвоения индивидом культурных знаний, ценностей, норм поведения и социальных навыков, необходимых для успешной адаптации и функционирования в обществе [9].

Одновременно с общей социализацией происходит и политическая социализация людей, которая способствует формированию их гражданской и политической идентичности. Политическая социализация крайне важный процесс в современном мире, так как в демократическом обществе активное участие человека в политике, знание прав, свобод и принципа работы всей политической системы является основой гражданского общества и всей политической системы в целом [11].

В своих работах М.А. Гатиева связывает ключевую роль политической социализации с тем, что российское общество переживает принципиальные изменения – в политике, культуре, социальной сфере, экономике. По её мнению, политическая социализация не просто фиксирует объём и качество накопленного обществом политического опыта. Она также показывает, насколько сама личность самостоятельно накопила политические знания и готова на их основе полноценно участвовать в политической жизни страны [1].

Политическая социализация формирует у личности идентичность с политической группой: он не только осознаёт себя её членом, но и принимает, усваивает интересы этой группы [1]. Таким образом, политическая социализация является непрерывным процессом обучения и развития человека, в ходе которого он приспосабливается и успешно вливается не только в политическую сферу, но и в жизнь общества в целом.

Материалы и методы.

В рамках нашего исследования мы опираемся на несколько теоретических подходов [11]:

Психоаналитический подход, строящийся на традициях фрейдизма, опирается на идею доминирования и верховенства биологического над социальным, тем самым допускает возможность бессознательной мотивации людей. Для политической социализации это

означает, что человеком движут бессознательные мотивы, а не только осознанные идеи. Даже политические предпочтения во взрослом возрасте могут уходить корнями в детские конфликты. Фрейдисты прямо связывали закладку отношения к власти с периодом эдипова комплекса – примерно 3–6 лет. Ребенок переживает амбивалентные чувства к отцу-авторитету, а затем бессознательно переносит их на политических лидеров и институты. Значит, именно в дошкольном возрасте формируется тот бессознательный фундамент, на котором позже вырастет осознанное политическое поведение. Сам ребенок, конечно, ничего не понимает в выборах, но его будущее отношение к власти уже начинает складываться – не через знания, а через эмоциональные связи со значимыми взрослыми.

Антропологический подход исходит из того, что социализация – это не просто усвоение универсальных навыков, а вращение в конкретную культуру со своим национальным характером. Например, М. Мид, опровергла мнение о единственном пути социализации и доказала, что поведение человека в первую очередь определяется культурой, а не природой [8, 10]. Э. Эриксон предостерегает учёных от стереотипов по поводу «единственно верных» целей и систем социализации, якобы имеющих место лишь в своей культуре. Иными словами, исследователь не должен принимать особенности собственной культурной среды за универсальную норму [12]. Ребёнок с первых лет впитывает то, что принято в его обществе: как относиться к старшим, к власти, к чужакам. Даже патриотизм или доверие к государству – не врождённые чувства, а культурные образцы, которые передаются через сказки, обряды, бытовые привычки. Дошкольный возраст оказывается самой ранней стадией инкультурации. Дети 3–7 лет ещё не понимают политику как систему, но они уже осваивают базовые культурные коды: уважение к флагу, интонации разговора о президенте, ритуалы праздников. Всё это и есть начальная фаза политической социализации – только без скучных лекций, а через погружение в живую культуру. Если в обществе принято бояться власти – ребёнок это схватит быстро; если принято гордиться – тоже. Так что антропологический подход как раз объясняет, почему дошкольный возраст нельзя пропустить: позже культурные основания переучивать уже трудно.

Социально-психологический подход показывает, что политическая социализация начинается не тогда, когда ребенок впервые слышит слово «президент», а тогда, когда он впервые подчиняется родителю или отстаивает свое перед сверстником. А это происходит как раз в 3–7 лет. И если упустить этот период, потом переучивать базовые установки (отношение к власти, к авторитету, к «чужим») будет значительно сложнее. Этот подход как раз и показывает: ребенок впервые сталкивается с властью в семье – отец, мать, бабушка. Именно здесь он на собственном опыте узнает, что такое подчинение, авторитет, справедливость, конфликт и способы его разрешения. Потом эти ранние образцы поведения и отношения переносятся на более широкое окружение – воспитателя в детском саду, полицейского на улице, президента на картинке. Одновременно с этим ребенок усваивает и этническую идентичность: язык, праздники, сказки, отношение к «своим» и «чужим». В дошкольном возрасте это происходит не через лекции о национальной культуре, а через бытовые обряды, интонации родителей, их рассказы о прошлом. И дальше эта этническая идентичность сращивается с политической – потому что «наша страна» и «наш народ» для ребенка это практически одно и то же [2, 11].

Функционализм, в частности идеи Т. Парсонса, описывает политическую социализацию как ролевое обучение, где индивид усваивает готовые шаблоны поведения и в дальнейшем передает готовые образцы и идеалы поведения последующим поколениям. Функционализм прямо указывает, что начальная фаза политической социализации приходится

именно на дошкольный возраст, причем главным агентом этого процесса Т. Парсонс считает семью. Ребенок в семье с первых лет жизни усваивает не только то, как надо себя вести, но и то, как относиться к старшим, к авторитету, к правилам – то есть закладываются фундаментальные установки, которые позже проецируются на политическую сферу. В дошкольном возрасте это происходит в основном бессознательно, через подражание и эмоциональное принятие взрослых, но именно здесь формируется та самая база, на которой впоследствии вырастает осознанное политическое поведение [7].

Политическая социализация происходит на протяжении всей жизни человека. Первичная социализация требует от человека приспособиться к политической системе и культуре, не всегда понимая их смысл. На данном этапе происходит формирование политической культуры через эмоции. Именно в этот период семья играет определяющую роль и на долгое время становится основным источником социализирующей информации формируя у ребенка психологическую основу политических установок и моделей поведения [6]. В странах, где политическая система стабильна долгое время, дети часто имеют политические взгляды, сходные с взглядами их родителей. Политическая информация, полученная от родителей, может корректироваться в дальнейшем.

Кроме семьи, большое влияние на политическую социализацию детей оказывают дошкольные образовательные учреждения и школа. Прямая политическая социализация в образовательных учреждениях проходит через преподавание гуманитарных дисциплин. Не менее важными агентами политической социализации являются друзья и сверстники, то есть ближайшее окружение человека. Влияние этих агентов социализации на людей иногда сильнее, чем влияние семьи или школы. Иногда это влияние становится причиной девиантного политического поведения.

Для обоснования дошкольного возраста как начального этапа политической социализации необходим также учёт возрастных особенностей восприятия мира ребёнком. Согласно теории возрастной психологии, каждая стадия развития человека имеет свои особенности. В детском возрасте процесс политической социализации также имеет свои особенности. Философ и социолог И.С. Кон отмечает следующую особенность политической социализации как процесса: «если процесс социализации как освоения мира, приобретения социальных навыков общения с ним начинается с первых дней жизни, то процесс политической социализации – с первых лет» [5].

Политическая социализация влияет на человека с самого раннего возраста, когда личность только начинает формироваться. Хотя политика не является областью интересов детей, все западные теории политической социализации обращают внимание на детский этап этого процесса, освещая его в контексте своего концептуального подхода к проблеме [3].

Дошкольный возраст – это время активного психологического и физического развития. Психологические особенности детей дошкольного возраста оказывают значительное влияние на их восприятие окружающего мира, в том числе на процесс политической социализации. Дошкольный возраст от 3 до 7 лет принято делить на три периода: младший – 3-4 года, средний – 4-5 лет, старший – 5-7 лет. У каждого периода характерны свои психологические особенности развития. В рамках нашего исследования важно понять: на каком из них и почему возникает тот механизм, который позволяет говорить о начальном этапе политической социализации.

В 3–4 года ребенок переживает кризис трех лет. Упрямство, негативизм, требование самостоятельности – всё это со стороны выглядит как бытовые сложности. Но с точки зрения социализации здесь впервые появляется опыт отстаивания своих границ и одновременно –

опыт подчинения правилу, которое задает взрослый. Мышление в этом возрасте переходит от наглядно-действенного к наглядно-образному. Это важно: ребенок уже способен воспринимать не только прямое действие, но и его символ – например, флаг, герб, фотографию президента как образ страны.

Самый важный период для начальной политической социализации – старший дошкольный возраст (5–7 лет). Здесь происходит несколько вещей. Во-первых, стабилизируются эмоциональные реакции: ребенок учится управлять своим поведением. Во-вторых, формируются волевые и моральные качества – понятия о добре и зле, справедливости и несправедливости. В-третьих, именно в этом возрасте появляется феномен «почемучек»: острое любопытство к устройству мира, желание понять, почему всё так, а не иначе. Ребенок начинает задавать вопросы: «А почему президент главный?», «А почему одних слушают, а других нет?», «А почему мы так говорим, а соседи по-другому?».

Игра остается основным видом деятельности. В игре ребенок проигрывает социальные роли и отношения власти – «дочки-матери», «школу», «войнушку», «полицейских и воров». Он осваивает иерархию, подчинение, авторитет, правила и их нарушение. Одновременно через игру, сказки, праздники, обряды усваивается национальная и гражданская идентичность: «я из этой семьи», «я хожу в этот детский сад», «моя страна – Россия» [4]. Причем усваивается не через объяснения, а через эмоциональное заражение – ребенок легко считывает отношение взрослых к власти, к «своим» и «чужим», к символам.

Заключение.

Таким образом, именно старший дошкольный возраст (5–7 лет) оказывается сензитивным для начального этапа политической социализации. Не потому, что ребенок уже способен понять партийные программы, а потому, что здесь складываются три ключевых условия:

1. Способность к символическому мышлению (образ власти отделяется от конкретного человека) – к 5–7 годам мышление меняется. Ребенок уже способен удерживать обобщенный образ: «власть» – это не только папа, но и правила, по которым живут взрослые. Флаг, герб, гимн начинают восприниматься не как просто картинки, а как что-то, что «обозначает нашу страну». Без этой способности говорить о политической социализации бессмысленно: если нет символического обобщения, то нет и политического сознания, есть только личные отношения с конкретными взрослыми.

2. Моральное оценивание (понятия справедливости и несправедливости) – это напрямую связано с политической социализацией, потому что политика – это как раз о справедливом распределении власти, ресурсов и прав. Когда ребенок впервые требует справедливости не для себя одного, а по правилу, – он делает первый шаг к пониманию политической философии. Именно в возрасте 5–7 лет у ребенка формируются «протополитические» оценки: этот поступок честный, а этот – нет; этот человек хороший, а этот – злой.

3. Эмоциональная идентификация с группой (семья, детский сад, страна) – к 5–7 годам ребенок уже способен чувствовать принадлежность к более абстрактным общностям – «мы – россияне», «наша команда», «наш народ». Это не рациональное знание, а именно эмоциональное переживание: гордость за свой город, обида, когда кто-то плохо говорит о твоей стране, радость от общего праздника. Механизм здесь – эмоциональное заражение от родителей и воспитателей.

Таким образом, дошкольный возраст – это не просто подготовительный этап, а начальный этап политической социализации, характеризующейся установлением эмоциональных и нерелексивных связей с социальным и политическим миром, приобщением

к культуре и общечеловеческим ценностям и формированием основ самосознания и самоидентификации.

Литература

1. Гатиева А. М. Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. №3. С. 109-114.
2. Головин Н.А., Сибирев В.А. Дети и выборы в Государственную Думу: формирование базовых политических установок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том 4. №4. С. 116-134.
3. Истон Д., Денис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3. С. 97-99.
4. Карушева Ю.М. особенности формирования символа Родины на уровне дошкольного и школьного образования // Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции. Издательство: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 2028. С. 51-53.
5. Кон И.С. Личность как субъект общественных отношений. Москва: Знание, 1966. – 48 с.
6. Нигматулина Т. С. Институт семьи как один из факторов политической социализации детей и молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. №1(91). С. 43-49.
7. Парсонс Г. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. Москва: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
8. Резникова К. В. Построение полевого исследования в трудах Маргарет Сид, посвященных феномену детства // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.html> (дата обращения: 31.03.2026)
9. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. Москва: Феникс, 1994. – 107 с.
10. Филимонова К.А., Филимонов Е.А. Детство как феномен в теориях М. Мид и Л. Демоза // Наука, общество, образование в эпоху цифровизации и глобальных изменений. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. Издательство: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). С. 218-220.
11. Шестопал Е. Б. Личность и политика. Краткий очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988. – 205 с.
12. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Летний сад, 2000. – 415 с.

References

1. Gatieva A. M. Political Socialization: Main Theoretical Approaches to Research // Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2010. No. 3. pp. 109-114.
2. Golovin N. A., Sibirev V. A. Children and Elections to the State Duma: Formation of Basic Political Attitudes // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001. Vol. 4. No. 4. pp. 116-134.
3. Easton D., Denis J. Children in the Political System: The Basis of Political Legitimacy // Bulletin of Moscow State University. Series 18. Sociology and Political Science. 2001. No. 3. pp. 97-99.
4. Karusheva Yu. M. Features of the Formation of the Symbol of the Motherland at the Level of Preschool and School Education // The Symbol of Childhood in Politics: From the Cold War to the Present. Abstracts of the Scientific Conference. Publisher: A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 2028. Pp. 51-53.
5. Kon I.S. Personality as a Subject of Social Relations. Moscow: Znanie, 1966. – 48 p.
6. Nigmatulina T.S. The Institution of the Family as One of the Factors in the Political Socialization of Children and Youth // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2016. No. 1 (91). Pp. 43-49.
7. Parsons G. The System of Modern Societies / translated from English by L.A. Sedova, A.D. Kovaleva. Ed. by M.S. Kovaleva. Moscow: Aspect-Press, 1998. – 270 p.

8. Reznikova K. V. Construction of field research in the works of Margaret Seed devoted to the phenomenon of childhood // Youth and Science: Collection of materials of the VI All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2011. – [Electronic resource]. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.html> (date of access: 31.03.2026)

9. Smelser N. Sociology: trans. from English. Moscow: Phoenix, 1994. – 107 p.

10. Filimonova K. A., Filimonov E. A. Childhood as a phenomenon in the theories of M. Mead and L. DeMosa // Science, society, education in the era of digitalization and global changes. Collection of articles from the International scientific and practical conference. Penza, 2022. Publisher: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.). Pp. 218-220.

11. Shestopal, E.B. Personality and Politics. A Brief Essay on Modern Western Concepts of Political Socialization. Moscow, 1988. – 205 p.

12. Erikson, E.G. Childhood and Society / translated from English and edited by A.A. Alekseev. – 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg: Letniy Sad, 2000. – 415 p.

Об авторе

ОКОРОКОВА Матрена Павловна – кандидат политических наук, доцент кафедры «История, обществознание и политология», Исторический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», e-mail: mp.okorokova@svfu.ru

About the author

OKOROKOVA Matrena Pavlovna – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of History, Social Science, and Political Science, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation,, e-mail: mp.okorokova@svfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 21.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 20.04.2026

Принята к публикации / Accepted 19.05.2026

УДК 323

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-62-71>

Оригинальная научная статья

Сохранение и укрепление традиционных ценностей в молодежной политике университета (на примере СВФУ)

С. К. Шишкина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉Sh_sveta_7@mail.ru

Аннотация

В условиях современной геополитической напряженности и информационной войны проблема сохранения и трансляции традиционных российских духовно-нравственных ценностей приобретает характер стратегического государственного приоритета. В этой связи, университеты имеют важное значение в качестве субъекта политики сохранения и укрепления традиционных ценностей, закреплённых государством. Статья посвящена анализу интеграции традиционных ценностей в молодежной политике современного университета на примере Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (СВФУ). В работе рассматривается институционализация традиционных ценностей как приоритетного направления государственной молодежной политики, анализируются системные решения СВФУ в области воспитательной работы, а также конкретные образовательные и внеучебные проекты, направленные на формирование гражданской идентичности, укрепление межнационального согласия и духовно-нравственное развитие студенческой молодежи в условиях поликультурной среды. Целью исследования является выявление основных направлений и механизмов деятельности университета по сохранению и укреплению традиционных российских ценностей на примере СВФУ. Задачи: провести анализ нормативно-правовой базы; изучить локальные акты СВФУ, касающиеся молодежной политики, на предмет отражения традиционных ценностей; выявить основные механизмы и формы трансляции традиционных ценностей в рамках образовательного процесса и внеучебной деятельности университета.

Данная работа является обзорной, где проведена попытка анализа институциональных механизмов, направлений молодежной политики университета на предмет сохранения и укрепления традиционных ценностей российского общества.

Ключевые слова: традиционные ценности, гражданская идентичность, молодежная политика, студенческая молодежь, государство, воспитательная работа, гражданско-патриотическое воспитание, высшее образование, СВФУ.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Шишкина С. К. Сохранение и укрепление традиционных ценностей в молодежной политике университета (на примере СВФУ). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 62-71. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-62-71

Original article

Preservation and strengthening of traditional values in the University's youth policy (on the example of NEFU)

Svetlana K. Shishkina

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

✉Sh_sveta_7@mail.ru

Abstract

In the context of modern geopolitical tension and information warfare, the problem of preserving and broadcasting traditional Russian spiritual and moral values is becoming a strategic state priority. In this

regard, universities are important as a subject of the policy of preserving and strengthening traditional values enshrined by the state. The article is devoted to the analysis of the integration of traditional values in the youth policy of a modern university using the example of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov (NEFU). The paper examines the institutionalization of traditional values as a priority area of state youth policy, analyzes NEFU system solutions in the field of educational work, as well as specific educational and extracurricular projects aimed at the formation of civic identity, strengthening interethnic harmony and the spiritual and moral development of students in a multicultural environment. The purpose of the study is to identify the main directions and mechanisms of the university's activities to preserve and strengthen traditional Russian values using NEFU as an example. Objectives: to analyze the regulatory framework; to study NEFU local acts related to youth policy in order to reflect traditional values; to identify the main mechanisms and forms of translation of traditional values within the educational process and extracurricular activities of the university.

The paper attempts to analyze the institutional mechanisms and directions of the university's youth policy in order to preserve and strengthen the traditional values of Russian society.

Keywords: traditional values, civic identity, youth policy, student youth, the state, educational work, civic and patriotic education, higher education, NEFU

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Shishkina Svetlana K. Preservation and strengthening of traditional values in the University's youth policy (on the example of NEFU). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 62-71. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-62-71

Введение

В последние десятилетия в России происходят значительные изменения в системе ценностей. После периода доминирования коммунистических идеалов и влияния постмодернистских ценностей наблюдается актуализация традиционных ценностей, которые веками объединяли народы страны. Однако этот процесс сталкивается с вызовами, включая распространение западных ценностных моделей, которые активно внедрялись в 1990-е годы и сохраняют влияние до сих пор. Молодёжь, формируя свои ориентиры в условиях ценностного противостояния, нередко испытывает кризис идентичности. Современные технологии и глобальные информационные потоки оказывают значительное влияние на мировоззрение молодёжи. Доступ к разнообразным источникам информации, включая зарубежные, может приводить к размыванию традиционных ценностных ориентиров. Это особенно актуально в условиях цифрового общества, где молодёжь подвержена влиянию различных идеологий и культурных моделей. Отсутствие чётких идеологических ориентиров у части молодёжи порождает социальные риски: рост агрессии, экстремизма, межэтнической и межконфессиональной напряжённости, радикализации. Формирование гражданской идентичности на основе традиционных ценностей может стать инструментом противодействия этим явлениям.

Тема традиционных ценностей в формировании гражданской идентичности активно исследуется в отечественной науке, охватывая политологические, социологические, психологические, педагогические и культурологические аспекты. Основные работы фокусируются на роли традиционных ценностей в консолидации общества, влиянии глобализации, роли образования и исторической памяти, а также на взаимосвязи ценностных ориентаций и гражданской идентичности. Далее рассмотрим обзор трудов по теме исследования.

Традиционные ценности трактуются как базовые культурные, нематериальные категории, имеющие статус общепризнанных и принятых в цивилизации. Они включают исторически сформированный социальный опыт, нормы морали, идеалы и смыслы, которые передаются из поколения в поколение и образуют этическое ядро менталитета. В Указе Президента РФ «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравствен-

ных ценностей» к ним отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [4]. Исследователи [7,8] подчёркивают, что традиционные ценности способствуют воспитанию у молодёжи чувства ответственности перед обществом, сохранению семейных традиций и связей между поколениями, уважительного отношения к другим людям. Т. А. Евсина рассматривает их как базовые ориентиры, объединяющие многонациональную и многоконфессиональную Россию [7].

В исследованиях установлено, что ценностные отношения молодёжи объясняют значительную часть вариаций гражданской идентичности. Например, в работе Р. М. Шамионова и А. П. Аренкова [8] ценностное отношение к Родине названо наиболее сильным предиктором идентичности. В системе ценностных отношений молодёжи приоритетными считаются сферы поведения (почитание родителей, вежливость), высшие переживания (смысл жизни, вера в Бога), отношение к стране (культурные ценности, историческое прошлое) и личные переживания (семья, свобода) [10]. Л. М. Дробижева и С. В. Рыжова определяют гражданскую идентичность как самоотожествление с гражданами страны, представление о государстве и народе, чувство общности и ответственности за дела в стране [9]. Образование рассматривается как ключевой институт трансляции традиционных ценностей. Г. И. Чижакова отмечает, что социальные институты общества, и прежде всего образование, становятся инструментом формирования ценностей [10].

Материалы и методы

В исследовании использован комплекс разнообразных источников, обеспечивающих репрезентативность и достоверность анализа: нормативно-правовые акты федерального уровня, локальные акты СВФУ (Устав университета, Программа развития молодежной политики СВФУ, Концепция воспитательной деятельности, Кодекс университетской культуры и др.), официальный сайт СВФУ.

В ходе исследования были использованы следующие методы научного познания: анализ нормативно-правовой документации, системный анализ, сравнительный анализ, структурный анализ.

Результаты и обсуждение

ВУЗ как транслятор традиционных ценностей среди студенческой молодёжи – ключевая тема в политологии, связанная с ролью образовательных институтов в формировании мировоззрения, идентичности и социально-политической позиции молодых людей. В контексте современной России этот вопрос актуализируется в связи с государственной политикой по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закреплённой в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [4].

Нормативно-правовая база, закрепляющая традиционные ценности в Российской Федерации, формируется на высшем государственном уровне и служит основой для реализации соответствующей политики в сферах образования, культуры, воспитания и международных отношений. Ключевым документом выступает Указ Президента РФ от 09.11.2022

№ 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нём традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Документ не только фиксирует перечень традиционных ценностей (включая жизнь и достоинство, патриотизм и гражданственность, крепкую семью, историческую память и преемственность поколений, единство народов России и др.), но и обозначает угрозы их размывания, а также механизмы защиты и продвижения.

Дополняют этот фундамент положения Конституции РФ, создающие базовые правовые предпосылки для защиты традиционных ценностей:

ст. 67.1 подчёркивает, что Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также признаёт исторически сложившееся государственное единство;

ст. 68 закрепляет статус русского языка как языка государствообразующего народа в контексте многонационального союза равноправных народов РФ;

ст. 72 относит защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также создание условий для воспитания детей и заботы о родителях к совместному ведению РФ и её субъектов [1].

Кроме того, важные ориентиры содержатся в:

Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ), где сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесено к стратегическим национальным приоритетам [2];

Основах государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ), подчёркивающих роль культурного наследия и традиционных ценностей в укреплении гражданской идентичности [3].

профильных федеральных законах и ведомственных программах, направленных на патриотическое воспитание, поддержку семьи и сохранение историко-культурного наследия.

Таким образом, система нормативно-правовых актов выстраивает многоуровневую защиту традиционных ценностей: от конституционного закрепления базовых принципов до целевых стратегических и программных документов, задающих конкретные направления государственной политики в этой сфере.

Рассмотрим локальные акты университета, где отражены инструменты и механизмы трансляции традиционных ценностей российских ценностей. Молодежная политика в ВУЗ-е реализуется на основе следующих локальных актов: Устав СВФУ, Программа развития СВФУ, Кодекс университетской культуры СВФУ, Концепция воспитательной деятельности в СВФУ, Календарный план воспитательной работы. На основе анализа вышеуказанных локальных актов можно выделить следующие механизмы молодежной политики в области сохранения и укрепления традиционных ценностей в университете:

Организационно-управленческие механизмы. В университете руководителем молодежной политики является проректор по внеучебной работе и молодежной политике. Существует ряд управленческих отделов и иных структур, обеспечивающих непрерывный процесс воспитательной работы. К ним можно перечислить Управление студенческим развитием, Департамент по безопасности жизнедеятельности, Учебно-методический центр по профилактике терроризма и экстремизма, Организационно-протокольное управление, Департамент науки и инноваций, Департамент по обеспечению качества образования, студен-

ческие объединения, учебные подразделения университета, Центр студенческих инициатив, Отдел организационно-педагогической работы со студентами студенческого городка. Ключевую роль играет Управление студенческим развитием, которое координирует воспитательную работу, формирует социально-педагогическую среду и реализует мероприятия по укреплению традиционных ценностей [12,13,14]. Основным инструментом управления воспитательной работой в СВФУ являются Рабочая программа воспитательной деятельности и План воспитательной работы [14].

Образовательные механизмы. Внедрение курса «Основы российской государственности»: С 1 сентября 2023 года обязательный курс, направленный на формирование ценностно-смысловых ориентиров у студентов [11]. В целях обучения студентов по программам военной подготовки создан Военный учебный центр СВФУ [12,13,14]. Следует отметить интеграцию ценностных компонентов в гуманитарные и социальные дисциплины согласно учебным планам различных программ подготовки. Немаловажную роль играет просветительская деятельность в организации всероссийских научно-практических конференций и семинаров, посвященных роли традиций в современном обществе.

Далее автором сделана попытка анализа сохранения и укрепления традиционных ценностей в молодежной политике университета через призму нормативного механизма [12,13,14]. Были разделены традиционные ценности из Указа № 809 на исследовательские блоки и к ним были подобраны семантические маркеры (ключевые слова).

Таблица 1

Сохранение и укрепление традиционных ценностей в молодежной политике университета

Table 1

Preservation and strengthening of traditional values in the university's youth policy

Ценностный блок	Семантические маркеры	Эмпирическая база
Социально-семейный блок	Семья, брак, дети, материнство, отцовство, преемственность, поддержка.	Положение о фонде социальной защиты обучающихся в СВФУ, Положение о Совете родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся СВФУ
Трудовой и этический блок	Труд, созидание, коллективизм, взаимопомощь и уважение, наставничество, долг, гуманизм, милосердие, справедливость, приоритет духовного над материальным, высокие нравственные идеалы	Устав СВФУ, Кодекс университетской культуры СВФУ, Положение о кураторе и наставнике академической группы СВФУ, Положение о деятельности сотрудников, исполняющих функции заместителей директоров/деканов по внеучебной работе СВФУ, Положение о Совете профилактики правонарушений среди несовершеннолетних обучающихся СВФУ, Положение о дисциплинарных взысканиях и порядке постановки на учет несовершеннолетних обучающихся СВФУ, Правила внутреннего распорядка обучающихся, Приказ №161-ОД от 06.10.2010 г. «О запрете курения в зданиях учебных корпусов и на территории студенческого городка СВФУ»

Гражданско-патриотический блок	Отечество, служение, патриотизм, гражданственность историческая память, традиции, культура, волонтерство, единство народов России, служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Устав СВФУ, Кодекс университетской культуры СВФУ, Программа развития СВФУ, Концепция воспитательной деятельности в СВФУ, Календарный план воспитательной работы СВФУ, Календарный план воспитательной работы учебных подразделений СВФУ, регламенты проведения мероприятий.
---------------------------------------	---	---

Таким образом, система локальных актов позволяет осуществить на локальном уровне сохранение традиционных ценностей, заложенных государством.

Далее рассмотрим инструменты трансляции традиционных ценностей в ВУЗ-е на основе ранее предложенной методики.

Таблица 2

Инструменты трансляции традиционных ценностей в СВФУ [12, 13, 14]

Table 2

Tools for Transmitting Traditional Values at NEFU [12, 13, 14]

Ценностный блок	Семантические маркеры	Организационно-управленческий блок	Инструменты
Социально-семейный блок	Семья, брак, дети, материнство, отцовство, преемственность, поддержка.	Управление студенческим развитием; Клиника СВФУ; Юридическая клиника ЮФ; Учебные подразделения СВФУ; Студенческий городок СВФУ; Отдел организационно-педагогической работы со студентами студенческого городка; Студенческие объединения	Лекции Семинары Круглые столы Конкурсы Тренинги Проектная деятельность Индивидуальные консультации Встречи представителями власти Материальная поддержка Создание пространства для детства и материнства
Трудовой и этический блок	Труд, созидание, коллективизм, взаимопомощь и уважение, наставничество, долг, гуманизм, милосердие, справедливость, приоритет духовного над материальным, высокие нравственные идеалы	Центр развития карьеры; Управление студенческим развитием; Студенческие отряды; Студенческие объединения; Учебные подразделения СВФУ; Студенческий городок СВФУ; Культурный центр «Сергеляхские огни»; Организационно-протокольное управление; Центр студенческих инициатив; Управление студенческим развитием; Отдел организационно-педагогической работы Студенческого городка;	Ярмарки вакансий Карьерные консультации Профессиональные конкурсы Лекции Семинары Круглые столы Конкурсы Фестивали Волонтерство Проектная деятельность Спортивные мероприятия

		<p>Департамент науки и инноваций; Департамент по обеспечению качества образования; Бизнес-инкубатор «Орех»; Пространство коллективной работы «Точка кипения»-СВФУ; Центр студенческих инициатив; Студенческое научное общество (СНО); Центр физического воспитания и развития студенческого спорта</p>	
Гражданско-патриотический блок	<p>Отечество, служение, патриотизм, гражданственность историческая память, традиции, культура, волонтерство, единство народов России, служение Отечеству и ответственность за его судьбу</p>	<p>Управление студенческим развитием; Департамент по безопасности жизнедеятельности; Координационный центр по профилактике экстремизма и терроризма; Юридическая клиника ЮФ; Учебные подразделения СВФУ; Отдел организационно-педагогической работы со студентами студенческого городка; Департамент международного сотрудничества; Студенческие объединения Исторический факультет; Центр физического воспитания и развития студенческого спорта; Военно-учебный центр; Штаб #МЫВМЕСТЕ СВФУ Совет ветеранов ЯГУ-СВФУ; Студенческий совет обучающихся; Первичная профсоюзная организация студентов; Департамент науки и инноваций; Учебные подразделения СВФУ; Отдел организационно-педагогической работы со студентами студенческого городка «Сергелях»; Российское общество «Знание»; Научная библиотека СВФУ.</p>	<p>Лекции Семинары Круглые столы Конкурсы Фестивали Встречи с ветеранами Встречи представителями власти или профессионального сообщества Показ документальных фильмов Культурно-просветительские мероприятия Спортивные мероприятия Научные конференции Проектная деятельность Диктанты Форумы</p>

На основе данных таблицы №2 в СВФУ сформирована комплексная система трансляции традиционных ценностей, обеспечена многоаспектность подходов к работе, созданы необходимые организационные условия, разработан разнообразный инструментарий.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова выступает не просто образовательной организацией, но и полноценным субъектом государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. На примере СВФУ доказано, что университет способен институционализировать ценностные приоритеты, закреплённые в Указе Президента РФ № 809, через систему локальных нормативных актов, организационно-управленческих структур и разнообразных воспитательных практик.

Анализ нормативно-правовой базы федерального и локального уровней выявил многоуровневый характер защиты традиционных ценностей – от конституционных норм до конкретных положений, регламентирующих деятельность кураторов, совета родителей, студенческих объединений и профилактических структур. В исследовании систематизированы три ценностных блока (социально-семейный, трудовой и этический, гражданско-патриотический), для каждого из которых определены семантические маркеры, эмпирические основания и инструменты трансляции. Показано, что в СВФУ создана комплексная, межведомственная и многоаспектная система: она включает как образовательные механизмы (курс «Основы российской государственности», военную подготовку, гуманитарные дисциплины), так и внеучебные (волонтерство, встречи с ветеранами, конкурсы, фестивали, проектную деятельность), а также социально-поддерживающие меры (фонд защиты обучающихся, юридическая клиника, создание пространств для материнства и детства).

Вместе с тем, опираясь на выявленные структурные элементы, можно обозначить перспективы и возможные трудности. Перспективы связаны с дальнейшей модернизацией системы (цифровизация воспитательной работы, расширение межвузовского обмена практиками) и усилением обратной связи (регулярные социологические замеры ценностных ориентаций молодёжи). Ключевой трудностью остаётся риск формализации мероприятий, когда декларируемые ценности не переходят в личностные убеждения студентов из-за шаблонного подхода, перегруженности отчётностью или недостаточной подготовки кураторов. Преодоление этого риска требует постоянного рефлексивного мониторинга и вовлечения самих студентов в проектирование ценностно-ориентированной деятельности.

Таким образом, опыт СВФУ может служить моделью для других российских вузов, стремящихся выстроить системную работу по укреплению традиционных ценностей в поликультурной и геополитически чувствительной среде. Дальнейшие исследования целесообразно направить на сравнительный анализ эффективности различных инструментов трансляции ценностей и на изучение долгосрочного влияния университетской политики на гражданскую идентичность выпускников.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. Голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>
2. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024>

3. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (в редакции указов Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. №35, от 17 июля 2025 г. №487) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70828330/>

4. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>

5. Гукаленко О.В. Методология воспитания патриотизма и социальной ответственности обучающихся на основе приобщения к традиционным российским ценностям / О.В. Гукаленко // Высшее образование сегодня. – 2024. – № 4. – С. 2-9. DOI: 10.18137/RNU.HET.24.04.P.002

6. Гукаленко, О.В. Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских ценностей / О.В. Гукаленко, Л.Ю. Максимова, И.Ю. Фроленкова // Воспитание и наставничество в условиях цифровой трансформации образования: теория и практика: монография / под редакцией О. В. Гукаленко, Л.Ю. Максимовой, И.Ю. Фроленковой. – М.: МАКС Пресс, 2024. – 600 с. – С. 17-31

7. Евсина Т.А. К вопросу понимания коллективизма как ценности отечественной традиционной культуры / Т.А. Евсина // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 6 (122). – С. 98-104. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.14>

8. Шамионов Р.М., Аренков А.П. Ценностные отношения и гражданская идентичность молодежи // Человек. Сообщество. Управление. – 2016, Т. 17, № 3. – С. 35-48.

9. Дробижина Л.М., Рыжова С.В. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М., Новый хронограф, 2010. – С. 116-135.

10. Чижакова Г.И. Развитие ценностных представлений в отечественной педагогике: кол. монография // Развитие личности в условиях обновленного образования / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. С. 232–273. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-3-784>

11. Залесский М. Л., Винник В. К. Ценностные приоритеты первокурсников экономического вуза в контексте изучения дисциплины «Основы российской государственности» // Челябинский гуманитарий. 2025. № 4 (73). С. 50–57. <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2025-73-4-50-57>

12. Концепция воспитательной деятельности в СВФУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

13. Программа развития молодежной политики СВФУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

14. Рабочая программа воспитания обучающихся, осваивающих образовательные программы высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

Интернет-ресурсы

1. <http://publication.pravo.gov.ru>
2. <https://base.garant.ru>
3. <https://www.s-vfu.ru>

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by the Parliament. By vote on December 12, 1993 // Official Internet portal of legal information. [electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>

2. Decree of the President of the Russian Federation No. 858 dated November 25, 2025 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036» // Official Internet Portal of Legal Information. [electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024>

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 2014 «On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy» (as amended by Decrees of the President of the Russian Federation No. 35 dated January 25, 2023, No. 487 dated July 17, 2025) [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/70828330/>

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 09, 2022 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Official Website of the President of Russia. [electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>

5. Gukalenko O.V. Methodology of education of patriotism and social responsibility of students on the basis of familiarization with traditional Russian values / O.V. Gukalenko // Higher education today. – 2024. – No. 4. – pp. 2-9. DOI: 10.18137/RNU.HET.24.04.P.002

6. Gukalenko, O.V. Education of a harmoniously developed and socially responsible personality based on traditional Russian values / O.V. Gukalenko, L.Y. Maksimova, I.Y. Frolenkova // Upbringing and mentoring in the context of digital transformation of education: theory and practice: a monograph / edited by O. V. Gukalenko, L. Y. Maksimova, I.Y. Frolenkova. – M.: MAKS Press, 2024. – 600 p. – pp. 17-31

7. Evsina T.A. On the question of understanding collectivism as a value of Russian traditional culture / T.A. Evsina // Society: philosophy, history, culture. – 2024. – № 6 (122). – Pp. 98-104. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.6.14>

8. Shamionov R.M., Arenkov A.P. Value relations and civic identity of youth. Community. Management. – 2016, vol. 17, No. 3, pp. 35-48.

9. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Russian identity and interethnic tolerance // Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension / Edited by Corresponding member. RAS M.K. Gorshkova, M., New Chronograph, 2010. pp. 116-135.

10. Chizhakova G.I. The development of value concepts in Russian pedagogy: Col.the monograph // Personal development in the context of a renewed education / Krasnoyarsk State Pedagogical University V.P. Astafiev University. Krasnoyarsk, 2014. pp. 232-273. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-3-784>

11. Zalessky M. L., Vinnik V. K. Value priorities of first-year students of an economic university in the context of studying the discipline «Fundamentals of Russian statehood» // Chelyabinsk Humanities. 2025. No. 4 (73). pp. 50-57. <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2025-73-4-50-57>

12. The concept of educational activities in NEFU [Electronic resource]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

13. NEFU Youth Policy Development Program [Electronic resource]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

14. The work program of education of students mastering educational programs of higher education [Electronic resource]. URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleya/usr/vd/>

Online sources

1. <http://publication.pravo.gov.ru>
2. <https://base.garant.ru>
3. <https://www.s-vfu.ru>

Сведения об авторе

ШИШКИНА Светлана Кирилловна – старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0009-0009-2913-003X, e-mail: Sh_sveta_7@mail.ru

About the author

SHISHKINA Svetlana Kirillovna – Senior Lecturer, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0009-2913-003X, e-mail: Sh_sveta_7@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 03.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 11.04.2026

Принята к публикации / Accepted 19.05.2026

– ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ –

УДК 93/94

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-72-87>

Оригинальная научная статья

Медали Великой Отечественной войны

С.С. Атласова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

✉ ss.atlasova@s-vfu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Великая Отечественная война – важнейший этап в развитии советской наградной системы. Приводятся основные сведения о 25 медалях военного периода. Учреждение медалей стало инструментом мобилизации всего общества, консолидации военнослужащих и гражданских лиц. Приведены примеры награждённых лиц, в том числе преподавателей и сотрудников, работавших в Якутском государственном университете. Медали военной поры являлись массовым средством признания заслуг на поле боя или в тылу, олицетворением героизма отдельного советского человека и всего народа. Наградная система в виде медалей в период войны поддерживала мотивацию советских граждан в борьбе с безжалостным врагом. В период Великой Отечественной войны в наградной системе государства появились 21 новая медаль. Каждая из них имела уникальный художественный дизайн и отражала конкретный подвиг или заслугу. Медали вручались «За оборону», «За взятие», «За освобождение» – каждая отмечала особые события войны. Награды Великой Отечественной войны создавали документальную цепочку боевого пути фронтовика. По набору медалей можно достоверно проследить боевой путь солдата: участие в ключевых сражениях, оборонительных и наступательных операциях, а также оценить личный вклад в достижение Победы. Изучение медалей вносит вклад в формирование исторической памяти о войне. Хранящиеся в музеях и семьях медали остаются прямым напоминанием о подвиге предыдущих поколений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, война, награды, медали, СССР, советские военнослужащие, рядовые, офицеры, награждение, герои

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Атласова С.С. Медали Великой Отечественной войны. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 72-87. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-72-87

Original article

Medals of the Great Patriotic War

Sargylana S. Atlasova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ ss.atlasova@s-vfu.ru

Abstract

This article examines the USSR's awards system during the Great Patriotic War (1941–1945). The Great Patriotic War was a crucial stage in the development of the Soviet awards system. Basic information on 25 wartime medals is provided. The establishment of medals became a tool for mobilizing society as a whole and consolidating military personnel and civilians. Examples of recipients are provided, including faculty and staff members who worked at Yakutsk State University. Wartime medals were a widespread means of recognizing merit on the battlefield or in the rear, embodying the heroism of individual Soviet citizens and the entire nation. The awards system in the form of medals during the war maintained the motivation of Soviet citizens in the fight against a ruthless enemy. During the Great Patriotic War, 21 new medals were added to the state awards system. Each had a unique artistic design and reflected a specific feat or achievement. Medals were awarded «For Defense,» «For Capture,» and «For Liberation»—each commemorating specific events of the war. The awards of the Great Patriotic War created a documentary record of a frontline soldier's combat career. A soldier's medal collection allows one to reliably trace his or her combat history: participation in key battles, defensive and offensive operations, and assess their personal contribution to achieving Victory. Studying medals contributes to the formation of historical memory of the war. Medals preserved in museums and family homes remain a direct reminder of the heroism of previous generations.

Keywords: Great Patriotic War; war; awards; medals, USSR; Soviet servicemen; privates; officers; awarding; heroes

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Atlasova, Sargylana.S. Medals of the Great Patriotic War. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 72-87. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-72-87

Введение

Символизм наград имеет особое значение. Исследование военных наград имеет большое значение в современном обществе. В годы Великой Отечественной войны в СССР были созданы медали, олицетворяющие собой героизм отдельного человека и вместе с ним – всего народа. Исследование наград носит научный и популярный характер. По наградной системе СССР защищены диссертации С. А. Ивановым, Д. В. Шуняковым и другими [1, 2]. О наградах Второй мировой войны и Великой Отечественной войны известны работы В.А. Дурова, С. В. Потрашкова, С. А. Коломнаина [3, 4, 5]. В различных сборниках научных мероприятий имеются тезисы о награждениях в период войны [6,7,8]. Изданы справочники, каталоги и альбомы, посвящённые орденам и медалям Великой Отечественной войны [9, 10, 11]. В научных и научно-популярных журналах опубликованы статьи о наградах Великой Отечественной войны [12, 13]. В интернете множество отдельных публикаций про исторических личностей и обстоятельства награждения их разными орденами и медалями.

Материалы и методы

При написании статьи были просмотрены электронные базы научной библиотеки eLIBRARY и библиотеки диссертаций, а также общедоступные материалы в интернете. Иллюстративный материал статьи опирается на сайт Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» [14]. Примеры награждённых преподавателей и сотрудников университета медалями приводятся по данным

книги «Вспомним сердцем своим...» [15]. Общие сведения по количеству награждений не указываются из-за того, что данные разнятся и требуют более детального анализа. Статья может быть полезна историкам, краеведам и всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны и её героями.

Результаты и обсуждение

С первых дней и до последних дней Великой Отечественной войны большое значение для солдат имели медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» (автор – С. И. Дмитриев). Данные медали были учреждены ещё в 1938 г. Их вручали участникам польского похода, советско-финской войны, боёв у озера Хасан и реки Халхин-Гол.

Медаль «За отвагу» является главной медалью военной поры, и её располагают перед всеми другими медалями. Медаль известна в народе как «солдатская»; она ценилась как истинное отражение личного подвига военнослужащего на поле боя. Донской Дмитрий Емельянович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и прикладной социологии ЯГУ, имел медаль «За отвагу». Он ушёл на войну в 17 лет, будучи студентом Якутского педфака, и прошёл всю войну. С 1992 г. медаль «За отвагу» входит в наградную систему РФ.

Рис. 1. Медаль «За отвагу»
Fig. 1. Medal «For Courage»

Медалью «За боевые заслуги» была награждена доцент кафедры физиологии ЯГУ Анна Андреевна Землянская. Она ещё в 1939 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «К учению о травматизме спинного мозга» и в годы войны работала начальником нейрохирургического отделения военного госпиталя. С 1944 г. по 1958 г. медаль выдавалась за 10 лет безупречной службы в рядах Красной Армии.

Рис. 2. Медаль «За боевые заслуги» (образец до и после 1943 г.)
Fig. 1. Medal «For Military Merit» (pre-1943 model)

В 1938 г. были учреждены медали «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие» (автор – И. И. Дубасов), которыми награждались за самоотверженную трудовую деятельность.

Чудинова Марианна Алексеевна, доцент кафедры педагогики и психологии ЯГУ, была награждена медалью «За трудовую доблесть». В 1937 г. Чудинова защитила кандидатскую диссертацию «Подвижные игры в младшем дошкольном возрасте в связи с развитием двигательных функций» и стала первой якутянкой – кандидатом педагогических наук. В годы войны ей пришлось совмещать несколько преподавательских ставок в Якутском педагогическом институте и Институте совершенствования учителей.

Рис. 3. Медаль «За трудовую доблесть» (образец до и после 1943 г.)
Fig. 3. Medal «For Labor Valor» (pre-1943 model)

За достижение высоких показателей на работе награждали медалью «За трудовое отличие». Медаль имел кандидат исторических наук Прокопий Устинович Петров, заведующий кафедрой истории КПСС ЯГУ. В годы войны он был комиссаром военного всеобуча.

Рис. 4. Медаль «За трудовое отличие» (образец до и после 1943 г.)
Fig. 4. Medal «For Distinguished Labor» (pre-1943 model)

В 1942 г. были учреждены медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда» (автор – Н. И. Москалёв). Медаль

«За оборону Ленинграда» вручалась за участие в обороне блокадного Ленинграда. Среди награждённых медалью был декан Историко-филологического факультета ЯГУ Роман Иннокентьевич Местников, который в боях за Ленинград был политруком.

Рис. 5. Медаль «За оборону Ленинграда»
Fig. 5. Medal «For the Defense of Leningrad»

Участникам обороны важных приморских городов вручались медали «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя». Информация о данных медалях встречается очень редко из-за небольшого количества награждённых.

Рис. 6. Медаль за «Оборону Одессы» и Медаль «За оборону Севастополя»
Fig. 6. Medal for the Defense of Odessa Medal «For the Defense of Sevastopol»

Очень ценной для ветеранов Великой Отечественной войны является медаль «За оборону Сталинграда». Среди награждённых медалью «За оборону Сталинграда» – заведующий кафедрой физики Якутского педагогического института Юрий Георгиевич Шафер. После войны Ю. Г. Шафер стал доктором физико-математических наук, инициатором создания Института космофизических исследований и астрономии в Якутии.

Рис. 7. Медаль «За оборону Сталинграда»
Fig. 7. Medal «For the Defense of Stalingrad»

В 1944 г. художник Н. И. Москалёв создал медаль «Партизану Отечественной войны», имеющую две степени. В рядах партизанского отряда «Буревестник» Одесской области воевал известный якутянин Семён Иванович Сюльский – выпускник Якутской национальной военной школы. На Курской дуге он, тяжело раненный, попал в плен, но совершил побег из лагеря военнопленных и стал партизаном. За боевые заслуги Сюльский был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Рис. 8. Медаль «Партизану Отечественной войны» (I степени и II степени)
Fig. 8. Medal «To the Partisan of the Patriotic War» (I grades and II degrees)

В 1944 г. были учреждены медаль Ушакова и медаль Нахимова (автор – М. А. Шепи-левский). Медальми награждались за мужество в морских сражениях. Якутянин, Герой Советского Союза Михаил Васильевич Лорин, имел медаль Нахимова за героизм в рядах 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка ВВС Балтийского флота.

Рис. 9. Медаль Ушакова и медаль Нахимова
Fig. 9. Ushakov Medal and Nakhimov Medal

В 1944 г. также были утверждены медаль «За оборону Москвы», медаль «За оборону Кавказа» и медаль «За оборону Советского Заполярья».

Медалью «За оборону Москвы» (автор – Н. И. Москалёв) был отмечен ректор ЯГУ Иннокентий Гаврилович Попов. Будучи студентом Московского музыкального педагогического училища им. Октябрьской революции, он добровольцем воевал на подступах к Москве. В одном из боёв он был тяжело ранен и потерял кисть левой руки. После демобилизации он окончил обучение на историческом факультете МГУ, стал кандидатом исторических наук и долгие годы работал в Якутском госуниверситете.

Рис. 10. Медаль «За оборону Москвы»
Fig. 10. Medal «For the Defense of Moscow»

Медалью «За оборону Кавказа» (автор – Н. И. Москалёв) были награждены тысячи военнослужащих и гражданских лиц. В боях за Кавказ был отмечен Павел Артемович Поляков, заведующий кафедрой зоотехнии ЯГУ. Он в военное время был старшим ветеринаром стрелкового полка.

Рис. 11. Медаль «За оборону Кавказа»
 Fig. 11. Medal «For the Defense of the Caucasus»

Авторами медали «За оборону Советского Заполярья» являются подполковник В. А. Алов и художник А. И. Кузнецов. Данной медалью был награждён Виктор Николаевич Захаров – профессиональный охотник до войны, обнаруживший месторождение слюды-флогопита в Алданском районе Якутии. Он с 1943 г. воевал в составе моторизованного штурмового инженерно-сапёрного батальона на Карельском фронте.

Рис. 12. Медаль «За оборону Советского Заполярья»
 Fig. 12. Medal «For the Defense of the Soviet Arctic»

9 мая 1945 г. была утверждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (авторы – Е. М. Романов и И. К. Андрианов). Среди награждённых был Михаил Михайлович Фёдоров, доктор юридических наук, почётный член Академии наук РС (Я). Фёдоров прошёл всю войну и после войны внёс большой вклад в становление юридического образования в Якутии как заведующий кафедрой ЯГУ.

Рис. 13. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
Fig. 13. Medal «For the Victory over Germany in the Great Patriotic War of 1941-1945.»

В июне 1945 г. была принята медаль «За взятие Будапешта» (автор – А. И. Кузнецов). Медаль вручалась участникам штурма Будапешта с декабря 1944 г. по февраль 1945 г. Герой Советского Союза Николай Саввич Степанов имел медаль «За взятие Будапешта».

Рис. 14. медаль «За взятие Будапешта»
Fig. 14. Medal «For the Capture of Budapest»

Медаль «За взятие Кенигсберга» под авторством А. И. Кузнецова была разработана в 1945 г. Среди награждённых был Дмитрий Дмитриевич Избеков, преподаватель исторического факультета нашего университета. В ходе штурма крепости Избеков получил тяжёлое ранение головы. Он перенёс несколько операций и провёл полтора года в разных госпиталях. После войны Д. Д. Избеков успешно окончил аспирантуру Педагогического института им. Герцена в Ленинграде и стал кандидатом исторических наук. Работая в университете, Избеков написал широко известные книги: «Якутяне – герои Великой Отечественной войны», «Полный кавалер ордена Славы», «Якутяне в небе фронтовом», «Золотые звёзды», «Якутяне в боях за Родину».

Рис. 15. Медаль «За взятие Кенигсберга»
 Fig. 15. Medal «For the Capture of Königsberg»

Также в 1945 г. была учреждена медаль «За взятие Вены». Сотрудник кафедры физвоспитания Пётр Константинович Степанов имел медаль «За взятие Вены». По сохранившимся воспоминаниям, он был бесстрашным десантником, много раз совершавшим удивительные подвиги. Только в одном бою он лично уничтожил немецкий пулемёт и взял в плен несколько фашистов.

Рис. 16. Медаль «За взятие Вены»
 Fig. 16. Medal «For the Capture of Vienna»

Медаль «За взятие Берлина» была учреждена 9 июня 1945 г. Среди многих эскизов медалей выбрали предложение А. И. Кузнецова. Тарасов Иван Андреевич, доцент исторического факультета, участвовал в боях за Рейхстаг и был награждён медалью «За взятие Берлина».

Рис. 17. Медаль «За взятие Берлина»
Fig. 17. Medal «For the Capture of Berlin»

В 1945 г. были введены в наградную систему страны медали «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги». Медаль «За освобождение Белграда» создал художник А. И. Кузнецов. Якутянин Василий Степанович Винокуров имел медаль «За освобождение Белграда». Он в бою разбил два тяжёлых танка «Фердинанд», девять машин, уничтожил четыре расчёта миномётчиков, около 200 немецких солдат и офицеров, из личного оружия – 10 фашистов.

Рис. 18. Медаль «За освобождение Белграда»
Fig. 18. Medal «For the Liberation of Belgrade»

Медаль «За освобождение Варшавы» была разработана Е. К. Курицыной. Медаль «За освобождение Варшавы» была у Петра Никитича Токарева, преподавателя ИЮФ ЯГУ. В ходе освободительных сражений за Польшу он получил ранение и в военном госпитале в пригороде Варшавы познакомился со своей будущей женой.

Рис. 19. Медаль «За освобождение Варшавы»
Fig. 19. Medal «For the Liberation of Warsaw»

Медалью «За освобождение Праги» (авторы – И. Кузнецов и О. С. Скоржинская) был награждён Самсонов Николай Георгиевич – выдающийся учёный и педагог, долгие годы работавший на филологическом отделении университета.

Рис. 20. Медаль «За освобождение Праги»
Fig. 20. Medal «For the Liberation of Prague»

30 сентября 1945 г. была учреждена медаль «За победу над Японией» (автор – М. Л. Лукина). Вид медали похож на медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», но профиль И. В. Сталина в первой медали обращён на запад, а на медали «За победу над Японией» – на восток. Преподаватель исторического факультета Григорьев Михаил Гаврилович был участником боёв с Японией и награждён медалью «За победу над Японией». Григорьев участвовал в обороне Мукдена и имел медаль КНР «За оборону Шанхая».

Рис. 21. Медаль «За победу над Японией»
Fig. 21. Medal «For the Victory over Japan»

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (авторы – И. К. Андрианов и Е. М. Романов) была учреждена в 1945 г. для гражданских лиц, внёсших неоценимый вклад в дело Победы, работая в тылу. Главный бухгалтер ЯГУ Мария Егоровна Захарова была отмечена этой медалью. Захарова была студенткой «могучей якутской группы» Ленинградского государственного театрального института. В 1939 г. группа якутских девушек и юношей поступила в театральный вуз, но из-за войны их судьбы изменились.

Рис. 22. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945»
Fig. 22. Medal «For Valiant Labor in the Great Patriotic War of 1941–1945»

В годы войны было 24 медали, отмечавшие героизм советских солдат и граждан. Видно, что в первоначальный период войны в стране использовались награды довоенного периода. Медали 1938 г. применялись при награждении отличившихся героев. С 1942 г. началось учреждение собственно медалей Великой Отечественной войны. По символике медалей можно определить их исторический смысл. По набору медалей, полученных в годы Великой Отечественной войны, можно достоверно проследить боевой путь солдата: участие в ключевых сражениях, оборонительных и наступательных операциях, а также оценить личный вклад в достижение Победы. Каждая награда фиксирует конкретный эпизод военной биографии – от обороны до освобождения европейских столиц.

Все проекты медалей Великой Отечественной войны проходили конкурсный отбор комиссиями. Наибольшее количество медалей в годы Великой Отечественной войны разработал Николай Иванович Москалёв. Он являлся главным художником Центрального Дома Советской Армии и автором семи медалей и трёх орденов Великой Отечественной войны. Старший художник Технического комитета Главного интендантского управления Красной Армии Александр Иванович Кузнецов является автором пяти медалей военного времени. Кузнецов известен как автор ордена «Победы».

Интересен случай с медалью «За оборону Советского Заполярья», когда разведотделение штаба Карельского фронта по своей инициативе начало собирать эскизы медалей и в дальнейшем отправило их на утверждение в Москву. Верховным Главнокомандованием был выбран рисунок подполковника В. А. Алова, который был доработан профессиональным художником А. И. Кузнецовым.

Можно выделить медаль «Медаль материнства» (автор Н. Н. Жукова), утверждённую в 1944 г. Медаль имела две степени: первую вручали женщинам, родившим и воспитавшим шесть детей, вторую степень получали матери пятерых детей. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в СССР было учреждено 21 медаль, а всего в наградной системе насчитывалось 25 медалей.

За годы Великой Отечественной войны в СССР сформировалась особая система наград из медалей.

Заключение

Медали Великой Отечественной войны оказали глубокое влияние на последующее развитие системы наград в стране. Награды усиливали боевой дух народа, а их обладание стало символом оценки подвигов и трудов, выполненных в суровых условиях. Использование медалей в период войны выполняло ключевую функцию – поощрение личной инициативы и мужества в условиях боевых действий. Награждение гражданских лиц и участников партизанских движений способствовало консолидации различных слоёв населения вокруг общей цели. Закреплялся образ «защитника Отечества» и «труженика тыла». Медали стали визуальным воплощением коллективного подвига. Медали выдавались военнослужащим и гражданским, мужчинам и женщинам, взрослым и детям.

Через историю наград виден подвиг всего советского народа в годы Великой Отечественной войны. Изучение наград помогает сохранить историческую память о героях былых времён. Вручение награды на передовой становилось важным событием, отражающим отвагу и являющимся символом надежды на победу.

Медали Великой Отечественной войны представляют собой сложный социокультурный и исторический феномен. Они не только отражали вклад конкретного человека в победу, но и служили инструментом государственной политики, направленной на поддержание высокого морального духа. Дальнейшее изучение наградного дела позволит глубже понять механизмы функционирования советского общества в экстремальных условиях войны.

Литература

1. Иванов С.А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной Армии: дис. ... канд. ист. наук:07.00.02 / С.А. Иванов. – М., 2009. – 254 с.
2. Шуняков Д.В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис. канд.ист.наук. Екатеринбург; 2018: 204.
3. Дуров В.А. Награды Великой Отечественной / В.А. Дуров. –М. : «Русская гнига», 1993.
4. Потрашков С.В. Награды Второй мировой войны 1939–1945 / С.В. Потрашков, И.И. Лившиц. – М. : «Эксмо», 2008.

5. Коломнин С. Ордена и медали Великой Отечественной войны. *Основы безопасности жизнедеятельности*. 2020; 1(241): 60-64.

6. Новикова А. А. Ордена и медали периода Великой отечественной войны. *Материалы LXX молодежной научной конференции: Материалы LXX молодежная научная конференция, посвященная 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию со дня рождения В. П. Лукачёва*, Самара, 20–22 мая 2020 г. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева; 2020: 204-205.

7. Личак Н. А. Ордена и медали Ушакова и Нахимова – флотские награды времен Великой Отечественной войны. *Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XXIV Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне*, Иваново, 26–27 марта 2025 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2025: 429-434.

8. Алиханова, М. Х. К вопросу о наградной системе воинов: медаль «за взятие Берлина» – символ окончания войны и победы над фашизмом / М. Х. Алиханова // *Великая отечественная война: историческая память и вызовы современности: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием)*, Эссентуки, 28–29 марта 2025 года. – Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах», 2025. – С. 9-17. – EDN UZXFVW.

9. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. Отдел наград Президиума Верховного Совета СССР. – М.: Известия, 1987: 336.

10. Награды Родины. Ордена и медали СССР: Каталог коллекции музея / Центр ордена Красной Звезды Музей вооруженных сил СССР. М., 1981, т.1. Ордена СССР. – 160 е.; т.2. Медали СССР.- 188 с.

11. Ордена и медали СССР: Фотоальбом. М.: Планета, 1982.- 240 с.

12. Шуняков Д.В. Награды удостоены... статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы Второй мировой войны // *Военно-исторический журнал*. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagrady-udostoeny-statisticheskie-dannye-po-nagrazhdeniyu-sovetskim-i-ordenami-i-medalyami-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 16.03.2026).

13. Лысенков С. Г. Опыт применения правовых ограничений и стимулов на фронтах Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2005. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-primeneniya-pravovyh-ogranicheniy-i-stimulov-na-frontah-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.01.2026).

14. Сайт Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России»: сайт. <https://www.polkrf.ru/about/o-dvizhenii> (дата обращения: 15.04.2026).

15. Вспомним сердцем своим.: монография/ Р.И.Петрова, В.С.Сивцева, С.И.Петрова, М.Н.Максимова. -Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015.-408 с.

References

1. Ivanov S.A. Development of the system of awarding orders and medals to servicemen of the Red Army: diss. ... cand. of history: 07.00.02 / S.A. Ivanov. – Moscow, 2009. – 254 p. (in Russian).

2. Shunyakov D.V. The award system of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945): diss. cand. of history. Ekaterinburg; 2018: 204. (in Russian).

3. Durov V.A. Awards of the Great Patriotic War / V.A. Durov. – Moscow: «Russkaya rniga», 1993. (in Russian).

4. Potrashkov S.V. Awards of the Second World War 1939-1945 / S.V. Potrashkov, I.I. Livshits. – М.: Eksmo, 2008. (in Russian).

5. Kolomnin S. Orders and medals of the Great Patriotic War. *Fundamentals of Life Safety*. 2020; 1(241): 60-64. (in Russian).

6. Novikova A. A. Orders and medals of the Great Patriotic War. *Proceedings of the LXX Youth Scientific Conference: Proceedings of the LXX Youth Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the 100th anniversary of the birth of V. P. Lukachev*, Samara, May 20–22, 2020. Samara: Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev; 2020: 204–205. (in Russian).

7. Lichak, N. A. The Orders and Medals of Ushakov and Nakhimov – Naval Awards of the Great Patriotic War. State, Society, and Church in the History of Russia in the 20th-21st Centuries: *Proceedings of the XXIV International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War*, Ivanovo, March 26-27, 2025. Ivanovo: Ivanovo State University, 2025: 429-434. (in Russian).

8. Aliskhanova, M. Kh. On the Issue of the Award System for Soldiers: The Medal «For the Capture of Berlin» – a Symbol of the End of the War and the Victory over Fascism / M. Kh. Aliskhanova // *The Great Patriotic War: Historical Memory and Modern Challenges: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (with International Participation), Essentuki, March 28-29, 2025. – Pyatigorsk: ООО «Advertising and Information Agency on the Caucasian Mineral Waters», 2025. – Pp. 9-17. – EDN UZXFVW. (in Russian).

9. Collection of legislative acts on state awards of the USSR. Awards Department of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. – Moscow: Izvestia, 1987: 336. (in Russian).

10. Awards of the Motherland. Orders and medals of the USSR: Catalog of the museum collection / Central Order of the Red Star Museum of the Armed Forces of the USSR. Moscow, 1981, v. 1. Orders of the USSR. – 160 pp.; v. 2. Medals of the USSR. – 188 pp. (in Russian).

11. Orders and medals of the USSR: Photo album. Moscow: Planeta, 1982. – 240 pp. (in Russian).

12. Shunyakov D.V. Awards were given... statistical data on the awarding of Soviet orders and medals during the Second World War // *Military history journal*. 2021. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagrody-udostoeny-statisticheskie-dannye-po-nagrazhdeniyu-sovetskimi-ordenami-i-medalyami-v-gody-votroy-mirovoy-voyny> (accessed: 16.03.2026). (in Russian).

13. Lysenkov S. G. Experience of applying legal restrictions and incentives on the fronts of the Great Patriotic War // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2005. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-primeneniya-pravovyh-ogranicheniy-i-stimulov-na-frontah-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed: 10.01.2026). (in Russian).

14. Website of the All-Russian public civil-patriotic movement «Immortal Regiment of Russia»: website. <https://www.polkrf.ru/about/o-dvizhenii> (accessed: 15.04.2026).

15. Let us remember with our hearts...: monograph / R.I.Petrova, V.S.Sivtseva, S.I.Petrova, M.N.Maksimova. -Yakutsk: Publishing house of NEFU, 2015.-408 p. (in Russian).

Сведения об авторе

АТЛАСОВА Саргылана Серафимовна – к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и политологии, Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Российская Федерация, ORSID ID: 0000-0002-8897-9000 SPIN: 3369-7975.

E-mail: ss.atlasova@s-vfu.ru

Information about the author

ATLASOVA, Sargylana Serafimovna – cand. of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Political Science, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORSID ID: 0000-0002-8897-9000 SPIN:3369-7975.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 11.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 28.04.2026

Принята к публикации / Accepted 16.05.2026

УДК 93/94

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-88-93>

Оригинальная научная статья

Стрелковая подготовка в Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны

Д.С. Варвариков

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

✉depo139@mail.ru

Аннотация

В исторической науке остаётся недостаточно изученным вопрос о механизмах адаптации системы допризывной стрелковой подготовки в тыловых регионах СССР с экстремальными климатическими условиями в начальный период Великой Отечественной войны. Цель статьи – на примере Якутской АССР выявить особенности перестройки учебного процесса Осоавиахима, определить роль лыжной подготовки как замены стандартного шестого пункта программы и оценить результативность созданной модели обучения. Материалами исследования послужили неопубликованные архивные документы Центрального совета Осоавиахима СССР (фонд Р624 Национального архива РС (Я)), включая приказы, директивы, учебные планы, военные программы и отчётные справки за 1941–1944 гг., а также статистические данные о выполнении планов по движению «Ворошиловский стрелок». Методологической основой является историко-системный анализ с элементами сравнительного метода. Результаты показывают, что, несмотря на острый дефицит учебного оружия и лыжного инвентаря, а также слабую инициативу на местах в начальный период войны, к зиме 1942–1943 гг. удалось преодолеть кризис снабжения: к 1 января 1944 г. план по подготовке ворошиловских стрелков I степени выполнен на 109%, миномётчиков – на 258%, ручных пулемётчиков – на 183%. За зиму 1941–1942 гг. обучено 9 тыс. бойцов-лыжников, направленных в отдельные лыжные бригады на Северо-Западный фронт. Практическая значимость работы заключается в реконструкции региональной модели оборонно-массовой подготовки, перспективы исследования связаны с сопоставительным анализом аналогичных систем в других северных и сибирских регионах РСФСР.

Ключевые слова: Якутская АССР, Великая Отечественная война, стрелковая подготовка, Осоавиахим, допризывная подготовка, лыжная подготовка, Ворошиловский стрелок, бойцы-лыжники, лыжные бригады, Всевобуч, материально-техническое обеспечение, Северо-Западный фронт, оборонно-массовая работа

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Варвариков Д.С. Стрелковая подготовка в Якутской АССР в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 88-93. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-88-93

Original article

Rifle Training in the Yakut ASSR during the Great Patriotic War

Dmitrii S. Varvarikov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉depo139@mail.ru

Abstract

In historical scholarship, the mechanisms of adapting the system of pre-conscription rifle training in rear regions of the USSR with extreme climatic conditions during the initial period of the Great Patriotic War remain insufficiently studied. The aim of this article is to examine, using the case of the Yakut ASSR, the

specific features of restructuring the Osoaviakhim training process, to determine the role of ski training as a substitute for the standard sixth point of the curriculum, and to evaluate the effectiveness of the resulting training model. The study draws on unpublished archival documents from the Central Council of Osoaviakhim of the USSR (Fond R624 of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)), including orders, directives, and progress reports for 1941–1944, as well as statistical data on the fulfillment of quotas under the «Voroshilov Sharpshooter» program. The methodological framework is based on historical-systematic analysis with elements of comparative method. The results show that, despite an acute shortage of training weapons and ski equipment, as well as weak local initiative at the beginning of the war, the supply crisis was overcome by the winter of 1942–1943: by January 1, 1944, the training plan for Voroshilov Sharpshooters (1st class) was fulfilled at 109%, for mortar operators – 258%, and for light machine gunners – 183%. During the winter of 1941–1942, 9,000 ski troopers were trained and sent to separate ski brigades on the Northwestern Front. The practical significance of the work lies in reconstructing the regional model of defense mass training, while future research prospects are associated with a comparative analysis of similar systems in other northern and Siberian regions of the RSFSR.

Keywords: Yakut ASSR, Great Patriotic War, rifle training, Osoaviakhim, pre-prescription training, ski training, Voroshilov Sharpshooter, ski troopers, ski brigades, Vsevobuch, material and technical supply, Northwestern Front, defense mass work

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Varvarikov D.S. Rifle Training in the Yakut ASSR during the Great Patriotic War. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 88-93. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-88-93

Введение

Общая тема исследования посвящена перестройке системы стрелковой и лыжной подготовки в тыловых регионах СССР в экстремальных климатических условиях в годы Великой Отечественной войны. На примере Якутской АССР рассматривается адаптация общесоюзных программ Осоавиахима к местной специфике.

Обзор литературы показывает, что отдельные аспекты деятельности оборонных обществ в Сибири и на Дальнем Востоке освещались в работах П.Н. Токарева [4], а также в обобщающих трудах по военной истории СССР. В «Советской военной энциклопедии» [5] раскрыты нормативы подготовки снайперов и ворошиловских стрелков. Однако системного анализа именно стрелковой подготовки в Якутской АССР с учётом замены шестого пункта программы на лыжную тактику до настоящего времени не проводилось. Не решённой остаётся проблема оценки реальной результативности региональной системы обучения в условиях острого дефицита оружия и лыжного инвентаря, а также роли инициативы на местах.

Цель работы – выявить особенности организации стрелковой и лыжной подготовки допризывников в Якутской АССР в 1941–1944 гг., определить факторы, повлиявшие на преодоление кризиса материально-технического обеспечения, и оценить вклад подготовленных кадров в боеспособность лыжных бригад Красной армии.

Теоретическая значимость работы заключается в реконструкции региональной модели оборонно-массовой подготовки, дополняющей существующие представления о механизмах мобилизации тыла.

Практическая значимость состоит в возможности использования выводов и архивных материалов при подготовке учебных курсов по региональной истории Великой Отечественной войны, истории военных комиссариатов и оборонных обществ.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили неопубликованные архивные документы Центрального совета Осоавиахима СССР, хранящиеся в Национальном архиве Республики

Саха (Якутия) (фонд Р624). Используются приказы, положения, указания по промышленному снабжению за 1941–1944 гг. (описи №1, дела №13, 19), а также отчётные справки о выполнении контрольных цифр по подготовке «Ворошиловских стрелков», миномётчиков, пулемётчиков и младших командиров [1–3]. Дополнительно привлекались опубликованные материалы П.Н. Токарева по истории военного комиссариата Якутии [4] и нормативные документы из «Советской военной энциклопедии» [5].

Методы исследования. Методологической основой является историко-системный анализ, позволивший рассмотреть стрелковую подготовку как комплекс взаимосвязанных элементов: учебные программы, организационную структуру (учебные пункты → роты → батальоны → полки), материально-техническое обеспечение, кадровый состав инструкторов и политико-воспитательную работу. Применён сравнительный метод для сопоставления плановых и фактических показателей по районам Якутии, а также для анализа динамики выполнения заданий в 1941–1942 гг. и к 1944 г. Использован статистический метод при обработке абсолютных и относительных данных о числе подготовленных стрелков, лыжников, миномётчиков. Для реконструкции процесса преодоления кризиса снабжения применён проблемно-хронологический метод.

Результаты и обсуждение

С началом войны учебные программы Осоавиахима были форсированно милитаризованы. В Якутской АССР базовый курс включал стрелковое дело, строевую и полевую службу, окопное дело, гарнизонный устав, первую медицинскую помощь и преодоление водных преград. Однако ключевой региональной корректировкой стала замена стандартного шестого пункта программы на усиленную лыжную подготовку [1]. Это решение диктовалось не только климатом, но и прямым запросом фронта на подготовленных бойцов-лыжников для манёвренных действий зимой.

Программа бойца-лыжника выходила за рамки обычной физической подготовки. Она включала специальные навыки: переноску на лыжах станковых пулеметов и минометов, их быстрое развертывание на огневой позиции в глубоком снегу, а также эвакуацию раненых с использованием волокуш. Регулярно проводились тактические учения и соревнования различных уровней, в ходе которых отрабатывались сложные элементы: походные движения с охранением, ведение разведки и совершение рейдов в тыл условного противника. Подобный подход превращал охотников и оленеводов Якутии в готовые кадры для лыжных бригад Красной Армии.

Эффективность лыжной и стрелковой подготовки напрямую зависела от материальной базы. Письмо ЦС Осоавиахима от 10 февраля 1942 года свидетельствует, что выполнение учебных предписаний на начальном этапе столкнулось с серьезными трудностями. Перед районными советами ставилась задача срочно организовать сбор и ремонт лыжного инвентаря, а при его недостатке – наладить местное производство через торговые организации [1]. Комитеты по делам физкультуры и спорта обязывались предоставлять лыжные базы и инструкторские кадры.

Однако реализация этих директив на местах столкнулась с объективными трудностями. Значительная часть районных советов Осоавиахима, испытывая нехватку материальных ресурсов и производственных возможностей, ориентировалась преимущественно на централизованные поставки лыжного инвентаря из Якутска, не проявляя достаточной инициативы в организации его изготовления собственными силами. Как следствие, некоторые лыжные подразделения числились лишь формально, не достигая требуемого уровня укомплектованности. Качество подготовки также не в полной мере соответствовало уста-

новленным нормативам: регулярность тренировок и полнота освоения программы бойцалыжника в ряде команд оставались недостаточными. Руководство Осоавиахима ЯАССР, зафиксировав эти недостатки, приняло меры по усилению контроля за учебным процессом и стимулированию местного производства инвентаря, что к зиме 1942–1943 годов позволило в целом стабилизировать ситуацию с обеспечением лыжной подготовки [2].

Стрелковая подготовка в Якутской АССР представляла собой многоуровневую, централизованную систему. Основу обучения составляли учебные подразделения, формировавшиеся при районных и городских советах Осоавиахима. Типичной структурой были роты (90–150 человек) и батальоны (180–270 человек), которые во время массовых учений сводились в полки. Характерной особенностью якутской организации была ее четкая стрелковая ориентация, тогда как создание специализированных подразделений автоматчиков и минометчиков сдерживалось хроническим недостатком соответствующего вооружения и учебных пособий.

Ключевым звеном стали стрелковые учебные центры. Помимо базовой огневой подготовки, здесь велась ограниченная подготовка снайперов и пулеметчиков. Обязательным требованием Осоавиахима ЯАССР было наличие при этих центрах лыжных баз. Обучение организовывалось в группах (10–15 человек), командах (40–60 человек) и отрядах (150–225 человек) [5]. Кадровый вопрос решался за счет привлечения младшего комсостава и рядовых, имевших боевой опыт, что придавало обучению практическую направленность. Занятия проводились без отрыва от производства, позволяя охватить максимальное число допризывников.

Особое место в стрелковой подготовке отводилось движению «Ворошиловский стрелок» (ВС). В военный период произошло существенное ужесточение нормативов для получения знака II степени. Кандидаты должны были демонстрировать меткость в условиях, приближенных к боевым: поражение головной мишени тремя выстрелами на дистанции 400 метров и максимальное количество попаданий из армейской винтовки по грудной мишени на 350 метров с использованием открытого прицела. Получение значка давало право на постоянное его ношение и открывало путь к тренировкам на звание «Ворошиловского Стрелка-Снайпера» со сверхдальними дистанциями, что служило ступенью для отбора в снайперские школы [4].

Однако анализ выполнения контрольных цифр в Якутской АССР в первые полгода войны подвергался жесткой критике. Показатели были провальными: план по ВС I степени был выполнен лишь на 15,8% (950 человек при плане в 6000), а по ВС II степени – на 12,1% (121 из 1000). Особую тревогу вызывали Амгинский, Верхоянский, Булунский, Жиганский, Вилуйский, Сунтарский и Усть-Майский районы, не подготовившие ни одного значкиста. Даже в относительно успешных Алданском районе, Якутском горсовете и Ленском районе результаты признавались недостаточными.

К 1943 году, осознавая объективные трудности (территориальную разбросанность и дефицит оружия), председатель Осоавиахима ЯАССР И. Пономарев добился от ЦС снижения контрольных цифр до 1080 стрелков I степени. К выполнению даже этого скорректированного плана подключались все ресурсы: 363 младших, 115 средних и 4 старших командира. К 1 января 1944 года план был не только выполнен, но и перевыполнен по ряду позиций: ворошиловских стрелков I степени подготовлено 1185 человек (109% плана), минометчиков – 155 (258%), ручных пулеметчиков – 110 (183%). Провальным оставалось лишь обучение младших командиров (34%) и женщин-стрелков (58%) [3], что объяснимо кадровым истощением.

Благодаря системной работе Всевобуча и Осоавиахима, призыв 1942 года качественно отличался от предыдущих. Большинство призывников получили начальную военную подготовку. За зиму 1941–1942 годов было обучено 9 тысяч бойцов-лыжников. Это позволило якутянам массово направляться в формируемые лыжные бригады. Как свидетельствуют воспоминания участников войны, сотни уроженцев Якутии проходили службу в 18-й, 19-й, 20-й и 21-й отдельных лыжных бригадах, дислоцированных в Челябинской области. Только из одного Амгинского района было призвано около 160 человек. Эти подразделения преимущественно воевали на Северо-Западном фронте, где навыки передвижения по глубокому снегу и выносливость северян оказались максимально востребованы.

Политико-воспитательная работа дополняла тактическую выучку. Командиры и инструкторы обязаны были воспитывать у обучающихся «жгучую ненависть к немецко-фашистским захватчикам». С 10 февраля по 1 марта регулярно проводились лыжные и стрелковые соревнования, превращая подготовку в состязательный процесс [3].

В северных районах Якутии подготовка шла с учетом местных условий. На основании решения правительства ЯАССР от 9 января 1941 года 17 северных районов вели обучение военнообязанных второй категории. Было утверждено контрольное задание на 1040 человек при штате инструкторов в 334 человека. К моменту введения Всевобуча программа «Ворошиловский стрелок» там была выполнена на 45–60%. Анализ первой очереди обучения показывает охват 4642 человек через 31 военно-учебный пункт. Благодаря этому кружковая система уступила место стройной армейской организации (взвод, рота, батальон). Серьезной помехой оставалась материальная часть: в 13 районах насчитывалось лишь по 2–3 учебные винтовки [1]. В этих условиях большую роль играло творчество масс – комсомольцы и профсоюзы изготавливали макеты винтовок, болванки гранат и даже макеты танков для отработки приемов боя.

Полученные результаты согласуются с выводами П.Н. Токарева [4] о высокой мобилизационной готовности Якутии, но вносят важное уточнение: первоначальная инертность районных советов и дефицит ресурсов создали глубокий кризис, преодоленный лишь к концу 1943 года благодаря жёсткому контролю и снижению планов. В отличие от западных регионов СССР, где акцент делался на противотанковую и противохимическую подготовку, в Якутии доминировала лыжно-стрелковая компонента, что превращало климатический недостаток в стратегическое преимущество.

Заключение

Проведённое исследование достигло поставленной цели: выявлены особенности организации стрелковой и лыжной подготовки в Якутской АССР в 1941–1944 гг. Главная идея заключается в том, что, несмотря на провальные показатели первого полугодия войны (выполнение плана по «Ворошиловскому стрелку» I степени лишь на 15,8%), системная работа Осоавиахима, жёсткий контроль со стороны республиканского руководства, стимулирование местного производства лыж и макетов оружия, а также корректировка плановых заданий позволили к 1 января 1944 года перевыполнить план по основным военно-учётным специальностям (миномётчики – 258%, пулемётчики – 183%, ворошиловские стрелки I степени – 109%).

Практическая значимость работы подтверждается тем, что за зиму 1941–1942 гг. обучено 9 тыс. бойцов-лыжников, которые были направлены в отдельные лыжные бригады на Северо-Западный фронт, где их навыки оказались решающими в условиях глубокого снежного покрова.

Литература

1. Национальный Архив РС (Я), Фонд Р624 Приказы, положения, указания ЦС Союза Осоавиа-хима СССР по пром. снабжению, О. №1, Д. 19, С. 112-115.
2. Национальный Архив РС (Я), Фонд Р624 Приказы, положения, указания ЦС Союза Осоавиа-хима СССР по пром. снабжению, О. №1, Д. 19, С. 238-242.
3. Национальный Архив РС (Я), Фонд Р624 Приказы, положения, указания ЦС Союза Осоавиа-хима СССР по пром. снабжению, О. №1, Д. 13, С. 24-25.
4. П.Н. Токарев. История военного комиссариата Республики Саха (Якутия). Часть I. Якутск: Бичик; 2000:35.
5. Снайпер // «Советская военная энциклопедия» (в 8 тт.) / под ред. Н. В. Огаркова. том 7. Москва: Воениздат; 1979:403.

References

1. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), Fond R624. Orders, Regulations, Directives of the Central Council of the Union of Osoaviakhim of the USSR on Industrial Supply. Op 1, D. 19, L. 112–115.
2. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), Fond R624. Orders, Regulations, Directives of the Central Council of the Union of Osoaviakhim of the USSR on Industrial Supply, Op. 1, D. 19, L. 238-242.
3. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), Fond R624. Orders, Regulations, Directives of the Central Council of the Union of Osoaviakhim of the USSR on Industrial Supply, Op. 1, D. 13, L. 24-25.
4. Tokarev, P.N. Istoriya voennogo komissariata Respubliki Sakha (Yakutiya). Chast' I [History of the Military Commissariat of the Republic of Sakha (Yakutia). Part I]. Yakutsk: Bichik; 2000:35.
5. «Snayper» [Sniper]. In: Sovetskaya voennaya entsiklopediya [Soviet Military Encyclopedia]. In 8 vols. Ed. by N.V. Ogarkov. Vol. 7. Moscow: Voenizdat; 1979:403.

Об авторе

ВАРВАРИКОВ Дмитрий, Спиридонович – старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0003-3176-9157, SPIN: 6477-3197, e-mail: depo139@mail.ru.

About the author

VARVARIKOV – Dmitrii Spiridonovich – senior lecturer, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0003-3176-9157, SPIN: 6477-3197, e-mail: depo139@mail.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 10.04.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 25.05.2026

Принята к публикации / Accepted 05.06.2026

УДК 378:355 (571.56) (091)

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-94-101>

Оригинальная научная статья

История Якутской национальной военной школы (1926-1941)

А.И. Макарова,Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

✉ if_aim@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории Якутской национальной военной школы (ЯНВШ) (1926–1941), сыгравшей ключевую роль в подготовке младших командиров и красноармейцев запаса для Якутии. В работе рассматриваются история создания и деятельности школы, учебная программа, вклад в подготовку военных кадров из числа населения Якутской АССР. На основе архивных и опубликованных источников раскрывается роль ЯНВШ в укреплении обороноспособности страны и развитии системы военного образования в Якутии. Показан вклад выпускников школы в военные конфликты предвоенного периода и в победу в Великой Отечественной войне. Подчеркивается значение школы для развития региона и формирования патриотических традиций.

Ключевые слова: военная история, военное образование, Красная армия, Якутская военная школа, подготовка кадров РККА, младший командный состав.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Макарова А.И. История Якутской национальной военной школы (1926-1941). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 94-101. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-94-101

Original article

History of the Yakut National Military School (1926-1941)

Agrafena I. MakarovaM.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ if_aim@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the history of the Yakut National Military School (YNM) (1926–1941), which played a key role in the training of junior commanders and reserve Red Army soldiers for Yakutia. The work examines the history of the school's establishment and activities, its curriculum, and its contribution to the training of military personnel from the population of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Based on archival and published sources, the article reveals the role of the YNM in strengthening the country's defense capabilities and developing the military education system in Yakutia. The contribution of school graduates to the military conflicts of the pre-war period and to the victory in the Great Patriotic War is shown. The importance of the school for the development of the region and the formation of patriotic traditions is emphasized.

Keywords: military history, military education, the Red Army, the Yakut Military School, training of personnel for the Red Army, junior command personnel.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation: Agrafena .I. Makarova. History of the Yakut National Military School (1926-1941) . *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): P. 94-101. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-94-101

Введение

Военное образование в Якутии – это особая страница в летописи региона. Оно зарождалось в сложных исторических условиях, развивалось вопреки трудностям и неизменно отвечало вызовам времени. В текущем году исполняется 100 лет с момента основания Якутской национальной военной школы [далее – ЯНВШ], что подчеркивает значимость данной вехи в истории региона. Актуальность обращения к этой теме сегодня высока. В условиях глобальных вызовов и трансформации системы международной безопасности возрастает значение преемственности воинских традиций; совершенствования методов военно-патриотического воспитания; интеграции исторического опыта в современные образовательные практики.

Историография темы национальных формирований РККА в рассматриваемый период невелика. Вопросы истории национальных формирований в 1920-30-е гг. затрагивались в работах А.Ю. Безугольного [1], Б.Г. Кадырова [2]. Одним из первых кто изучил историю военного образования в Якутии, в частности ЯНВШ был П.Н. Токарев [3]. В своем фундаментальном труде по истории военного комиссариата в Якутии он рассмотрел историю школы, уделил внимание командному составу и курсантам. По истории ЯНВШ следует отметить также книгу краеведа К.Г. Гурьева [4]. В книге автор основной упор сделал на краткие биографии выпускников и командиров школы. Всего им представлено 890 биографических справок.

Цель данной работы – изучить историю создания и деятельности Якутской национальной военной школы. Теоретическая значимость исследования состоит в восполнении существующего пробела в изучении истории данного военно-учебного заведения.

Материалы и методы

Основу данного исследования составляют неопубликованные архивные материалы Национального архива Республики Саха (Якутия), которые представляют собой ценный источник первичной информации. Но к сожалению, до сих пор ряд архивных документов, относящихся к деятельности и составу Якутской национальной военной школы, находятся под грифом секретно. Кроме того, в работе были использованы материалы книг П.Н. Токарева, К.Г. Гурьева.

В работе над научной статьей мы опирались на принципы объективности и историзма. Для достижения поставленной цели использовались историко-генетический и нарративный методы.

Обсуждение и результаты

После окончания гражданской войны в Советской России встали вопросы укрепления обороноспособности страны. Одним из главных направлений стало создание национальных военных кадров. Создание национальных воинских формирований стало также следствием политической эмансипации национальных регионов Советского Союза. В это время активно проводилась политика коренизации, направленная на поддержку национальных кадров, развитие культур и языков народов СССР.

В конце ноября-начале декабря 1924 г. на Пленуме Революционного военного совета СССР произошли важные изменения в политике по отношению к национальным формированиям. 28 ноября 1924 г. М.В. Фрунзе, нарком по военным и морским делам, представил доклад «О национальных формированиях». В нем он изложил основные принципы новой концепции национального строительства в армии. Эта концепция основывалась на полном равноправии всех народов СССР, учете их интересов в военном деле и постепенном переносе центра тяжести с использования в войсках славянских контингентов на национальные

[1, с. 59]. По итогам Пленума была принята резолюция «О национальных формированиях», включающая тридцать семь тезисов. В них были изложены ключевые требования к плану национального строительства, рассчитанного на пять лет. С 1925 г. началась реализация этой программы, которая в 1927 г. была скорректирована и фактически стала новой стратегией.

Идею создания национальной военной школы в Якутске заложил председатель Якутского Центрального исполнительного комитета (ЯЦИК) П.А. Ойунский. По ходатайству правительства Якутии и во исполнение приказа РВС СССР №661/132, приказа командующего войсками Сибирского военного округа №413/63 от 8 сентября 1925 г. в Якутске было положено начало формирования Якутской военной школы МКС РККА [3, с. 58]. Основной целью военно-учебного заведения была подготовка младшего командного состава и специалистов стрелкового полка.

Школа изначально называлась Якутской военной школой, но с 1928 г. в приказах начальника учреждения появилось новое название – Якутская национальная военная школа. Это название сохранялось до ее расформирования. Как отмечает П.Н. Токарев, неясно, кто предложил использовать слово «национальный» [3, с.73]. В 1935 г. Постановлением Президиума ЦИК ЯАССР ЯНВШ было присвоено имя героя гражданской войны в Якутии И. Алексеева [3, с. 81].

Якутская военная школа начала свою работу в феврале 1926 г. Для размещения учебного заведения были выделены четыре жилых здания, расположенных на улице Октябрьской. На 1 апреля 1926 г. контингент курсантов насчитывал 40 человек, из которых 7 были представителями рабочего класса, 27 – крестьянства, а 6 – служащими. Этнический состав курсантов был следующим: русские – 16 человек, украинцы – 1, якуты – 19, татары – 2 и тунгусы – 2 [3, с.61].

В первый год формирования учебного заведения почти половина добровольцев оказалась непригодной для прохождения военной службы по состоянию здоровья или иным причинам. Добровольцы, поступающие в военную школу, должны были соответствовать следующим требованиям:

1. Возраст от 20 до 24 лет включительно.

2. Базовые навыки грамотности: умение читать, писать и выполнять четыре арифметических действия. Исключения делались для неграмотных рабочих и батраков, которых могло быть не более 25% от общего числа поступающих.

3. При прочих равных условиях предпочтение отдавалось тем, кто служил в Красной Армии или красных партизанских отрядах.

В Инструкции по вербовке добровольцев в Якутскую военную школу подчеркивалось, что среди принятых должно быть не менее 80% рабочих, батраков и крестьян-бедняков, а также 50% членов партии и комсомольцев. Для отбора добровольцев в военную школу по округам создавались отборочные комиссии в составе члена правительства, представителей ВКП(б) и ВЛКСМ, профсоюзов, уполномоченного ОГПУ, 2 врачей [5, л.436, 437].

Обучение в школе длилось 11 месяцев и состояло из стрелкового и пулеметного отделений. Пулеметное отделение делилось на группы по ручному и станковому пулеметам. По данным за 1932–1933 учебный год, в стрелковом отделении было четыре группы, а в пулеметном – две группы по ручному пулемету и одна по станковому. В каждой группе обучалось от семи до двенадцати человек [6, л. 89-93].

Программа обучения была весьма обширная и предусматривала военную тактику, топографию, стрелковое дело, химическое дело, саперно-маскировочное дело, изучение

уставов РККА, политическую грамоту, общеобразовательные дисциплины и физическую культуру и спорт. Например, по военной тактической подготовке курсантов учили использовать местность и местные объекты для укрытия, наблюдения, обороны и стрельбы. Им объясняли, как правильно выбирать позиции, вести прицельный огонь, а также координировать действия стрелков и пулеметчиков [5, л. 431].

В школе был определен строгий распорядок дня. Подъем в 6 утра, затем до 7.00 утренний осмотр, прогулка и физзарядка. После завтрака в 8.00 начинались занятия, которые продолжались до 13.55. После обеда до 16.00 курсанты уходили на так называемый «мертвый час», после которого до ужина давалось время для чистки оружия, самоподготовки. После ужина в 18.30 занимались внешкольной работой. В 21.45 начинали вечернюю зарядку и в 23.00 объявлялся отбой [5, л. 505].

Учебный год состоял из зимнего – по май включительно и летнего периодов обучения и лагерные сборы. Летом курсанты выезжали на полевой лагерь на берегу озера Ытык-Кюель под Чочур Мыраном [7, л.1]. Распорядок дня летнего лагерного периода был еще более напряженным. Подъем в 5 утра, в день проводилось по 10 уроков продолжительностью по 50 минут. В вечернее время проводилась партийно-массовая работа [4, с.7].

Особое внимание уделялось физической закалке. Курсанты добивались высоких результатов на республиканских и всесоюзных соревнованиях по стрельбе и лыжным гонкам. Яркими примерами стали лыжный переход Якутск–Хабаровск в 1933 г. (более 2 000 км); третье место на Всесоюзных стрелковых соревнованиях 1938 г. в Москве [8].

Рис. 1. Курсанты в летнем лагере ЯВШ. 1935 г.
Fig. 1. Cadets at the YAVSH summer camp. 1935.

Ввиду недостатка архивных материалов, анализ динамики численности курсантов представляется затруднительным. Согласно данным, представленным К.Г. Гурьевым, в 1929 г. школу окончили 48 человек, в 1930 г. – 52, в 1931 г. – 65, в 1932 г. – 64, в 1934 г. – 61, в 1935 г. – 58, в 1936 г. – 60, в 1938 г. – 64, а в 1940 г. – 66 [4, с. 7-8]. К сожалению, автор книги не ссылается на источники. В рамках данного исследования возникла необходимость уточнения представленных данных, однако осуществить это оказалось затруднительным. Многие документы, касающиеся преподавательского состава и курсантов, недоступны для исследователей ввиду наличия на них грифа «секретно». Это существенно ограничивает возможности проведения анализа и формирования объективных выводов по изучаемому вопросу.

В ходе работы были обнаружены архивные документы, которые позволяют скорректировать информацию, предоставленную Гурьевым. Так, согласно приказу №18 от 22 сентября 1929 г., школу окончили 16 курсантов, все из которых были удостоены звания «младшего командира РККА» [5, л. 428]. В 1940 г. приказом от 25 августа №269, было выпущено 62 человека, из которых 60 курсантов получили звание младшего командира, а 2 человека были награждены званием помощника командира взвода (помкомвзвод) [7, л. 38-39].

Эти показатели позволяют проследить общую тенденцию к увеличению числа выпускников в течение данного временного отрезка.

Таблица 1 [6, л. 89-93.]

Сведения о составе курсантов ЯНВШ за 1932-1933 уч.г.

Table 1

Information about the composition of the YANVSH cadets in 1932-1933

Районы	Количество курсантов	Социальный состав	Количество курсантов
Булунский	1	Бедняк	5
Верхоянский	1	Бедняк-колхозник	31
Вилуйский	9	Средняк-колхозник	10
Западно-Кангаласский	5	Батрак-колхозник	10
Ленский	6	Батрак	2
Мегежекский (Нюрбинский)	4	Средняк	1
Мегино-Кангаласский	3	Рабочий	6
Намский	5		
Олекминский	12		
Сунтарский	5		
Таттинский	3		
Тимптонский	1		
Томмотский	2		
Усть-Майский	2		
Чурапчинский	6		
Всего курсантов	65	Всего курсантов	65

По данным таблицы, в 1932–1933 учебном году в военной школе обучалось 65 курсантов из 14 районов. Распределение было неравномерным. Больше всего курсантов было из Олёкминского района – 18,4%, Вилуйского – 13,8%, а также из Ленского и Чурапчинского – по 9,2% каждый. Социальный состав курсантов был разнообразным. Большинство (47,7%) происходили из бедных крестьянских семей. Военная школа в основном набирала студентов из колхозной среды, отдавая предпочтение беднякам и батракам. Это соответ-

ствовало социальной политике того времени, направленной на вовлечение малоимущих в военную подготовку.

Якутская национальная военная школа за период с 1926 по 1941 годы выпустила 14 наборов курсантов [3, с. 86]. Первыми средними командирами стали выпускники школы С. Максимов, К. Константинов, Д. Оллонов, И. Жирков, С. Соколов, К. Догоров, Г. Попов, М. Винокуров.

Последний набор 1941 г. в связи с расформированием не был выпущен. Выпускники ЯНВШ показали мужество и героизм на Хасане и Халхин-Голе. С началом Великой Отечественной войны они одними из первых отправились на фронт. Там они проявили себя как отважные командиры отделений и помкомвзводов.

Из стен школы вышел Герой Советского Союза майор Николай Николаевич Чусовской – участник Великой Отечественной войны, командир батальона 172-го гвардейского стрелкового полка 57-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. 18 апреля 1945 г. при дальнейшем продвижении к Берлину, батальон Чусовского, выдвинувшись далеко вперед, попал к вечеру в очень тяжёлое положение, оказавшись в полуокружении контратакующего противника. У бойцов подходил к концу боезапас. Дождавшись сумерек, воины батальона неожиданным налётом захватили склад боеприпасов противника, где были противотанковые гранаты и «фаустпатроны». За умелое командование батальоном и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. гвардии капитану Н.Н. Чусовскому присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [4, с. 164-165].

Многие выпускники посвятили служению Отечеству: И.Ф. Ларионов, Г.В. Наумов, Г.Е. Попов, Г.Д. Жегусов, С.И. Попов и др. Например, Иван Федорович Ларионов был одним из лучших выпускников 1937 г. После окончания школы продолжил учебу в Свердловском военно-пехотном училище, затем вернувшись на родине в 1939 г. стал работать командиром отделения в ЯНВШ. С первых дней войны он сражался на передовой. В октябре 1942 г., благодаря своему опыту в подготовке курсантов, его назначили командиром учебного батальона 31-го запасного стрелкового полка 10-й запасной стрелковой бригады. Бригада готовила младших командиров для Юго-Западного, Степного, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. После войны Ларионов продолжил службу в армии [4, с. 94-95].

Выпускники ЯНВШ были ключевыми фигурами в военно-патриотическом воспитании населения, особенно молодежи в районах. П.Н. Токарев вспоминает Серафима Петровича Аммосова, выпускника ЯНВШ, как особенно яркого человека [3, с.98]. С.П. Аммосов не получил формального образования, но самостоятельно научился читать и писать. В 1934 г. он поступил в ЯНВШ, а после окончания был назначен управляющим Усть-Алданской районной конторы заготскот. Через год возглавил Районный совет ОСОАВИАХИМа. В мае 1939 г. решением райкома ВКП(б) его приняли в партию и назначили заведующим военным отделом райкома. Имел звание младшего политрука. С 1944 г. до своей смерти в мае 1947 г. был секретарем Усть-Алданского райкома ВКП(б) по кадрам. Во время войны не был призван на фронт из-за туберкулеза. 22 января 1947 г., из-за продолжительной болезни, скончался в возрасте 34 лет. В годы войны на фронт не был призван, т.к. заболел туберкулезом. 22 января 1947 г. из-за продолжительной болезни скончался в возрасте 34 лет [9, л. 5-7.].

Заключение

Якутская национальная военная школа сыграла значимую роль в истории Якутии и в укреплении обороноспособности Советского Союза. Её создание стало ответом на потребность в подготовке младших командиров из числа местного населения – людей, знающих язык, культуру и особенности региона, способных эффективно обучать и организовывать военные подразделения. Якутская национальная военная школа просуществовала 15 лет и подготовила более 800 младших командиров.

Выпускники ЯНВШ проявили себя как в мирное время, так и на полях сражений. В мирное время они работали в советских и партийных органах, милиции, руководили местными отделами Осоавиахима, становились бригадирами в колхозах, возглавляли комсомольские и спортивные организации. В военных конфликтах предвоенного периода выпускники участвовали в боях на КВЖД, у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. В годы Великой Отечественной войны воспитанники школы сражались на разных фронтах, участвовали в разгроме Квантунской армии в 1945 г. Многие были удостоены государственных наград, а Н.Н. Чусовской удостоен звания Героя Советского Союза.

Литература

1. Безугольный А.Ю. Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // *Oriental Studies*. 2016. №5. С. 58-70.
2. Кадыров, Б. Г. Национальные военно-учебные заведения на территории Татарской республики в 1920-1930-е гг. // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2008. №1-2, С. 94-98.
3. Токарев П.Н. История военного комиссариата Республики Саха (Якутия). Ч.1. Якутск, 2000.
4. Гурьев К.Н. Воспитанники Якутской военной школы в боях и в труде. Якутск, 2005.
5. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС (Я)). Ф. Р.597. Оп.1. Д.8.
6. НА РС (Я). Ф. Р.597. Оп.1. Д.11.
7. НА РС (Я). Ф. Р.597. Оп.1. Д.20.
8. Школа профессиональных воинов-якутян, давшая многих героев Великой Отечественной // ГКУ РС (Я) «Национальный архив Республики Саха (Якутия)»: офиц. сайт. Якутск. <https://archivesakha.ru/2025/06/03/shkola-professionalnyh-voinov-yakutyany-davshaya-mnogih-geroev-velikoj-otechestvennoj/> Дата обращения: 31.03.2026.
9. НА РС (Я). Ф. П.3. Оп.156. Д.120.

References

1. Bezugolny, A.Yu. National Formations of the Red Army in the 1930s // *Oriental Studies*. 2016. No. 5, pp. 58-70.
2. Kadyrov, B. G. National military educational institutions in the territory of the Tatar Republic in the 1920s and 1930s // *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2008. No.1-2, pp. 94-98.
3. Tokarev P.N. History of the Military Commissariat of the Republic of Sakha (Yakutia). Ch.1. Yakutsk, 2000.
4. Guryev K.N. Pupils of the Yakut military school in battle and in labor. Yakutsk, 2005.
5. Nacional'nyj arhiv RS (Ya) (dalee – NA RS(Ya)). F. R.597. Op.1. D.8.
6. NA RS(Ya). F. R.597. Op.1. D.11.
7. NA RS(Ya). F. R. 597. Op.1. D.20.
8. The school of professional Yakut warriors, which produced many heroes of the Great Patriotic War // GKU RS(Ya) «National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)»: official. website. Yakutsk. <https://archivesakha.ru/2025/06/03/shkola-professionalnyh-voinov-yakutyany-davshaya-mnogih-geroev-velikoj-otechestvennoj/> / Date of request: 03/31/2026.
9. NA RS(Ya). F. P.3. Op.156. D.120.

Сведения об авторе

МАКАРОВА Аграфена Иннокентьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История, обществознание и политология», Исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

E-mail: if_aim@mail.ru

About the author

MAKAROVA Agrafena Innokentievna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Social Science and Political Science, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest

Поступила в редакцию / Received 15.03.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 17.04.2026

Принята к публикации / Accepted 21.05.2026

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. К. АММОСОВА
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
СЕРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.
«SOCIAL SCIENCE» SERIES**

Сетевое издание

№ 2 (42) 2026

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Формат 70x108/16.

Дата выхода в свет 30.06.2026.